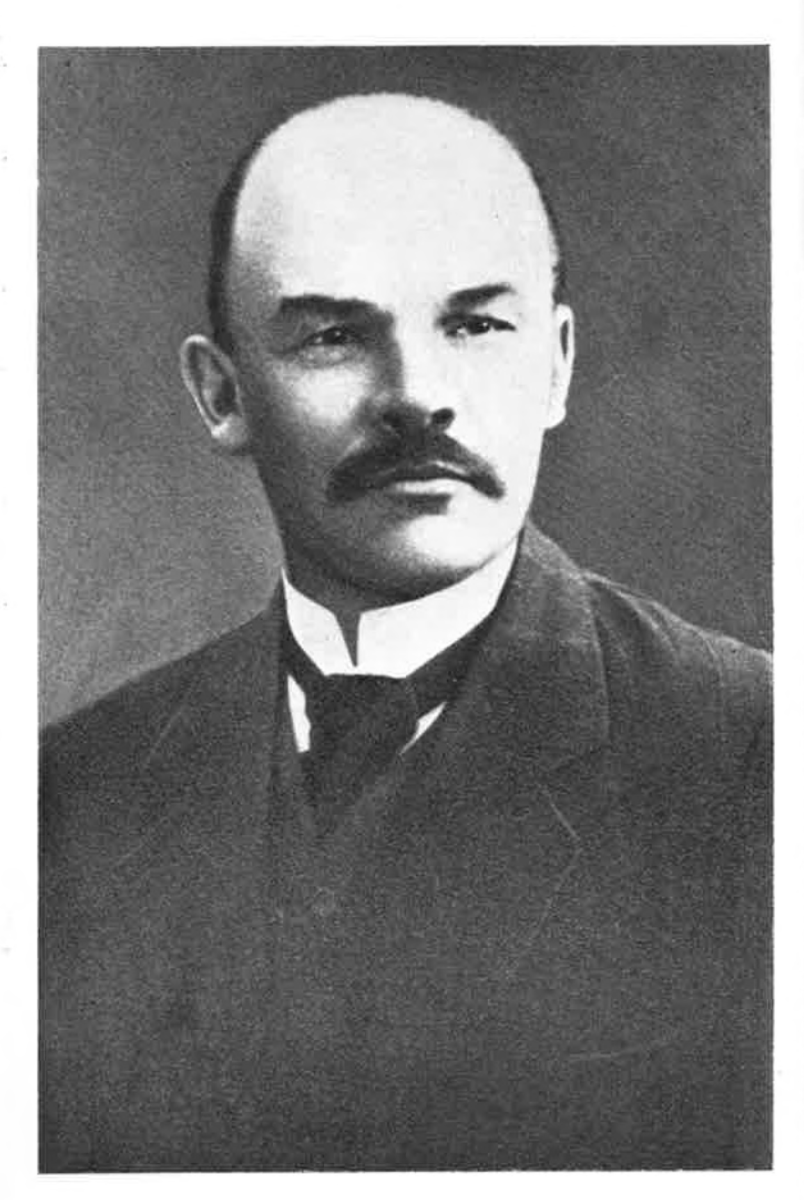


ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС—
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

А. Я. ВЕЛИКАНОВА, Б. П. КОНДРАТЬЕВ, Г. А. ПОЧЕБУТ

НА ПУТИ КО ВТОРОМУ ШТУРМУ

*Большевики Петрограда
между двумя революциями
(1907 г.—февраль 1917 г.)*

ЛЕНИЗДАТ · 1974

3 КП 1—3
В—27

В истории нашей партии период между двумя революциями (1907—1917 гг.), насыщенный острыми классовыми схватками, быстрой сменой разных форм движения, занимает особое место.

Руководимая В. И. Лениным большевистская организация Петербурга—Петрограда в годы реакции, в годы нового революционного подъема и первой мировой войны накопила богатый опыт идейной борьбы за чистоту ленинизма, разработала и применила новые тактические методы и приемы легальной и нелегальной организаторской работы в массах.

Авторы книги рассказывают о деятельности Петербургской организации большевиков в этот период.

Научный редактор
доктор исторических наук Г. С. Жуйков

В $\frac{10203-237}{М\ 171(03)-74}$ 86—74

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге рассказывается о деятельности Петербургской партийной организации в труднейшее десятилетие между первой и второй русскими революциями. За эти годы, действуя в чрезвычайно сложной, не раз круто менявшейся обстановке приливов и резких отливов революционных волн, наша партия показала классические образцы взаимоотношений организованного авангарда с широкой пролетарской массой и общедемократическим движением. Костяк рабочей партии, сплоченный и воспитанный В. И. Лениным, впоследствии составил ту силу, которая возглавила борьбу пролетариата и крестьянской бедноты за завоевание власти в октябре 1917 года.

Казалось бы, наше время от рассматриваемого периода отделяет солидная историческая дистанция. И все-таки глубокая разработка данной темы актуальна. Ведущей тенденцией исторического развития России того времени было бурное перерастание острых классовых битв передового слоя промышленного пролетариата в массовое революционное движение. Л. И. Брежнев, выступая на XXIV съезде КПСС, подчеркнул, что государственные круги капиталистических стран, как никогда, боятся перерастания классовой борьбы пролетариата в массовое революционное движение. Из этого следует, что исторический опыт партии, накопленный за десятилетие подготовки второго штурма российского самодержавия, весьма ценен для нынешнего поколения революционных борцов.

За десять лет, прошедших между первой и второй русскими революциями, гигантски выросла руководящая

рабочего класса к неизбежному наступлению нового революционного подъема.

Несколько тяжелых лет, последовавших за контрреволюционным третьеиюньским переворотом, показали жизнестойкость партии, ее способность и умение руководить массами не только в условиях подъема революции, но и в условиях ее временного поражения, не только осуществлять наступательную тактику, но и организованно отступать, сохраняя при этом верность революционным принципам и партийной программе.

3 июня 1907 года царь Николай II выступил с манифестом, в котором объявлялось о роспуске II Государственной думы, о созыве III Думы и о новом избирательном законе. В ночь со 2 на 3 июня была арестована социал-демократическая думская фракция. Эти события, по определению Ленина, «явились поворотным пунктом в истории нашей революции» [2]. Они свидетельствовали о том, что единоборство революции с контрреволюцией пока завершилось временной победой контрреволюции и хозяином положения в стране снова стал царизм.

Разгон II Думы не был неожиданностью. В. И. Ленин еще в марте 1907 года писал: «Разгон Думы более, чем вероятен: он неизбежен...» [3]

Состав II Думы вопреки ожиданиям царя и его окружения оказался более левым, чем состав I Думы. Причиной этого было продолжавшееся революционизирование крестьянства. Левые партии во II Думе имели 222 голоса из 518. В социал-демократическую фракцию входило 65 депутатов. Боевым ядром фракции были 15 большевиков и 3 депутата, им сочувствовавшие. Несмотря на преобладающее влияние меньшевиков, фракция сумела объединить около себя трудовиков, эсеров, народных социалистов. Социал-демократы в Думе, хотя и непоследовательно, отстаивали решение аграрного вопроса в интересах крестьян. Аграрная программа кадетов, защищавшая интересы помещиков, не была поддержана в Думе депутатами, посланными крестьянством. Окончательно убедившись в этом, царь решил распустить Думу. Поводом послужил испытанный прием реакционеров — провокация.

1 июня на заседании Думы выступил председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин. Опираясь на сфабрикованное охранкой обвинение социал-демократической фракции в подготовке вооруженного восстания, он потребовал ареста 16 депутатов и отстранения всей фракции от участия в заседаниях Думы. Если правые горячо поддержали это требование, то кадеты проявили колебание. Была создана комиссия.

2 июня Дума собралась на свое 53-е заседание. Для всех было очевидно, что это заседание — последнее. Вечером депутаты-большевики, среди которых были И. А. Петров (Петербург), Н. А. Жиделев (Иваново-Вознесенск), И. Р. Романов (Сормово), В. М. Серов (Саратов), В. А. Чащин (Урал), А. П. Вагжанов (Тверь), Е. А. Петров (Урал), И. Ф. Голованов (Кустанай), поехали к В. И. Ленину в Куоккалу. Сюда, в небольшой дачный поселок на территории Финляндии, в 42 километрах от Петербурга, на хорошо им известную дачу «Ваза», они приезжали не раз. Один из депутатов В. А. Чащин вспоминал:

«Приехали мы взволнованные, рассказали ему обо всем, что происходило в Думе на последних двух заседаниях... Обсудив создавшееся положение, Владимир Ильич предложил нам направиться на фабрики и заводы Петербурга и рассказать рабочим о происходивших событиях.

Между прочим, когда я заметил, что в момент нашего выступления на собраниях мы будем сейчас же арестованы, Владимир Ильич ответил: — Так что же? Пусть берут на глазах у всех, пусть все видят, как царское правительство расправляется с депутатами от рабочих» [4].

Глубокой ночью депутаты распрощались с В. И. Лениным и уехали в Петербург, уговорившись утром отправиться на фабрики и заводы. Но выступить перед рабочими им не удалось, — в ту же ночь все они были арестованы.

Третьеиюньский переворот убрал последние преграды для разгула реакции и массовых репрессий против революционного народа. 2 июня Столыпин направил генерал-губернаторам и градоначальникам телеграмму: «Высочайшим указом Государственная Дума будет распущена 3 июня с назначением созыва новой Думы первого ноября сего года. Благоволите принять все меры к поддержанию порядка» [5]. И меры были приняты.

дел „революционной“ фразой за границей — вот суть политики „троцкизма“» [21].

Идейные шатания и разброд в партии усугублялись ее организационным ослаблением. Жестоким полицейским репрессиям подвергались центральные органы партии, комитеты местных организаций, районный актив, партийная печать и техника. В течение всего периода столыпинщины Петербургская организация РСДРП пережила 15 массовых арестов работников. Петербургский комитет подвергался арестам в полном составе 6 раз, причем в 1910 году — трижды [22]. Надо было обладать поистине неиссякаемыми силами и поразительной жизнестойкостью, чтобы всякий раз после столь опустошительных ударов вновь собирать уцелевших от разгрома, создавать партийные ячейки и кружки и снова продолжать революционную работу в массах.

В Петербурге были арестованы, заключены в тюрьмы, сосланы на каторгу и на поселение в Сибирь сотни большевиков. Многие активные рабочие, уволенные с заводов и фабрик и занесенные в «черные списки», вынуждены были уехать из столицы. Значительному числу партийцев-профессионалов пришлось покинуть Россию, стать эмигрантами. Подавляющее число интеллигентов вышло из партии. Все это привело к очень сильному сокращению численности партийных организаций.

Петербургская организация, являвшаяся одной из самых крупных и в тот период, за три года господства реакции потеряла свыше 90 процентов своего состава и сократилась с 8800 членов (первая половина 1907 года) до 600 членов (начало 1910 года) [23].

Московская городская партийная организация за это время сократилась более чем в 5 раз — с 1500 членов до 270; Екатеринбургская — с 1070 членов до 250. Аналогичное положение было и в других местных организациях.

Было бы ошибочно считать, что партийные организации в годы реакции только теряли своих членов. Убедительным свидетельством того, что партия и в это трудное время жила и развивалась, является приток в ее ряды новых членов. Даже в самые глухие годы реакции — в 1908—1909 годах — в партию вступали и рабочие и интеллигенты.

На заседании ПК 23 октября 1908 года, например, было решено, учитывая недостаток в партийных работниках, «привлечь к работе тех 15 человек, которые за последний месяц предложили свои услуги для партийной работы» [24]. Весной 1909 года агент ЦК С. И. Гусев писал из Петербурга за границу, что налицо стремление рабочих поступить в партийные кружки и через них в партию. «Рабочие так охотно идут в кружки. И необходимо отметить: к нам идут новые элементы. В Питере безусловно заметна обратная тяга к социал-демократии от эсеров, максималистов, чистых профессионалистов и т. п. Это — знамение времени» [25].

В сентябре 1909 года член ПК Ф. И. Голощекин в своем письме в Большевистский центр сообщал: «Из докладов в сегодняшнем ПК выяснилось, что рабочие массами идут в организацию, что ими ясно осознана необходимость как легальной, так и нелегальной организации и тесная связь их...» [26] Я. М. Свердлов, посланный Центральным Комитетом в Петроград для восстановления ПК, осенью 1910 года с удовлетворением отмечал, что «ряд старых товарищей возвращается на работу, и рабочая молодежь вместе с незатронутыми, более или менее серыми массами, что называется, прут в организацию» [27].

Изменился качественный состав организаций. Повсеместно они оказались на $^{9}/_{10}$ состоящими из рабочих. На руководящую партийную, а также и на пропагандистскую работу пришли передовые рабочие. «Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих» [28] — так характеризовал это явление В. И. Ленин.

Среди рабочих, активно работавших в годы реакции в партийной организации, можно увидеть три поколения.

Первое поколение составляли опытные рабочие, зрелые революционеры, связавшие свою судьбу с партией задолго до революции. Они сыграли выдающуюся роль во время развития революции и, как правило, были хорошо известны полиции. И лишь высокое искусство конспирации и умение не давать полиции явных улик против себя позволяли им удержаться на свободе. Партийная организация ценила их и оберегала от излишнего риска, прибегая к их помощи и совету лишь в самых необходимых случаях. Многие из них вели работу в легальных рабочих организациях. К этой категории рабочих-революционеров в Петербурге относились В. А. Шелгунов,

дел „революционной“ фразой за границей — вот суть политики „троцкизма“»[21].

Идейные шатания и разброд в партии усугублялись ее организационным ослаблением. Жестоким полицейским репрессиям подвергались центральные органы партии, комитеты местных организаций, районный актив, партийная печать и техника. В течение всего периода столыпинщины Петербургская организация РСДРП пережила 15 массовых арестов работников. Петербургский комитет подвергался арестам в полном составе 6 раз, причем в 1910 году — трижды[22]. Надо было обладать поистине неиссякаемыми силами и поразительной жизнестойкостью, чтобы всякий раз после столь опустошительных ударов вновь собирать уцелевших от разгрома, создавать партийные ячейки и кружки и снова продолжать революционную работу в массах.

В Петербурге были арестованы, заключены в тюрьмы, сосланы на каторгу и на поселение в Сибирь сотни большевиков. Многие активные рабочие, уволенные с заводов и фабрик и занесенные в «черные списки», вынуждены были уехать из столицы. Значительному числу партийцев-профессионалов пришлось покинуть Россию, стать эмигрантами. Подавляющее число интеллигентов вышло из партии. Все это привело к очень сильному сокращению численности партийных организаций.

Петербургская организация, являвшаяся одной из самых крупных и в тот период, за три года господства реакции потеряла свыше 90 процентов своего состава и сократилась с 8800 членов (первая половина 1907 года) до 600 членов (начало 1910 года)[23].

Московская городская партийная организация за это время сократилась более чем в 5 раз — с 1500 членов до 270; Екатеринбургская — с 1070 членов до 250. Аналогичное положение было и в других местных организациях.

Было бы ошибочно считать, что партийные организации в годы реакции только теряли своих членов. Убедительным свидетельством того, что партия и в это трудное время жила и развивалась, является приток в ее ряды новых членов. Даже в самые глухие годы реакции — в 1908—1909 годах — в партию вступали и рабочие и интеллигенты.

На заседании ПК 23 октября 1908 года, например, было решено, учитывая недостаток в партийных работниках, «привлечь к работе тех 15 человек, которые за последний месяц предложили свои услуги для партийной работы»[24]. Весной 1909 года агент ЦК С. И. Гусев писал из Петербурга за границу, что налицо стремление рабочих поступить в партийные кружки и через них в партию. «Рабочие так охотно идут в кружки. И необходимо отметить: к нам идут новые элементы. В Питере безусловно заметна обратная тяга к социал-демократии от эсеров, максималистов, чистых профессионалистов и т. п. Это — знамение времени»[25].

В сентябре 1909 года член ПК Ф. И. Голощекин в своем письме в Большевистский центр сообщал: «Из докладов в сегодняшнем ПК выяснилось, что рабочие массами идут в организацию, что ими ясно осознана необходимость как легальной, так и нелегальной организации и тесная связь их...»[26] Я. М. Свердлов, посланный Центральным Комитетом в Петроград для восстановления ПК, осенью 1910 года с удовлетворением отмечал, что «ряд старых товарищей возвращается на работу, и рабочая молодежь вместе с незатронутыми, более или менее серыми массами, что называется, прут в организацию»[27].

Изменился качественный состав организаций. Повсеместно они оказались на $^9/_{10}$ состоящими из рабочих. На руководящую партийную, а также и на пропагандистскую работу пришли передовые рабочие. «Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих»[28] — так характеризовал это явление В. И. Ленин.

Среди рабочих, активно работавших в годы реакции в партийной организации, можно увидеть три поколения.

Первое поколение составляли опытные рабочие, зрелые революционеры, связавшие свою судьбу с партией задолго до революции. Они сыграли выдающуюся роль во время развития революции и, как правило, были хорошо известны полиции. И лишь высокое искусство конспирации и умение не давать полиции явных улик против себя позволяли им удержаться на свободе. Партийная организация ценила их и оберегала от излишнего риска, прибегая к их помощи и совету лишь в самых необходимых случаях. Многие из них вели работу в легальных рабочих организациях. К этой категории рабочих-революционеров в Петербурге относились В. А. Шелгунов,

М. И. Калинин, Н. Г. Полетаев, Е. А. Климанов, С. Я. Аллилуев, А. В. Шотман, Д. А. Павлов, П. С. Грибакин и другие.

Второе поколение — это те, кто вступил в партию большевиков накануне или во время революции. Они были очень активны, прошли школу революции, но им недоставало навыков будничной работы в условиях глубокого подполья. Приобретали они этот опыт нелегко, часто с большими потерями. Но как раз эта часть революционных рабочих и взяла на свои плечи основную тяжесть трудной работы. Именно к этой категории относятся слова Ленина о роли в партии рабочих, ставших революционерами-профессионалами.

Представителями второго поколения являются такие замечательные рабочие-большевики, стойкие ленинцы, как А. М. Буйко, А. Е. Васильев, А. И. Иванова, И. С. Белостоцкий, А. Е. Бадаев, Е. П. Онуфриев, Н. М. Шверник, М. И. Бублеев, Д. Ф. Голованов, М. Г. Белов, А. Н. Павлов, А. Ф. Пронин, А. М. Пирейко, Н. И. Тетерин, Е. М. Изотов и десятки других.

Заслугой первого и второго поколений является то, что в годы злейшей реакции они воспитали новое, третье поколение борцов, пополнившее ряды партии.

Нужно было обладать большим мужеством и твердой верой в победу революции, чтобы вступить в партию большевиков в лихолетье. В это время ряды большевиков-ленинцев пополнялись такими молодыми рабочими, как К. И. Николаева, А. В. Артюхина, И. С. Егоров, В. П. Капранов, Н. П. Комаров, Ф. З. Матвеев, В. М. Солдаткин, В. П. Красильников, А. Н. Никифоров, А. К. Цветков-Просвещенский, В. П. Шуняков, А. В. Авдеев, В. П. Лебедев, С. И. Кутузов и другие.

Эти три поколения большевиков-рабочих и составляли ядро Петербургской организации РСДРП в годы реакции.

Было бы несправедливо утверждать, что в рассматриваемый период партия совсем не имела надежных в идейном отношении интеллигентских кадров. Верно, что количество их резко сократилось. Но твердые интеллигенты-марксисты оставались в рядах партии, разделяли вместе с рабочим классом все тяготы и лишения времен столыпинщины.

В Петербурге находились в годы революции и в первые месяцы реакции центральные учреждения партии,

партийные издательства и редакции большевистских печатных органов, около них группировался актив партийных работников-профессионалов. В работе Петербургской организации РСДРП принимали самое активное участие В. И. Ленин, а также такие революционеры-профессионалы из интеллигентов, как Л. Б. Красин, И. Ф. Дубровинский, Р. С. Землячка, Н. Н. Батурин, Г. Д. Лейтейзен, В. И. Невский, И. П. Гольденберг (Мешковский), Т. И. Попов, Н. К. Крупская, М. Н. Лядов и многие другие. В этот период уход колеблющейся, впавшей в апатию и пессимизм части интеллигенции из партийных организаций еще не проявился в полную меру. Поэтому говорить о трудностях в партийной работе, вызванных нехваткой интеллигентских сил, можно лишь применительно к 1908—1910 годам.

К этому времени, в связи с переездом центральных партийных учреждений за границу, вынуждены были эмигрировать очень многие революционеры-профессионалы, что в определенной степени отразилось на состоянии организационной и агитационно-пропагандистской работы в местных партийных организациях. Однако часть партийной интеллигенции, оставшейся верной революционной марксистской программе, продолжала работать в России. В Петербурге легально проживали и вели нелегальную работу Л. Б. Красин (до ареста в марте 1908 года), В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская, В. Р. и Л. Р. Менжинские, М. С. Ольминский, Л. М. Книпович, М. С. Кедров, Н. И. Подвойский (два последние — до ареста в апреле 1908 года), А. М. Коллонтай (до декабря 1908 года), П. Ф. Куделли, В. М. Федоров, А. А. Кузьмин (до января 1908 года), Н. В. Крыленко, В. К. Слуцкая, А. А. Ильин (до ареста в марте 1909 года).

Многие революционеры-профессионалы вынуждены были перейти на нелегальное положение, часть из них уже была «нелегальной» и продолжала вести партийную работу. К ним относились И. Ф. Дубровинский, К. Н. Самойлова, А. П. Голубков, Я. М. Свердлов, Ф. И. Голощекин, Ф. Ф. Насимович, Г. И. Ломов, Н. А. Скрыпник, К. Л. Гвоздиков, Е. М. Хрущева (Вера Владимирова) и другие.

Вместе с тем в эти годы учащаяся и студенческая молодежь выдвинула из своей среды немногих, но

активных молодых большевиков, которые с присущей молодежи энергией и страстью включились в партийную работу. Это были В. А. Ватин (Быстрянский), Г. А. Усиевич, Г. С. Вейнбаум, А. А. Масленников, А. И. Маширов, Г. И. Бокий, Ф. И. Квасков, А. В. Коробов, Е. Б. Пашуканис, Г. Л. Шидловский и другие.

Нехватка интеллигентов усугублялась тем, что их работа, как правило, отличалась непродолжительностью и быстро заканчивалась арестом. Появление интеллигентов в рабочей среде было трудно скрыть от полиции, и они довольно быстро становились жертвой охранки.

Примерные данные о составе ПК в годы реакции и их анализ подтверждают вывод о более значительной роли интеллигенции в партийной работе в Петербурге, чем это принято считать до сих пор. Для анализа целесообразно взять состав ПК за три года — 1908, 1909, 1910. За три года в составе ПК работало 64 человека. Из них рабочих — 28, интеллигентов — 30, неустановленного социального положения — 8.

В 1907 году положение выглядело по-иному. Из 30 членов ПК во второй половине 1907 года лишь 3—4 были рабочие, остальные — представители партийной интеллигенции. В последующие годы, как мы видели, рабочих и интеллигентов было примерно поровну. Таким образом, наряду с возрастанием роли рабочих в составе ПК интеллигенция продолжала занимать там значительное место. В районных же комитетах явно преобладали рабочие. Интеллигенты, как правило, вели пропагандистскую работу, выполняли обязанности секретарей и часто — ответственных организаторов.

Примечательно, что среди членов ПК в годы реакции преобладала молодежь.

О возрастном составе членов ПК, арестованных 1 марта 1909 года, А. М. Буйко вспоминал: «Все мы, судившиеся по делу Петербургского комитета, были в возрасте комсомольцев (примерно двадцать — двадцать три года), и лишь Денисов считался «пожилым» — ему, кажется, было тридцать — тридцать два года» [29].

В двух письмах из Петербурга в Большевистский центр в августе и сентябре 1909 года не без иронии говорится, что «в комитетах руководят зеленые младенцы» и «в ПК из 8-ми юнцов — 4 отзовиста» [30]. Если





Члены Петербургского комитета в годы реакции: *С. Я. Багдатьев, А. М. Буйко, А. Е. Васильев, В. А. Ватин (Быстрянский), А. А. Масленников, Н. Н. Панин, К. Н. Самойлова, Г. А. Усиевич.*

посмотреть персонально состав ПК и районных комитетов, то видно, что это — рабочая молодежь и студенты.

Организационное ослабление партии вследствие полицейских репрессий и бегства интеллигенции, антипартийные действия ликвидаторов и отзовистов, уныние и апатия среди значительных слоев пролетариата — главные черты тяжелого кризиса РСДРП. Пути преодоления этого кризиса были определены в работах В. И. Ленина, в решениях общепартийных конференций. В них дана марксистская оценка новых политических условий, порожденных натиском реакции, выработана новая тактика, соответствующая этим условиям. Победа реакции расценивается В. И. Лениным и партией как временное явление. Наступление нового революционного подъема неизбежно, так как не были разрешены все основные противоречия, вызвавшие революцию 1905—1907 годов. Политическая программа партии поэтому оставалась без изменений. В новых условиях менялась лишь тактика. В годы революции партия осуществляла тактику наступления и на первый план выдвигалась задача открытого штурма самодержавия. Теперь партия отступала, но отступала организованно, решая главную задачу момента — сохранение и упрочение нелегальной партийной организации. Для этого надо было уйти в глубокое подполье, но в то же время сохранить и расширить связи с массами, найти новые формы и методы борьбы. Предстояло вести кропотливую будничную работу по политическому воспитанию масс, осмыслению ими уроков революции, подготовке рабочих к новому революционному наступлению, ко второму штурму самодержавия. Основным тактическим принципом стало сочетание нелегальных форм революционной борьбы с деятельностью в легальных массовых организациях, даже самых реакционных. От большевиков требовалось более чем когда-либо умение вести свою тактическую линию, не умаляя главных задач борьбы, не принижая идейно-политического содержания даже самой скромной, неяркой, мелкой, на первый взгляд будничной работы.

Тактическим вопросом, требовавшим немедленного решения, был вопрос об отношении к III Государственной думе. Ленинская тактика участия в выборах в Думу была одобрена большинством делегатов III конференции РСДРП в Котке (июль 1907 года), а выработанная

им тактика социал-демократической фракции в Думе получила поддержку IV конференции РСДРП в Гельсингфорсе (ноябрь 1907 года). V конференция РСДРП, проходившая в Париже в декабре 1908 года, обсудила и приняла большевистские резолюции о современном моменте и задачах партии, по организационному вопросу, о думской социал-демократической фракции и другие. Ликвидаторы и отзовисты, активно выступавшие на конференции против ленинской тактической линии, потерпели поражение. Решениями V конференции партия руководствовалась в тяжелые годы реакции.

В. И. Ленин высоко оценил итоги V конференции. В статье «На дорогу» он писал: «Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции»[31].

Успешно осуществлять новую тактику могла лишь сплоченная, гибкая, хорошо законспирированная, боеспособная, нелегальная партийная организация. Поэтому главной задачей момента было сохранение и укрепление революционной марксистской партии, созданной В. И. Лениным.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

В первые месяцы реакции структура Петербургской организации РСДРП соответствовала уставу, принятому мартовской общегородской конференцией 1907 года. Согласно уставу организация строилась на основе принципа демократического централизма. Во главе ее стояла общегородская конференция, избиравшаяся сроком на полгода всеми членами партии при норме — один делегат от 50 членов. Собираться она должна была не реже двух раз в месяц. Конференция выбирала свой исполнительный орган — Петербургский комитет — из членов партии, обязательно работающих в том или ином районе.

Мартовский устав оговаривал, что членом Петербургской организации РСДРП считается всякий, кто признает партийную программу, платит членские взносы и входит в какую-нибудь местную партийную организацию. Первичные фабрично-заводские ячейки именова-

2 Зак. № 809

лись заводскими союзами. Общее собрание заводского союза избирало заводской комитет. Руководящим органом в районе была районная конференция, выбираемая прямым голосованием при норме — один делегат от 25 членов партии. Районная конференция направляла всю работу в районе в соответствии с директивами общегородской конференции и под непосредственным руководством ПК. Районная конференция избирала районный комитет.

Очень важно отметить, что в мартовском уставе специально предусматривалось, что все исполнительные органы, как выборные учреждения, не имели права кооптации.

Большевистские и меньшевистские фракционные организации в Петербурге существовали параллельно.

На мартовской конференции большевистские делегаты представляли 5100 членов партии, меньшевистские — 2200 *. Из общего числа делегатов конференции — 136 человек — на долю большевиков приходилось две трети. По социальному составу конференция была преимущественно пролетарской — более 100 ее делегатов были рабочими. Конференция избрала Петербургский комитет из 19 человек, на три четверти большевистский [32].

Общегородская организация делилась на следующие территориальные районы:

Городской, который к 1908 году разделился на 1-й Городской (Песковский и Сан-Гальский подрайоны) и 2-й Городской (Франко-Русский и Спасский подрайоны);

Василеостровский (Балтийский, Гаванский, Гвоздильный, Голодаевский, Патронный подрайоны);

Выборгский (Охтинский, Полюстровский, Сампсониевский, Ткацкий, Чернореченский, Казенный подрайоны);

Петербургский (Каменноостровский, Колтовский, Новодеревенский, Пушкарский подрайоны);

Невский (Семянниковский, Обуховский, Александровский, Фабричный, Стеклянный подрайоны);

Московский (Сапожный, Обводный, Механический, Кожевенный подрайоны);

* В выборах делегатов на V съезд РСДРП в апреле 1907 года участвовали 6000 большевиков и 2800 меньшевиков.

Нарвский (Путиловский, Тентелевский подрайоны);

Окружной (Кронштадтский, Сестрорецкий, Колпинский, Шлиссельбургский подрайоны).

По производственному признаку были сформированы два района — Железнодорожный и Ремесленный. Кроме того, на правах районов в Петербургскую организацию РСДРП входили национальные группы — латышская и эстонская.

В первой половине 1907 года большевики полностью подчинили своему влиянию Окружной, Ремесленный, Латышский, Эстонский районы, занимали сильные позиции в Городском, Василеостровском, Невском, Петербургском, Московском районах. В Нарвском районе силы большевиков и меньшевиков были примерно равны, и лишь в Выборгском и Железнодорожном преобладали меньшевики [33].

Наступление реакции, опустошительные аресты, отлив от партии интеллигенции, вынужденная эмиграция профессиональных партийных работников нарушили организационную структуру и заставили большевиков искать новые формы, которые позволили бы уберечь нелегальные организации от провалов и вести революционную работу в массах.

Общегородская конференция и Петербургский комитет понесли тяжелый урон уже в первые дни после контрреволюционного переворота. Однако они продолжали функционировать и руководить партийной организацией. После 3 июня работа общегородской конференции сильно осложнилась. Из-за вмешательства полиции редкое заседание удавалось закончить или провести в одном месте. Бывали случаи, когда прерванную работу возобновляли лишь через несколько дней. Вопрос о датах заседаний конференции требует еще дополнительного исследования. С полной определенностью можно сказать, что заседания конференции в рассматриваемый период проходили 5 июня, 8 и 14 июля, 2—3, 23 сентября и 27 октября 1907 года. Из материалов судебного процесса группы большевиков в 1908 году видно, что при аресте секретаря ПК Т. И. Попова в ночь на 29 сентября 1907 года были взяты «пять тетрадей, в которых рукой Попова записаны протоколы заседаний конференции Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии от 14 июля, 8, 9, 10 августа, 2—5, 6, 17, 19 и 26 сентября 1907 года» [34].

думы. (Суд проходил с 21 ноября по 1 декабря 1907 года.) Предвидя усиление репрессий, конференция приняла решение, что если она впредь по какой-либо причине собраться не сможет, то Петербургский комитет, остающийся в качестве руководящего органа, будет избираться на районных конференциях [37].

Следующее заседание конференции, назначенное на 24 ноября, созвать не удалось. Прокатилась новая волна повальных обысков и арестов.

9 декабря в Куоккале состоялось совместное заседание ЦК и ПК, которое приняло решение распустить общегородскую конференцию. Было высказано мнение, что пока, на время реакции, придется несколько изменить технику и практику партийной работы. Нечего было и думать в тех условиях собирать тот в высшей степени представительный коллектив, каким являлась общегородская конференция.

Прекращение деятельности общегородской конференции и передача ее функций Петербургскому комитету было актом вынужденным, вызванным наступлением реакции. Тем не менее оппортунистические элементы по этому поводу, как писала газета «Пролетарий», могли «легко поднять крик о подпольной «кружковщине», о «недемократичности» и т. д. Но крики эти явно бездельные. Ни в массовых провалах, ни в том, что живая работа стоит за отсутствием помещений для собраний, равно ничего демократического нет» [38].

Петербургский комитет также подвергался полицейским атакам. Наиболее серьезный ущерб был нанесен составу ПК, избранному на конференции 3 сентября 1907 года.

В ночь на 29 сентября были арестованы секретарь Петербургского комитета Т. И. Попов, член ПК В. В. Гомберг (Ингульский) и несколько активных партийных работников П. Ф. Коломанов, Ф. и А. Васильевы, Р. Н. Кирсанов, И. Е. Яковлев и Г. А. Равелин. При обыске у Попова был обнаружен архив Петербургского комитета.

Не успел ПК оправиться от этого удара, как 10 ноября 1907 года последовал арест всех членов ПК, собравшихся на очередное заседание (Лодейнопольская ул., 12, кв. 27). Полицией были схвачены Н. Н. Батурин, В. С. Венгеров, Р. С. Землячка, В. М. Зябкин, П. У. Илинич, М. П. Комарова, И. А. Коновалов,

В. М. Каспаров, Б. С. Розенберг, В. Я. Рудановский, М. П. Томский, Е. И. Чистяков, Ф. Г. Чучин [39].

Новый ПК, избранный в конце 1907 года, сильно отличался по своему составу от предыдущих: его большинство составляли рабочие, интеллигентов насчитывались единицы, меньшевиков не было вообще. Это последнее обстоятельство объясняется тем, что меньшевистские организации в районах быстро таяли, меньшевики поспешно покидали нелегальные партийные организации, избрав ареной своей деятельности легальные организации. С этого момента в течение всего периода реакции в ПК не было ни одного меньшевика. Лишь осенью 1909 года в ПК на короткое время ввели меньшевиков-плехановцев.

Петербургский комитет, учитывая изменившуюся обстановку, разработал план своей временной реорганизации. Для лучшей конспирации предполагалось сократить численность исполнительных органов. Теперь Петербургский комитет должен был состоять из 15—18 человек, которые избирались бы районными конференциями пропорционально числу членов партии по норме, определенной Петербургским комитетом. Общегородская конференция должна была обсудить этот план реорганизации. Из этого плана видно, что ПК пытался все еще строго придерживаться принципа демократического централизма и рассчитывал на созыв общегородской конференции.

С начала 1908 года и в дальнейшем весьма положительную роль в укреплении нелегальной организации стали играть проходившие время от времени межрайонные собрания рабочих-большевиков. Возникновение института межрайонных рабочих собраний являлось характерной чертой того времени.

В конце 1907 года и начале 1908 года остро встал вопрос о замене выбывших интеллигентов, занимавшихся организационной и пропагандистской работой.

Выбранный в конце 1907 года ПК в подавляющем своем большинстве состоял из рабочих. Ответственным организатором ПК в это время был избран А. М. Буйко, слесарь Путиловского завода, член партии с 1904 года. К этому времени он перешел на положение профессионала и все свои силы и энергию отдавал партийной работе. В своих воспоминаниях А. М. Буйко писал: «В 1907 году почти во всех районах Петербурга выде-

лились отдельные рабочие, выполнявшие партийную работу. Они вели кружки первоначальной пропаганды, писали партийные листовки по вопросам рабочей жизни, разъясняли политические задачи, стоявшие перед рабочим классом и нашей партией. Часть из них стояла близко к руководству всей районной работой и была тесно связана с Петербургским комитетом нашей партии. Всю агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу пришлось взвалить на свои плечи этой рабочей интеллигенции. Бывали случаи, когда районные газеты и листовки не имели ни одного сотрудника-интеллигента, обслуживаясь исключительно рабочими»[40].

Эта рабочая партийная интеллигенция училась самостоятельно находить ответы на выдвигаемые жизнью вопросы. Но ей не хватало теоретических знаний, практических навыков руководства, она не прошла сложной и длительной школы конспирации.

Подготовка и воспитание новых руководящих кадров из числа рабочих были одной из важнейших задач, которые партия успешно решила за годы реакции. В живой, практической работе, в борьбе против правых и «левых» оппортунистов, используя помощь оставшихся верными партии интеллигентов, выковывался тип рабочего-большевика, успешно руководившего всей партийной работой. В. И. Ленин в конце 1910 года отмечал, что «новый тип социал-демократического рабочего, берущего партийные дела в свои руки, уже народился...»[41].

В Петербургской организации процесс замещения интеллигентов передовыми рабочими, начавшийся в конце 1907 года, закончился в основном уже к лету 1908 года. Подводя итоги этой перестройки, газета «Пролетарий» писала, что «в этом отношении организация за последние 8—9 месяцев пережила настоящую революцию»[42].

Эта перестройка проходила в невероятно трудных условиях. Зимой 1908 года Петербургская организация пережила новую серию провалов, массовых арестов. Особенно пострадали районные партийные органы, районный актив. В Петербургском, Московском, 2-м Городском, Окружном, Ремесленном, Железнодорожном районах партийная работа замерла на несколько месяцев, а в последних трех районах прекратилась совсем. В Выборгском, Невском и Нарвском районах она была сильно ослаблена. Хорошо шла работа лишь в 1-м Городском и Василеостровском районах, партийным организациям которых удалось избежать повальных арестов.

Однако к лету 1908 года стала налаживаться работа и в других районах.

В некоторых из них начали работать исполнительные комиссии, взявшие на себя функции райкомов, кое-где были собраны районные конференции или районные собрания. Во всех районах сохранились первичные ячейки на заводах и фабриках. К этому времени стало ясно, что ни в Финляндии, ни в окрестностях Петербурга невозможно собрать сколько-нибудь большое собрание или конференцию, настолько усилились полицейская слежка и провокации. В связи с этим районные конференции постановили передать права общегородской конференции Петербургскому комитету. ПК было решено выбирать на районных конференциях — каждый район посылал в Петербургский комитет по два представителя. В силу сложившихся обстоятельств были сделаны некоторые отступления от принципа демократического централизма.

Уже дважды после крупных арестов сохранившаяся часть исполнительной комиссии ПК пополняла свой состав путем кооптации. Это был единственный способ вести работу без перерыва. И в обоих случаях ПК утверждал эти действия исполнительной комиссии. Подобное положение сложилось и в районах. Учитывая все это, Петербургский комитет летом 1908 года (примерно в начале июля) постановил:

1. В случае провала части состава ИК ПК она пополняется кооптацией. Кооптированные члены представляются на утверждение ближайшего заседания ПК.

2. В случае провала части состава районной ИК она также кооптируется и утверждается районной конференцией.

3. Если в районной ИК останется менее трех членов, то они пополняют состав районной ИК совместно с сохранившимися подрайонными учреждениями, а при их провале совместно с представителем ИК ПК. На пополненной при помощи кооптации ИК лежит обязанность по возможности немедленно созвать районную конференцию.

4. В случае провала всех районных учреждений районная исполнительная комиссия, впредь до выборов и

созыва новой районной конференции назначается исполнительной комиссией ПК.

Более того, кооптированным в исполнительную комиссию товарищам и утвержденным Петербургским комитетом предоставляется право решающего голоса на заседаниях ПК. До этого все приглашенные имели в ПК лишь совещательный голос; только выборные от общегородской конференции или потом, от районов, имели право решающего голоса.

Это последнее изменение имеет принципиальный характер. Ранее действия ПК контролировались лишь общегородской конференцией. Но поскольку теперь ее права передавались самому ПК, то кооптация, проводимая Петербургским комитетом, уже никем не контролировалась. Принцип выборности руководящего учреждения, таким образом, нарушался. ПК теперь состоял частью из выборных от районов, частью из кооптированных этими выборными. То есть состав ПК теперь не находился в прямой зависимости от широкой массы членов партии. Газета «Пролетарий», сообщив своим читателям об этой реорганизации, писала: «Мы, большевики, вовсе не являлись никогда сторонниками организованного демократизма во что бы то ни стало. Мы всегда были сторонниками демократического централизма, организационного демократизма, основанного на выборности руководящих учреждений, контролируемой самой широкой гласностью. Между тем основное это условие — внутрипарторганизационная гласность становится совершенно невозможна. Цепляться же за формы демократизма, раз они теряют или в корне видоизменяют свое содержание, мы не станем, если противоположного потребуют от нас интересы дела»[43].

Новый опыт организационно-партийной работы в местных организациях РСДРП, сложившийся под воздействием изменившихся исторических условий, был изучен и обобщен V Общероссийской конференцией РСДРП в декабре 1908 года. Конференция исходила при решении организационного вопроса из того, что центр тяжести партийной работы должен быть перенесен на создание и укрепление нелегальной партийной организации. Конференция констатировала, что современные условия работы делают невозможным применение принципа демократического строительства организации в полной мере.

Обращая внимание на использование нелегальных, полулегальных и легальных организаций для работы в массах, конференция подчеркнула, что эта работа будет возможной и плодотворной лишь при том условии, если на каждом промышленном предприятии будут существовать чисто партийные, хотя бы немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации. Конференция предложила установить самую тесную связь местных организаций с Центральным Комитетом.

Для обеспечения правильного и непрерывного функционирования местных организаций конференция считала допустимым частичное применение принципа кооптации, причем кооптированных членов следовало при первой возможности заменять товарищами, законно выбранными на основании устава. Бросается в глаза, с какой осторожностью рекомендовала конференция пользоваться кооптацией. На местах же к кооптации прибегали более решительно.

Зимой 1909 года партийная работа велась во всех основных районах Петербурга. Так, например, в 1-м Городском функционировала районная конференция и районная исполнительная комиссия. Поддерживались связи почти со всеми предприятиями района, на которых проводилась работа по созданию партийных групп.

В Московском районе работа наладилась с лета 1908 года. Вместо конференции собирались районные собрания (15—20 человек) представителей всех предприятий района. Работала районная исполнительная комиссия. Особенно окрепла организация за лето 1909 года. Во всех подрайонах стали действовать организаторские ячейки, а на заводах — заводские комитеты. Состоялись расширенные собрания районного комитета, на которых был обсужден доклад представителя ПК, выбранного от Московского района. Обсуждался и проект нового устава ПК. Собрания прошли очень оживленно[44].

В Петербургском районе, где партийную организацию совершенно разрушили аресты зимой 1908 года, через год с помощью ПК были установлены связи с заводом «Дюфлон», фабрикой Леонтьева и другими предприятиями, выбран представитель района в ПК.

Василеостровский район к лету 1909 года оставался самым организованным. Только активных членов партии в нем насчитывалось около 200. Регулярно созывалось собрание районных представителей, выполнявшее функции конференции. Оно состояло из представителей заводских групп, организаторов и пропагандистов и насчитывало около 30 человек. На этом собрании избиралась исполнительная комиссия. Рабочие — члены районного собрания вели организационную работу на своих предприятиях. На $^{2}/_{3}$ предприятий района были созданы партийные группы, а на некоторых выбраны заводские комитеты.

В Невском районе действовали районная конференция (12—15 человек) и районная исполнительная комиссия. Активно функционировали партийные ячейки на Александровском, Обуховском, Семянниковском заводах, на фабрике Паля. К лету 1909 года районная организация еще больше укрепилась [45].

В Выборгском и 2-м Городском районах восстановлению партийной работы противодействовали меньшевики-ликвидаторы. В Выборгском районе большевики укрепили свои позиции на Орудийном заводе, на заводе «Лесснер» и на Сампсониевской мануфактуре. Опираясь на них, Петербургский комитет летом 1908 года провел четыре районных собрания, которые избрали представителя в ПК. К лету 1909 года удалось наладить работу во всех подрайонах, восстановить связи с заводами «Нобель», «Парвиайнен», «Эриксон» и рядом других предприятий. На некоторых заводах были оформлены заводские партийные группы, хотя и малочисленные. Несколько раз собиралась районная конференция, была выбрана исполнительная комиссия.

Во 2-м Городском районе Петербургский комитет установил связи с Франко-Русским заводом, Русско-американской резиновой мануфактурой, заводом Калинкина, фабрикой Конради и создал группу активистов из 12 человек для работы в районе [46].

Зимой 1908/09 г. Петербургский комитет поддерживал надежную связь с 27 заводами, на которых имелись первичные ячейки (кружки).

Полицейские репрессии часто прерывали партийную работу в районах или наносили ей серьезный ущерб. Восстановление шло не везде с одинаковым успехом, а иногда партийные организации вообще не удавалось

восстановить. Так, надолго прекратилась работа Окружного, Ремесленного и Железнодорожного районов. Однако и там она продолжала вестись на отдельных предприятиях, несмотря на отсутствие связей с районом в целом. Так, например, работа Окружного района прекратилась зимой 1908 года из-за крупных провалов. Однако на Сестрорецком заводе в глубоком подполье осторожно и умело работали А. Н. Павлов — делегат V съезда партии, Н. А. Емельянов и другие большевики. На Ижорском заводе организация была разгромлена в 1908 году. Но А. Ф. Пронин, будучи хорошим конспиратором, избежал ареста и начал восстанавливать ячейку.

Не замерла жизнь и в национальных группах — эстонской и латышской. В эстонском коллективе работой руководили В. Э. Кингисепп и Ян Анвельт, в латышской группе — П. И. Стучка, К. А. Гайлис, А. Я. Бунге и другие.

Ремесленный район распался вследствие арестов к началу 1908 года. ПК на своем заседании 27 февраля 1908 года принял решение не воссоздавать район, а организовать отдельные социал-демократические группы ремесленников и включить их в состав территориальных районов [47].

Наиболее жизнестойкими и активными оказались 8 районов: Василеостровский, Выборгский, 1-й и 2-й Городские, Московский, Нарвский, Невский и Петербургский. Однако и здесь после массовых арестов наступали перерывы в работе. Но даже и в таких случаях в районе оставались первичные, фабрично-заводские ячейки, которые продолжали действовать. Именно благодаря им в дальнейшем удавалось восстановить районные партийные органы и Петербургский комитет. Эти, хотя и немногочисленные, ячейки, уходящие своими корнями в рабочую массу, были как раз той основой партии, которую не могли уничтожить никакие полицейские преследования.

Успешному восстановлению партийных организаций после крупных провалов 1908 года в значительной степени способствовали правильная политическая линия и энергичная работа Петербургского комитета во главе с А. М. Буйко.

Тем чувствительнее был удар, который нанесла царская охранка Петербургской организации арестом

1 марта 1909 года всего состава ПК во время заседания в помещении Психоневрологического института (Невский пр., 104). Были арестованы А. М. Буйко, В. А. Ватин (Быстрянский), К. Н. Самойлова, В. П. Денисов, Н. И. Тетерин, М. И. Бублеев, В. В. Кузьмина, Б. Я. Горин-Гурин, Ш. Л. Альтшуллер, Р. С. Дворцова, И. А. Андреев, И. А. Бызова, И. В. Сысоев, Н. В. Сорвачев, А. М. Пирейко, А. Ф. Крауклис [48]. Но и этот арест не приостановил работу организации. Сразу же была образована Временная исполнительная комиссия (ВИК) из пяти человек, состав которой был представлен на утверждение ЦК *. Однако на пути воссоздания ПК встретилась специфическая для того периода трудность — боязнь провокаторства. Провокаторство наносило величайший вред не только тем, что являлось причиной арестов, но также и тем, что сеяло подозрительность и недоверие между членами партии, тормозило налаживание партийных связей. Появилось недоверие «низов» к «верхам», так как проваливались руководящие партийные органы, и это наводило на мысль о проникновении провокатора в самое сердце организации. Это подозрение оказалось обоснованным, потому что причиной ареста ПК 1 марта, как и многих других серьезных провалов, была провокаторская работа Серовой — агента охранки, пробравшейся на пост секретаря ПК и в техническую группу Русской части ЦК. При этом сыграло свою роль сенсационное разоблачение провокатора Азефа — руководителя Боевой организации эсеров. Все это вместе взятое сильно дезорганизовало партийные ряды. Временная исполнительная комиссия приняла решение — расследовать причины последних провалов и привлекать к партийной ответственности всякого, кто выдвинет необоснованное обвинение в измене. Благодаря этому напряженная обстановка постепенно разрядилась.

До выборов нового состава ПК Временная исполнительная комиссия взяла на себя руководство Петербургской организацией. Большой интерес представляет деятельность ВИК в области организационной. Вот что писал 1 апреля 1909 года в Большевистский центр секретарь ВИК *: «В ближайшем будущем ИК приступит к выборам ПК. В настоящее время ИК постановила ставить на районных конференциях в порядок дня вопрос о порядке выборов РК. Со своей стороны ИК будет стремиться проводить порядок, выработанный ею и который является изменением прежнего способа образования ПК. Во-первых, от каждого района не два представителя, а один. Представители выбираются не районной конференцией, а назначаются исполнительными комиссиями районов. Эти изменения вызываются, с одной стороны, соображениями о необходимости больше законспирировать руководящий центр, чем это было при старом порядке выборов, когда члены ПК от районов были известны всем работникам района, с другой стороны, стремлением создать более подвижный центр (8—10) вместо громоздкого и неработоспособного прежнего (17—18), при котором фактически руководство организацией осуществлялось исполнительной комиссией из 5 человек» [49].

Агент ЦК С. И. Гусев, познакомившийся в это время с работой Петербургской организации, сделал вывод: «Положение пока не из блестящих: хотя в Питере и сейчас есть не одна тысяча рабочих социал-демократов, хотя престиж социал-демократов по-прежнему чрезвычайно высок среди самых широких слоев рабочих — организация до сих пор не смогла настолько приспособиться к новой полосе контрреволюции, чтобы организованно включить в свои руки хотя бы сколько-нибудь широкий слой рабочих социал-демократов. Последняя задача стоит перед ними во всей своей силе» [50].

Именно эту цель — приспособление организационной работы и самой структуры ПК к новым условиям — преследовал новый устав, разработанный вновь выбранным Петербургским комитетом в июне 1909 года. Устав обсуждался на заседании ПК и на районных конференциях или собраниях. Не позднее июля «Организационный устав Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии» был опубликован в виде листовки. В этом уставе обобщался двухлетний опыт партийного строительства Петербургской организации РСДРП в условиях столыпинской реакции.

---

* Как удалось установить, первоначально в состав ВИК вошли уцелевшие от ареста члены ПК: А. Е. Васильев, С. Я. Багдатьев и М. И. Хахарев. Затем было кооптировано еще два члена.

* Автором письма вероятнее всего был М. И. Хахарев, который стал секретарем ПК.

В уставе говорилось, что Петербургский комитет — идейный и практический руководитель социал-демократической организации Петербурга. ПК должен избираться исполнительными комиссиями районов или же районными комитетами сроком на шесть месяцев. ПК избирает Исполнительную комиссию из трех человек, которая имеет право кооптировать еще двоих. Собирается он не реже одного раза в три недели. В случае ареста ПК его функции переходят к Исполнительной комиссии, которая и организует выборы в новый Петербургский комитет. Районы в своей организационной деятельности должны быть автономны [51].

Новый устав ПК полностью отражал те изменения в организационном строении партии, которые были продиктованы условиями реакционного режима. Для того чтобы сохранить нелегальную партийную организацию и сделать ее более жизнестойкой по отношению к полицейским репрессиям, партия шла на временное сужение внутрипартийной демократии и усиление централизма. В уставе особенно подчеркивалась роль ПК как практического руководящего органа. При этом не случайно не определена численность ПК. В условиях частых арестов, острой нехватки кадров партийных работников, трудностей в налаживании связей регламентация численности ПК могла бы послужить помехой для его деятельности. На протяжении 1907—1910 годов число членов ПК колебалось в пределах от 8 до 19 человек. Зависело это главным образом от того, сколько районов смогли послать своих представителей в ПК. Из-за бесконечных преследований и арестов состав ПК очень часто обновлялся. Работа в ПК для большинства членов заканчивалась арестом и высылкой.

В ПК кроме Исполнительной комиссии (обычно три человека, редко пять) имелись редакционная комиссия и техническое бюро, ведавшее подпольными типографиями и квартирами для хранения нелегальной литературы. В состав ПК входили представители районов, коллегии пропагандистов, Военной организации.

Петербургский комитет был связан через своих представителей с социал-демократическими студенческой и ученической организациями и с такими нелегальными рабочими организациями, как Центральное бюро профсоюзов, Межклубная комиссия, организация помощи политзаключенным и ссыльным (Красный Крест), а также

с легальными организациями — думской социал-демократической фракцией и советом безработных.

Из-за арестов связь ПК с этими организациями иногда прерывалась. Причем некоторые из них и сами действовали с перерывами или вообще существовали сравнительно короткое время.

Так была построена Петербургская организация РСДРП на основе организационного устава, принятого летом 1909 года.

Летом 1909 года в ПК входило восемь человек: С. Я. Багдатьев, А. Е. Васильев, В. М. Федоров, Г. А. Усиевич, М. И. Хахарев, В. Ю. Юнгмейстер, В. О. Волосевич, А. А. Поляков. Некоторые из этих членов, опасаясь ареста, уехали из Петербурга, и вместо них кратковременно работали Г. И. Ломов, Ф. И. Калинин, Ф. И. Голощекин.

В начале ноября состоялись очередные перевыборы ПК. В него вошли С. Я. Багдатьев, Г. С. Вейнбаум, В. М. Федоров, И. З. Левинсон, Н. Н. Рейнгорд, Ф. А. Селицкий, И. Я. Панфилов, Н. Е. Иванов, Г. А. Усиевич, Д. И. Присецкий, И. П. Сесицкий * и Панин — автор письма в Большевистский центр, непримиримый противник отзовистов **.

В первом составе ПК четыре члена из восьми оказались отзовистами. В Исполнительной комиссии были одни отзовисты. Во второй состав вошло шесть отзовистов и пять большевиков-ленинцев. Но в Исполнительную комиссию удалось провести только одного большевика-ленинца. Вот как описывает перевыборы ПК один из его членов: «Так как ПК произвольно перетасовывал наши силы и не давал нашим работникам средств даже на разъезды, то им удалось вырвать у нас один район и тем самым получить твердое большинство в ПК» [52].

* Как выяснилось впоследствии, Поляков и Сесицкий оказались провокаторами.

* До последнего времени эта фамилия считалась псевдонимом. По нашему мнению, «Панин» — это Н. Н. Панин, рабочий Путиловского завода, отбывавший вместе с В. И. Лениным ссылку в Сибири по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», один из 17-ти подписавших «Протест русских социал-демократов» против «экономистов». В годы реакции он работал и жил за Невской заставой по нелегальному паспорту. Поэтому он мог безопасно подписать письмо в Большевистский центр своим настоящим именем, надеясь, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская догадаются, кто им пишет. Об этом есть намек и в самом письме.

Преобладание отзовистов в ПК привело к тому, что деньги, высылаемые Большевистским центром в Петербург на партийные нужды, попадали в их руки. Отзовисты лишали своих противников партийной «диеты» — денежных средств, ссылаясь на разные «случайности», не оповещали их своевременно о заседаниях комитета, прибегали к другим неблаговидным приемам борьбы. Об этом сообщал в редакцию «Пролетария» С. Я. Багдатьев [53].

Отзовисты повели внутри ПК ожесточенную борьбу против большевиков-ленинцев за влияние на районы. Пользуясь своим преобладанием в ИК и правом кооптации по новому уставу, отзовисты формировали ПК в значительной степени по своему усмотрению. Особенно это ярко проявилось в 1910 году.

В ночь на 7 января 1910 года в Петербурге были произведены массовые аресты. Был арестован почти весь ПК. У В. М. Федорова был захвачен архив ПК [54].

За восстановление ПК энергично взялся В. Ю. Юнгмейстер, бывший член ПК, уехавший в Москву еще в ноябре 1909 года. Будучи активным отзовистом, он постарался ввести в состав ИК и ПК, пользуясь правом кооптации, своих единомышленников. В ПК вошли В. М. Павлов, М. А. Лебедев, И. П. Петров, В. П. Соколов, А. Т. Радзишевский, Г. И. Ломов, В. М. Косарев и сам В. Ю. Юнгмейстер. Большевиков-ленинцев в ПК представляли А. А. Масленников, Г. С. Вейнбаум, И. С. Столов, А. О. Генрихсон.

Этот состав ПК почти целиком был арестован 14 апреля 1910 года. Новый ПК удалось воссоздать лишь к началу июня, причем главным образом путем кооптации. Его членами стали М. А. Федоров, В. Н. Ларионова, И. М. Соколов, В. П. Лебедев, уцелевшие от ареста А. А. Масленников и А. О. Генрихсон, а также Владимир (от Городского района) и Иосиф (от Нарвского района) [55]. Подлинные имена двух последних установить не удалось. Почти все они отзовисты.

Этот состав ПК был арестован в сентябре 1910 года.

Начало революционного подъема осенью 1910 года застало Петербургскую организацию РСДРП без своего руководящего центра. После трех в течение одного года арестов большей части ПК восстановить его в четвертый раз было неимоверно трудно. Аресты летом 1910 года нанесли серьезный урон и партийному активу

районов. Отсутствие профессионалов-партийцев, нехватка денег, типографской техники — все это крайне затрудняло налаживание связей между районами и воссоздание партийных комитетов.

И тем не менее боевое настроение основной массы пролетариата Петербурга, активизация деятельности фабрично-заводских большевистских ячеек, неодолимая тяга рабочей молодежи в партийную организацию, революционизирование студенчества — все это создавало весьма благоприятные условия для восстановления партийных комитетов, для организационного оформления новых партийных ячеек на предприятиях Петербурга.

Действие объективных законов развития классовой борьбы, тесные связи большевиков с рабочей массой с неизбежностью вели к возрождению нелегальной партийной организации, более крепкой и сплоченной, более опытной и идейно подготовленной к борьбе за решение задач буржуазно-демократической и социалистической революций.

РУКОВОДИМАЯ ЛЕНИНЫМ

Петербургская организация РСДРП, как столичная и крупнейшая из местных большевистских организаций, и в годы реакции находилась в центре внимания В. И. Ленина, Центрального Комитета и Большевистского центра. Связь В. И. Ленина с передовыми питерскими рабочими, революционерами-профессионалами уходила корнями еще в 90-е годы XIX века, когда он среди питерских рабочих начал свою деятельность по созданию марксистской революционной партии. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился зародышем такой партии. В годы первой русской революции В. И. Ленин, находясь в Петербурге и осуществляя руководство деятельностью большевистской партии в целом, принимал живейшее участие в работе питерской организации, поддерживал тесные контакты с большевиками столицы, с рабочими петербургских фабрик и заводов. Ленин непосредственно и деятельно участвовал в работе Петербургского комитета, выступал с докладами на собраниях общегородской конференции РСДРП и на собраниях и митингах рабочих и интеллигенции. Все это накладывало неизгладимый отпечаток на деятельность организации. Здесь, в Петербурге, раньше,

дут свою чистоту и выдвигают даже на ближайшей конференции вопрос об участии в буржуазной печати...» [73]

Отрицательное отношение меньшевиков-ликвидаторов к нелегальной работе с неизбежностью приводило к уничтожению тех партийных организаций, которые находились под их влиянием. Об этом говорилось в письмах в газету «Пролетарий» из Песковского подрайона, из 2-го Городского и Выборгского районов.

Большевики в течение всего 1908 года вели энергичную борьбу с ликвидаторами за восстановление нелегальных организаций. Летом 1908 года за городом, в Удельной и в других дачных местах, по воскресеньям устраивались массовки, собиравшие 100—150 человек. На этих массовках выступали с докладами, проводились дискуссии. Меньшевики обычно выбирали излюбленную тему «Нужна или нет рабочим нелегальная партия?» и доказывали, что нелегальная партия не нужна, что «она умерла», что «она — труп». Особенно часто и активно выступали лидер петербургских меньшевиков И. И. Ладыженский и известный ликвидатор Ф. А. Череванин.

Из-за нехватки интеллигенции защиту взглядов большевиков взяли на себя передовые рабочие, прошедшие школу революции 1905—1907 годов, А. М. Буйко, М. И. Бублеев, А. Е. Васильев, Н. И. Тетерин и другие. А. М. Буйко вспоминал: «Из многих рабочих собраний, на которых выступали блестящие говоруны из меньшевиков-ликвидаторов против большевиков, не помню ни одного, где бы ликвидаторам удалось провести свою резолюцию. В борьбе за партийное знамя, за революционное воспитание масс, за определенную систему партийной работы рабочие-партийцы побеждали. Недостаточность теоретических знаний восполнялась твердостью, упорством, активностью, глубоким чутьем революционеров, логикой рабочего классового инстинкта и предвидением неизбежности новой волны революции и победы рабочего класса» [74].

Острые дискуссии проходили и в кружках, которыми руководили меньшевики. Большевики посылали туда своих агитаторов, чтобы в ходе спора показать рабочим-слушателям ликвидаторское нутро меньшевиков. Таким образом, большевикам Выборгского района удалось отвоевать у меньшевиков Сампсониевский подрайон, кружки на фабриках Шау, Лебедева, на заводе

Кенига. Там были воссозданы нелегальные организации.

К весне 1908 года большевики наладили работу в Песковском подрайоне. «В нашем подрайоне, — сообщали они в редакцию «Пролетария», — работа теперь идет едва ли не лучше, чем во всех остальных районах Петербурга. До последнего времени чуть ли не каждый праздник удавалось устраивать массовки, на которых иногда присутствовало больше 80 человек. Ведется три пропагандистских кружка среднего типа и намечается устройство кружка высшего. Интеллигентов всего один, и работу ведут сами рабочие. На большинстве заводов выбраны заводские комитеты, которые посылают своих представителей в районную конференцию пропорционально числу членов партии на заводе» [75].

К лету 1908 года в Петербурге были восстановлены все разрушенные меньшевиками нелегальные партийные организации. Самой упорной была борьба во 2-м Городском районе, где на Франко-Русском заводе и в легальном рабочем клубе «Просвещение» обосновались меньшевики во главе с И. И. Ладыженским. Большую организационную и пропагандистскую работу провели в этом районе члены ПК А. М. Буйко и С. Я. Багдатьев. Вопреки сильному противодействию меньшевиков им удалось создать районную ячейку из 12 представителей разных заводов и фабрик, которая послужила ядром постепенно восстанавливаемой нелегальной организации 2-го Городского района [76]. Однако союзницей меньшевиков явилась полиция. Аресты большевиков снова помогли меньшевикам стать полновластными хозяевами в районе. Они занялись проповедью легальной рабочей партии и повели открытую агитацию против нелегальной партии, против ЦК и ПК.

Стремясь занять монопольное положение в профсоюзах, меньшевики всеми мерами боролись против усиления большевистского влияния на эти самые массовые рабочие организаций. Меньшевики выступали перед рабочими с заклинаниями не допускать в правления союзов представителей нелегальной партии, так как их присутствие навлечет полицейские гонения и может привести к закрытию союзов, что партий различных много, поэтому союзы должны быть беспартийными и пр. и пр.

Летом 1908 года меньшевики предприняли клеветническую кампанию против Петербургского комитета.

Так как к этому времени в составе ПК и его Исполнительной комиссии не осталось ни одного меньшевика, то они предъявили ПК обвинение в «самозванстве». Они собрали свою «конференцию», в которой участвовало восемь «представителей» от районов. В действительности же это было просто собрание меньшевиков разных районов Петербурга. Собиралась эта «конференция» несколько раз, но переизбрать Петербургский комитет она так и не решилась.

Осенью 1908 года ликвидаторы предприняли новую атаку. 14 меньшевиков Петербургского района выбрали 3 своих представителей в ПК. То же самое проделали 12 меньшевиков Выборгского района. Петербургский комитет не признал эти выборы законными, так как в этих районах давно существовали районные партийные организации, которые и посылали своих представителей в ПК. Меньшевики могли участвовать в выборах ПК лишь в том случае, если вошли бы в эти организации[77].

Дезорганизаторская деятельность меньшевиков в местных организациях партии скоро дополнилась походом их против Центрального Комитета.

Летом 1908 года видные деятели меньшевиков Мартынов и Горев обратились к меньшевистским организациям с письмом, в котором утверждали, что ЦК партии в таком виде, в каком он существовал до сих пор, не нужен; его следует распустить и заменить «информационным бюро». ЦО меньшевиков «Голос социал-демократа» публиковал резолюции меньшевистских групп из ряда мест России о ненужности восстановления и укрепления подполья. С этим предложением меньшевики выступили на августовском пленуме ЦК, проходившем в Женеве под председательством В. И. Ленина. Ленину и его сторонникам удалось отстоять ЦК и провести решение об организации работы Центрального Комитета в новых условиях. Для ведения всей текущей работы в России между пленумами ЦК был выбран суженный состав ЦК из пяти человек, облеченный всеми правами пленарного состава ЦК. Для работы партии за границей было создано Заграничное бюро ЦК из трех человек, подчиненное узкому составу ЦК.

Следующее серьезное поражение меньшевики-ликвидаторы потерпели на Парижской конференции в декабре 1908 года. Конференция констатировала, что некоторая

часть партийной интеллигенции предпринимает попытки ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии. «Конференция находит необходимым, — указывалось в ее резолюции, — самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам»[78]. Конференция на основе предложений В. И. Ленина приняла резолюцию по организационному вопросу, которая рекомендовала строить и укреплять нелегальные ячейки и местные комитеты, партийные группы в легальных организациях, готовить руководителей из рабочих, сплачивать все действительно партийные элементы.

При разработке организационного вопроса конференция опиралась на опыт Петербургской, Московской и других организаций, которые уже проводили перестройку своих рядов применительно к новым условиям.

Решения конференции стали сильнейшим оружием большевиков в их борьбе против оппортунистов за сохранение и упрочение нелегальной партийной организации. Эти решения сыграли большую положительную роль в отколе части меньшевиков от ликвидаторов и переходе их на позиции защиты партии. Вскоре после конференции против ликвидаторов выступил Г. В. Плеханов, став идейным вождем меньшевиков-партийцев, считавших необходимым сохранить нелегальную партию.

Еще до конференции, на протяжении всего 1908 года, когда большевики вели активную агитацию среди рабочих-меньшевиков против ликвидаторов, призывая их к совместной работе, заметно выявилась тенденция к сближению всех партийных элементов, стоящих на платформе сохранения нелегальной партийной организации.

В Московском районе Петербурга существовала единая партийная организация, где большевики и меньшевики-партийцы работали сообща. В Невском районе меньшевики-партийцы принимали участие в работе районной нелегальной организации. Меньшевики Василеостровского района настойчиво добивались объединения с большевиками. В Петербургском районе было принято

3 Зак. № 809

решение объединить заводские группы и провести совместные выборы в районное собрание и исполнительную комиссию [79].

Группа меньшевиков Выборгского района обратилась с письмом к своим товарищам по фракции, в котором призывала объединиться в рядах нелегальной РСДРП, не покидая своей работы в легальных организациях. Это письмо было опубликовано в № 45 «Пролетария» в мае 1909 года. Редакция приветствовала этот шаг меньшевиков-партийцев. Иную оценку ему дали меньшевики-ликвидаторы. Ликвидаторский «Голос социал-демократа», писал В. И. Ленин, «на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами — можете себе представить? в меньшевистском органе ругает меньшевиков *большевиками*!» [80].

Сближение меньшевиков-партийцев с большевиками осуществлялось снизу. В тех районах, где в 1908 году уже проявился отзовизм, он стал серьезным тормозом в осуществлении этого сближения. Так было, например, в Василеостровском районе. Временная Исполнительная комиссия ПК в мае 1909 года осудила поведение отзовистов Василеостровского района и указала на недопустимость чинить препятствия меньшевикам-рабочим, желающим работать в нелегальной организации [81].

Письмо меньшевиков Выборгского района Петербурга наряду с фактами раскола меньшевиков в Москве, в редакции меньшевистского «Голоса социал-демократа», выступление Плеханова в защиту партии и другие события свидетельствовали о том, что часть меньшевистской фракции во главе с Плехановым поднимала голос протеста против ликвидаторства и выступала за сохранение нелегальной организации.

Именно так были расценены эти факты на совещании расширенной редакции «Пролетария», состоявшемся в Париже 8—17 июня 1909 года. В принятой на совещании резолюции особо указывалось, что задачей большевиков в партии является не только продолжение борьбы с ликвидаторством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РСДРП.

Однако сближение большевиков с меньшевиками-партийцами не означало их организационного слияния и сглаживания программных и тактических разногласий. Это был временный блок в интересах сохранения нелегальной партийной организации. В. И. Ленин расценивал блок большевиков с меньшевиками-партийцами как принципиальное «соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии» [82].

Претворяя в жизнь общепартийные решения и обобщая опыт районных организаций, Петербургский комитет летом 1909 года обсудил вопрос об отношении к меньшевикам и принял развернутое решение «Об единстве». В нем было отмечено, что ликвидаторы своими дезорганизаторскими действиями расстраивают ряды партии. Между тем в условиях, когда в стране свирепствует режим жестокой реакции и силы партии невелики, как никогда нужна единая и сплоченная организация. Петербургский комитет предложил всем, кому дороги интересы партии, войти в ряды единой организации РСДРП и порвать с меньшевистским центром, ибо деятельность этого центра идет вразрез с программой и тактикой партии. Петербургский комитет приветствовал всех, кто порвал с ликвидаторами и стал на революционный путь борьбы. Это решение ПК было напечатано в виде листовки и распространено в районах [83].

Редакция «Пролетария» опубликовала резолюцию ПК «Об единстве» и поместила тут же заявление «от редакции», в котором очень высоко оценила деятельность Петербургской организации по укреплению партии:

«СПБ комитет был одним из комитетов партии, шедших в первых рядах в борьбе с меньшевистскими извращениями марксизма и партийности. Мы надеемся, что СПБ комитет будет теперь одним из тех первых комитетов, которые уже организационно реализуют плоды нашей борьбы за партийность и за революционную тактику социал-демократии...

Точка зрения Петербургского комитета, — говорилось далее в заявлении, — совершенно совпала с точкой зрения, высказанной нашей расширенной редакцией в резолюции о задачах большевиков в партии» [84].

Вскоре после решения ПК «Об единстве» в Петербурге состоялось совещание рабочих-меньшевиков всех

откажутся от своих ошибок и безоговорочно подчинятся партийным решениям»[93].

На самой конференции в Париже А. М. Буйко по всем вопросам поддерживал большинство конференции, руководимое В. И. Лениным; В. П. Денисов же примкнул к группе, докладчиком от которой выступал лидер отзовизма А. А. Богданов.

Резолюция петербургских отзовистов, которая служила их платформой во время выборов на конференцию, была доставлена в редакцию «Пролетария» уже после конференции и опубликована. В. И. Ленин в статье «Карикатура на большевизм», помещенной в том же номере газеты, детально разобрал отзовистскую платформу и убедительно показал ее оппортунистическую сущность. «Неправильные, немарксистские рассуждения кишмя кишат в этой резолюции, которая почти каждым пунктом подтверждает незрелость мысли авторов или забвение ими азбуки социал-демократии»[94], — писал Ленин.

В. И. Ленин наглядно показал догматизм отзовистов, которые заучили революционные лозунги, но не умели своевременно их выдвигать, не учитывали изменившихся исторических условий. «Вместо того, чтобы подчеркнуть необходимость, наряду с думской работой, отдавать и сейчас максимум сил также выдержанной, длительной и кропотливой внедумской работе организации и агитации среди масс, — писал Ленин, — отзовисты вместе с социалистами-революционерами подымают «революционный» визг о «внедумской борьбе», о натиске и т. п.»[95]. В своей статье Ленин показал, что такая карикатура на большевизм порождена печальными условиями контрреволюционного периода точно так же, как в 90-е годы XIX века подобные условия вызвали к жизни «экономизм» и струвизм, являвшиеся карикатурой на марксизм.

Статья В. И. Ленина, написанная на основе конкретных фактов проявления отзовизма в Петербурге, имела огромное значение для разоблачения «левого» оппортунизма в России и в международном социал-демократическом движении.

Несмотря на то что большинство членов партии одобрило решения Парижской конференции, отзовисты все же искали поддержку среди рабочих. В январе — феврале 1909 года они пытались организовать выборы кандидатов из рабочих для отправки на учебу в школу на остров Капри, созданную лидерами отзовизма в качестве своего идейного и практического центра. Петербургский комитет, однако, решительно выступил против этого, указав в своем постановлении, что вообще создание партийной школы желательно, но она должна работать под руководством Большевистского центра. Только благодаря решительной позиции ПК Петербургская организация РСДРП не послала своих представителей в каприйскую школу.

Отзовистам все же удалось причинить большой вред деятельности думской фракции. Например, пользуясь влиянием в правлении профсоюза текстильщиков, отзовисты вкупе с эсерами бойкотировали просьбу социал-демократической думской фракции предоставить ей материал для запроса в Думе о преследованиях профсоюзов.

Сообщая об этом в редакцию «Пролетария», большевистский корреспондент из Петербурга писал: «К сожалению, надо признать, что это голосование не было случайным и отзовисты из профсоюзов продолжают в вопросе о фракции вести антипартийную линию»[96].

Зимой 1908/09 года Петербургский комитет, в составе которого в это время были А. М. Буйко, В. А. Быстрянский, К. Н. Самойлова и другие активные большевики, занимал правильную позицию по отношению к отзовистам. Не делая им ни малейшей принципиальной уступки, ПК решил широко ознакомить массы рабочих с деятельностью думской фракции и тем самым основательно подорвать среди них отзовистские настроения. Многое в этом плане ПК удалось сделать; это привело к значительному ослаблению отзовистских настроений среди рабочих, однако довести дело до конца ПК не успел. 1 марта 1909 года во время заседания Петербургский комитет был арестован. Одним из вопросов повестки дня заседания был: «9. Противодействие отзовистской кампании части петербургских работников»[97].

С. И. Гусев, побывавший весной 1909 года в Петербурге, ярко изобразил сумятицу, которую создали отзовисты своими дезорганизаторскими действиями. В корреспонденции за подписью «Травин», напечатанной в «Социал-демократе», он писал:

в этот день в Петербурге составило 90 тысяч, в Москве — 40 тысяч [115].

Забастовка 22 ноября 1907 года по своему размаху, организованности и политической направленности примыкала к массовым революционным выступлениям рабочего класса в годы революции, хотя и проходила в условиях наступившей реакции. Правительство жестоко расправилось с ее участниками: около 100 человек было арестовано, на крупных заводах прошли массовые увольнения, на многих предприятиях рабочих оштрафовали в размере однодневного заработка.

Находившиеся в заключении депутаты II Думы обратились с письмом к пролетариям Питера. «Ваша забастовка, — писали они, — в такую тяжелую годину послужит лучшим ответом реакции. 100 тысяч забастовавших петербургских рабочих, а с ними рабочие различных концов России сказали громко, что они по-прежнему готовы на борьбу за полное народовластие, за социализм» [116].

Стачка 22 ноября 1907 года была, по определению В. И. Ленина, одиночной стачкой-демонстрацией [117]. Для забастовочного движения в годы реакции сложились слишком неблагоприятные политические и экономические условия. Чем сильнее наступала реакция, тем больше экономических стачек заканчивалось поражением рабочих. К наиболее крупным и организованно проведенным забастовкам следует отнести забастовку на заводе «Феникс» в 1908 году, длившуюся более месяца.

В изменившихся исторических условиях партия считала нецелесообразным растрачивать революционную энергию пролетариата на безуспешные забастовки. Сам рабочий класс переживал в эти годы торжества реакции усталость и апатию после трех лет бурной политической жизни. На первый план выдвинулась задача осмысления того огромного опыта классовой борьбы, который пролетариат приобрел за годы революции. Его дальнейшее политическое воспитание, накапливание сил для нового натиска на самодержавие должны были идти иным путем, достигаться иными средствами.

В. И. Ленин характеризовал наступивший исторический период как период временного затишья, «когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно» [118]. Он указал на объективную необходимость теоретической и политической учебы. Революция вызвала к политической жизни глубокие слои народа. У многих людей, новичков революционного движения, отсутствовало цельное революционное мировоззрение. Поэтому «разборка», которая началась в условиях «затишья», была естественна, и большевики должны были помочь рабочим провести эту «разборку». Ленин писал: «Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» [119].

В то время как задачи политического просвещения рабочего класса неизмеримо возросли, возможности организовать это просвещение уменьшились. Материальная база агитационно-пропагандистской работы была подорвана массовыми арестами пропагандистов и партийных работников, провалами типографий и складов литературы.

Уже в ноябре 1907 года в письме из Нарвского района в редакцию «Пролетария» неизвестный корреспондент сообщал, что возросшая в дни революции потребность в широкой социал-демократической пропаганде в массах не может удовлетворяться вследствие полицейских стеснений, недостатка квартир и хороших пропагандистских сил [120]. Такое положение дел было характерно и для всего периода реакции.

«Работников нет; остро ощущается недостаток в солидных пропагандистах,— писал С. И. Гусев из Петербурга весной 1909 года. — Нет сил охватить те кружки, которые существуют, а между прочим рабочие так охотно идут в кружки» [121].

Традиционной формой политического просвещения рабочего класса оставались кружки. Они действовали нелегально и организовывались не только на фабриках и заводах, но и внутри профсоюзов, при культурно-просветительных рабочих организациях. Как правило, эти кружки состояли из членов партии. Из беспартийных туда допускали лишь тех, кто в перспективе мог стать членом партии. Иногда нелегальные кружки создавались целиком из беспартийных, работали они под руководством и контролем партийной организации, из их состава наиболее достойные слушатели принимались

Несмотря на столь сокрушительный полицейский удар, в том же 1908 году делается новая попытка восстановить Военную организацию. Ее предприняла опытный военный работник партии Е. М. Хрущева (известная в литературе под именем Веры Владимировой). Она являлась помощницей Ф. Ф. Насимовича по военной работе на юге России и приехала в столицу вскоре после ареста Насимовича. Весной и летом 1908 года ей удалось подобрать небольшой коллектив работников, связаться с Петербургским комитетом, добыть гектограф и мимеограф и начать пропаганду в некоторых воинских частях [144]. Но и их деятельность, хотя и меньшая по масштабу, также была прервана очередным провалом. Весной 1909 года Веру Владимирову и активных членов Военной организации арестовали. Деятельность Военной организации в годы реакции больше восстановить уже не удалось.

Петербургский комитет сохранил связь с социал-демократическими студенческими группами, через них влиял на студенческое движение и черпал оттуда кадры партийных пропагандистов.

Объединенной социал-демократической организации среди студенчества в этот период не было. Во многих высших учебных заведениях имелись социал-демократические группы, работой которых ПК руководил через своего представителя. Наиболее крупная партийная ячейка действовала в университете. В рассматриваемый период там одновременно учились и вели нелегальную партийную работу А. М. Аменицкий, Н. В. Апполонов, С. Я. Багдатьев, В. А. Быстрянский, Г. С. Вейнбаум, В. С. Венгеров, В. Э. Кингисепп, А. В. Коробов, Б. Н. Книпович, Н. В. Крыленко, А. А. Масленников, К. А. Механошин, Г. А. Усиевич, Г. И. Чудновский, Г. В. Цыперович и другие. В Горном институте нелегальной работой занимались студенты Г. И. Бокий, А. Т. Арский-Радзишевский; в Технологическом — Б. Г. Богоявленский, Л. Г. Ханин и другие.

Особой революционностью и активностью отличался Психоневрологический институт, открытый по инициативе профессора Бехтерева. Сюда в значительной степени переместились революционно настроенные студенты и прогрессивно мыслящие профессора с закрытых в 1907 году курсов Лесгафта, сыгравших видную роль в революционных событиях 1905—1907 годов. По сведениям охранки, «в 1909 г. институт служил постоянным местом как заседаний и рефератов ПК и районных комитетов С.-Петербургской с.-д. организации и местом явок приезжих членов партии, так и направлением партийной переписки... В институте беспрепятственно совершается революционная пропаганда и в числе слушателей 90 процентов членов крайних партий, нетерпимо относящихся даже к «кадетам».

Значительное число профессоров и преподавателей (Аничков, Тарле, Гримм, Грузенберг, Ковалевский) также известны своим крайне левым направлением. Слушатели института не только всегда стараются при возникновении волнений в каком-нибудь учебном заведении выразить свое сочувствие беспорядкам в институте, но в большинстве случаев идут в этом направлении даже дальше самих инициаторов волнений» [145].

За годы реакции студенчество столицы дважды участвовало в массовых волнениях, вызванных реакционной политикой правительства в 1907 и в 1909 годах.

В сентябре 1907 года на двухтысячной сходке в Актовом зале университета, где присутствовали студенты других учебных заведений Петербурга и около 80 рабочих, ораторы говорили о наступлении реакции и призывали студентов организоваться для борьбы. При голосовании прошла резолюция большевиков, призывавшая не подчиняться реакционным «правилам 11 июля» *, устраивать сходки явочным порядком, использовать университет в революционных целях.

Состоялась сходка и в Технологическом институте. Здесь, однако, приняли решение подчиниться новым правилам. Группа студентов демонстративно покинула митинг, заявив: «Стыдно подчиняться таким правилам».

На этот раз Столыпин навел видимый порядок, издав приказ, что в случае нарушения «правил 11 июля» и самовольных массовых действий студентов «принимать энергичные меры, введя в эти заведения достаточную полицейскую силу» и переписывая учащихся для привлечения к ответственности вплоть до ареста и высылки [146].

* Эти правила — одно из проявлений реакционной политики министра народного просвещения А. Шварца, объявившего поход против остатков университетской автономии и стремившегося уничтожить все студенческие демократические завоевания, оставшиеся от 1905 года.

Новая вспышка массовых студенческих волнений произошла осенью 1908 года в связи с уничтожением остатков университетской автономии, сохранявшейся с 1905 года. На этот раз в движении возобладало буржуазное влияние. Коалиционный студенческий совет принял обращение «К обществу и студенчеству», проникнутое идеями либерализма кадетско-октябристского толка.

Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП 22 сентября обсудила поведение студентов социал-демократов, не сумевших правильно разобраться в характере студенческого движения и оценке обращения коалиционного совета. ПК поставил студенческим социал-демократическим группам на вид и призвал социал-демократическое студенчество публично отмежеваться от обращения коалиционного совета, подчинив студенческое движение задачам социал-демократии в общенародной борьбе с царизмом.

На следующем заседании Исполнительной комиссии ПК была принята новая резолюция, в которой ПК разъяснял студенческим социал-демократическим группам свое отношение к развернувшемуся движению. ПК отмечал, что студенческое движение окажется успешным лишь в том случае, если оно будет подчинено общенародной борьбе за политическую свободу страны. ПК предлагал студентам социал-демократам бороться за продолжение студенческой забастовки, стремясь придать ей характер политического движения [147].

Позиция ПК получила полное одобрение В. И. Ленина. В статье «Студенческое движение и политическое положение», помещенной в том же номере «Пролетария», где была опубликована первая резолюция ПК, он писал: «Отпор, который счел нужным дать Петербургский комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать» [148]. На примере студенческого движения в Петербурге осенью 1908 года Ленин раскрыл в этой статье принципиальные вопросы тактики партии по отношению к общедемократическому движению вообще.

В. И. Ленин считал долгом студентов — членов РСДРП поддерживать, использовать и расширять движение студенчества. Эта поддержка должна выражаться в идейном и организационном воздействии на учащуюся молодежь, которая переживает свой первый



Активные работники социал-демократической организации учащейся и рабочей молодежи. 1907—1909 гг.: *С. Аничков, Н. Анцелович, М. Барсуков, Г. Вейнбаум, Ф. Квасков, Т. Неслуховская, А. Привальский, Г. Шидловский, Н. Яковлев.*

политический конфликт. «Наша задача, — писал он, — разъяснить массе «академических» протестантов объективное значение этого конфликта, постараться сделать его *сознательно* политическим, удесятерить агитационную деятельность соц.-демократических групп студенчества и *всю* эту деятельность *направить* к тому, чтобы усвоены были революционные выводы из истории 3-х лет, чтобы понята была неизбежность новой революционной борьбы, чтобы наши старые — и оставшиеся вполне современными — лозунги низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания снова стали предметом обсуждения и оселком политической концентрации свежих поколений демократии» [149].

Ленин призывал большевиков использовать нарастающее движение, как бы слабо и зачаточно оно не было, вести политическую агитацию в студенческой среде.

Несмотря на трудности в годы реакции большевики продолжали вести кропотливую политическую работу в студенческой среде, и это дало свои результаты. Не случайно осенью 1910 года петербургские студенты первые «взорвали» видимый покой и тишину столыпинского режима.

До осени 1909 года в Петербурге действовала нелегальная социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи. С апреля 1906 года она работала под непосредственным наблюдением и руководством ПК, которое осуществлялось через представителей ПК. До наступления реакции эта организация строилась подобно городской организации РСДРП: город делился на районы, районы состояли из кружков, которые объединяли передовых учащихся гимназий и училищ. Во главе организации стоял ЦК. С наступлением реакции районы были упразднены. Нелегальные кружки в средних учебных заведениях непосредственно подчинялись своему центральному комитету, а последний работал под руководством ПК. В состав центрального комитета входили: Г. Вейнбаум, Е. Пашуканис, Ф. Квасков, Т. Неслуховская, Н. Яковлев, М. Барсуков, Г. Шидловский, Н. Анцелович, А. Привальский. Это были наиболее активные и политически развитые молодые люди. Многие из них, начав свой революционный путь в этой организации, в дальнейшем перешли на партийную работу и стали известными работниками партии.

Группа рабочей молодежи, или точнее ремесленной, была невелика — человек тридцать, но являлась заметной составной частью организации. Члены молодежной организации занимались в кружках, повышая уровень знаний для участия в революционном движении, приучались к партийной дисциплине, приобретали необходимые навыки конспирации, выполняли различные поручения ПК. Наиболее подготовленных из них ПК привлекал для занятий в рабочих политических кружках или в вечерних и воскресных школах для рабочих, поручал им распространять листовки, продавать открытки с революционным содержанием, билеты на вечера и лекции, сбор от которых поступал в партийную кассу. Организация имела свой гектограф (у М. Барсукова). Ее члены составили и распространили три прокламации: о 3-й годовщине Кровавого воскресенья (1908 г.), о 25-летии со дня смерти Карла Маркса (1908 г.) и первомайскую (1909 г.), организовали и провели в 1907 и 1909 годах маевки.

С окончанием 1908/09 учебного года, когда наиболее активные члены организации завершили курс обучения, эта организация прекратила свое существование [150].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕГАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В годы реакции важное значение для партии имела деятельность большевиков в различных легальных организациях рабочего класса: профсоюзах, культурно-просветительных организациях, внутри рабочих делегатских групп на различных съездах, созываемых либеральной общественностью, наконец, внутри социал-демократической фракции III Государственной думы. Эти организации партия использовала в качестве легальных прикрытий нелегальной работы по организации рабочего класса, а трибуны Думы и съездов для пропаганды программы партии и марксистско-ленинских идей. Легальная работа требовала большой сноровки и умения, так как проходила под бдительным наблюдением полиции, а также немалого личного мужества и выдержки, когда рабочим делегатам в Думе или на трибунах легальных съездов приходилось подвергаться оскорбительным нападкам и обструкциям правых элементов.

подверг критике ошибки фракции и призвал местные организации РСДРП помочь своим депутатам.

Весной и летом 1908 года работа думской фракции стала предметом обсуждения на заседаниях Петербургского комитета и на партийных собраниях в районах. Хотя обсуждение сопровождалось резкой критикой деятельности депутатов, большинство членов Петербургской организации РСДРП не пошло за отзовистами, требовавшими отозвать депутатов из Думы. Подавляющее большинство принятых на собраниях резолюций подтвердило необходимость пребывания социал-демократической фракции в III Думе [157].

Внутри самой фракции в это время шла острая борьба большевиков с меньшевиками.

Перелом в работе социал-демократической фракции III Думы произошел в связи с решениями V Общероссийской конференции РСДРП. Конференция приняла развернутое решение «О думской с.-д. фракции», в котором указала на ошибки, допущенные фракцией, и на пути их преодоления.

Борьба внутри самой думской фракции после конференции разгорелась с новой силой. В результате длительных и яростных споров с меньшевиками большевики добились того, что фракция одобрила резолюцию V Общероссийской конференции о думской работе и обязалась подчиняться решениям ЦК.

В круг наиболее осведомленных лиц вошли представители большевиков: В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Л. М. Книпович и другие. В. И. Ленин и Большевистский центр направляли деятельность большевистских депутатов прежде всего через Книпович, которая была финансовым агентом ЦК в Петербурге и вела постоянную переписку с заграницей [158].

Стойким большевиком и верным ленинцем проявил себя депутат питерских рабочих Н. Г. Полетаев. Сказывались его большой революционный опыт, пролетарская закалка и тесная связь с В. И. Лениным и Большевистским центром, указания которых он настойчиво проводил в жизнь.

В. И. Ленин осуществлял связь с думской фракцией и стремился воздействовать на ее позицию главным образом через Полетаева, который несколько раз встречался с Лениным и вел с ним систематическую и оживленную переписку.



Большевики, работавшие в легальных организациях в годы реакции: *В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Л. М. Книпович, А. И. Круглова, П. Ф. Куделли, В. Р. Менжинская, К. И. Николаева, Н. Г. Полетаев.*

лекций при клубах, стали создаваться общеобразовательные школы и вечерние курсы. Так, к осени 1909 года «Второе Нарвское общество образования» открыло школу с четырехгодичным курсом обучения, в которую записалось 120 учеников. При обществе «Наука» функционировали вечерние курсы для взрослых, на которых занималось свыше 80 человек. «Сампсониевское общество образования» имело две школы с вечерне-воскресными курсами для взрослых — одну на Выборгской стороне, другую — на Охте. Число учащихся в этих школах превышало 150 человек. Намечалось открыть подобные курсы и школы и при других рабочих клубах и культурно-просветительных обществах [165].

В годы реакции в Петербурге существовало примерно полтора десятка культурно-просветительных организаций для рабочих. Назывались они по-разному: клубы, общества, кружки, школы. Если полиция запрещала какое-либо общество, оно возрождалось под другим названием; закрывалось одно — по новому адресу открывалось другое. Вначале инициаторами их создания чаще выступали меньшевики, стремившиеся только к легальной работе. Но большевики скоро поняли, что эти легальные организации могут быть прекрасным прикрытием нелегальной деятельности и местом воспитания рабочих в духе большевизма. Поэтому они стали сами открывать общества или вытеснять меньшевиков и эсеров из уже действующих.

В одном из писем в редакцию «Пролетария» говорилось, что громадное большинство петербургских клубов было основано меньшевиками, и не для партийной работы, а взамен ее. Но так как клубы пользовались популярностью у рабочих, то большевики решили подчинить их своему влиянию. В двух районах районные комитеты, а в третьем группа рабочих-партийцев занялись организацией своих клубов. Запись в один из этих клубов проводилась выборочно. Эта мера была необходима до выборов правления клуба, которое было заранее намечено райкомом. В новое правление вошли большевики, члены райкома. Такой состав правления предрешил и состав всех комиссий (библиотечной, лекторской и др.), куда вошли социал-демократы, чаще всего члены РК. Считая свое влияние достаточно прочным, правление стало допускать в клуб рабочих различной партийной принадлежности.



Члены Сампсониевского общества образования. *Фото 30-х гг.*

Лекциям по социальным вопросам правление уделяло особое внимание, для их чтения приглашались социал-демократы. При комплектовании библиотеки в книжный фонд удалось включить большое количество «левой» литературы. Книги по общественным наукам в большинстве своем были марксистские [166].

По конспиративным соображениям в этом письме не уточняется, о каких конкретно культурно-просветительных организациях идет речь. Скорее всего, в письме говорится о василеостровском обществе «Источник света и знания» и Сампсониевском обществе образования на Выборгской стороне, в которых работа велась под руководством большевиков и с большим размахом. Большевики имели также достаточно сильные позиции в обществе «Наука», основанном В. М. Величкиной и В. Д. Бонч-Бруевичем. В актив этого общества входили большевики А. И. Круглова (тогда Иванова), Е. М. Соловей, М. Г. Белов, Г. Ф. Федоров.

«Дорогая Надежда Константиновна,— писала В. М. Величкина Н. К. Крупской 9 октября 1909 года,—...я по-прежнему отдаю много времени клубу, который у нас положительно расцветает в нынешнем году. Открыли школу, нашли прекрасную квартиру, интерес к клубу огромный. Настроение, конечно, самое умеренное, но

отнюдь не индифферентное, а это важно. Интеллигенции у нас не только мало, но даже прямо не хватает, потому, что у интеллигенции гораздо более индифферентное отношение. Но даже и в этом отношении, с основания нашего клуба, успех довольно значительный»[167].

Под большевистским влиянием находились рабочие клубы «Жизнь» (латышской национальной группы социал-демократов), «Наука и жизнь», «Общество образования» за Московской заставой и другие. По сведениям петербургской охранки, по крайней мере восемь обществ самообразования из числа действующих в столице в начале 1910 года были «чисто социал-демократического направления», то есть большевистского, так как меньшевики стремились к «беспартийности».

Большую работу среди питерских пролетарок проводило основанное А. М. Коллонтай «Общество взаимопомощи работницам», или «Общество женской взаимопомощи». Наряду с просветительской деятельностью, не вызывавшей у полиции подозрений, там велась нелегальная работа, которой руководил ПК РСДРП. После отъезда в эмиграцию Коллонтай с конца 1908 года в этом обществе энергично работала К. И. Николаева.

Ярким подтверждением успешной деятельности большевиков по использованию в партийных целях легальных культурно-просветительных организаций является доклад начальника петербургской охранки от 13 марта 1910 года.

«Вся текущая партийная работа местной организации РСДРП,— говорилось в докладе,— гнездится в клубах и просветительных обществах, где происходят явки и собрания подрайонных и районных комитетов. До ликвидации 6 января там же постоянно собирались: Петербургский комитет, ЦБ профсоюзов и межклубная комиссия. Вообще во всех тех случаях, когда необходима конспиративность собрания, двери любого клуба или общества просвещения гостеприимно раскрываются и даже охраняются патрулями. В настоящее время большая часть членов подрайонных и районных комитетов состоят одновременно и членами правлений клубов и просветительных обществ, вследствие чего все совещания названных комитетов проходят под флагом собраний правлений, и разоблачить их преступную работу трудно, т. к. на заседаниях протоколы заседаний не пишутся, а составляются секретарем после собрания»[168].

Среди легальных форм работы партии заметную роль сыграли проводившиеся в эти годы различные общественные съезды: кооперативов (апрель 1908 года), народных университетов (январь 1908 года), женский (декабрь 1908 года), фабрично-заводских врачей (апрель 1909 года), по борьбе с пьянством (декабрь 1909-го — январь 1910 года), по борьбе с проституцией (апрель 1910 года). Большинство из них проходило в Петербурге, и Петербургская организация РСДРП имела возможность непосредственно использовать трибуны этих съездов в партийных целях.

Либерально настроенная буржуазная интеллигенция, предводительствуемая кадетами, выступала инициатором созыва этих съездов для того, чтобы проблемы, поднимаемые ими, перенести из сферы революционного переустройства общества в сферу буржуазной благотворительности и куцего реформизма. Большевики ставили задачу использовать эти съезды, как и другие легальные организации, для дальнейшего развития классовой борьбы пролетариата, для его политического воспитания и сплочения.

«И всякий легальный съезд,— писал Ленин,— в котором участвуют рабочие, всякое легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии,— ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом»[169].

Центральный Комитет РСДРП поручил Петербургскому комитету организовать группу работниц для участия в I Всероссийском женском съезде и с трибуны съезда провозгласить социал-демократические взгляды на положение женщин в капиталистическом обществе и задачи женского движения. Петербургский комитет поручил это важное дело С. Я. Багдатьеву. Главную роль в довольно многочисленной рабочей группе (более 40 работниц) играли профессиональные революционерки А. М. Коллонтай, В. К. Слуцкая, П. Ф. Куделли. Их верными помощницами выступали большевички А. И. Иванова, А. И. Круглова, К. И. Николаева, А. Н. Алексеева, В. И. Волкова. Большевистскому ядру рабочей группы женского съезда удалось преодолеть влияние меньшевистски и эсеровски настроенных членов группы и задать боевой, партийный тон всей ее деятельности. Рабочая группа, руководимая большевиками, добилась



Уполномоченный Заграничной организационной комиссии по созыву общепартийной конференции *Б. А. Бреслав.*

ляющем большинстве социал-демократических групп легальных рабочих организаций выносились резолюции, по форме и по содержанию сходные с постановлением подпольщиков 1-го Городского района.

Напряженная организаторская работа уполномоченных ЗОК Г. К. Орджоникидзе и Б. А. Бреслава значительно активизировала нелегальную партийную работу. «Нелегальная работа в Питере ожила вовсю» [17], — сообщалось в «Социал-демократе». М. С. Ольминский вспоминает, что летом и осенью 1911 года в связи с приездом Г. К. Орджоникидзе и Б. А. Бреслава «по рабочему Петербургу точно пронеслась струя свежего воздуха, всколыхнувшая болото ликвидаторских мелочных задач и ликвидаторского приспособления к легальности» [18].

В начале сентября 1911 года завершились выборы делегатов от Петербургской партийной организации на Всероссийскую партийную конференцию. Делегат избирался на районных партийных конференциях.

Петербургская партийная организация избрала на конференцию трех делегатов. Подпольщики 1-го Городского района выборы делегата провели 4 сентября на правом берегу Невы, вблизи фабрики «Торнтон». На конференцию они послали рабочего-вязальщика В. М. Цаплина (Воробьева). В наказе делегату они потребовали воссоздать деятельный Центральный Комитет. Одновременно прошли партийные конференции в Колпине и Сестрорецке. Большевики Ижорского завода в Колпине и Сестрорецкого оружейного завода делегировали на конференцию Б. А. Бреслава. Социал-демократы, работавшие в легальных организациях, избрали депутата Государственной думы Н. Г. Полетаева.

Однако пробравшиеся на районные партийные конференции провокаторы выдали делегатов охранке. Вскоре Б. А. Бреслав и В. М. Цаплин были арестованы. Депутата Думы Н. Г. Полетаева охранка арестовать не решилась.

Тем временем в конце сентября 1911 года в Баку состоялось совещание Российской организационной комиссии. Исчерпывающую информацию о состоянии партийной работы в Петербурге делегаты РОК получили от Г. К. Орджоникидзе, который особо подчеркнул антиликвидаторское настроение большинства петербургских социал-демократических рабочих.

В «Извещении», выпущенном РОК, говорилось, что «вокруг знамени РСДРП, поднятого совещанием членов ЦК и Заграничной организационной комиссии, сплотились рабочие Урала, Киева, Екатеринослава, Петербурга (Васильевский остров, Петербургский, Невский, Колпинский районы), Баку, Ростова, Нижнего, Сормова, Тифлиса, а также ряд легальных рабочих организаций» [19]. Опираясь на их авторитет, на их поддержку и сочувствие, Российская организационная комиссия приступила к практическим шагам по созыву общепартийной конференции.

Петербургским большевикам предстояло тем временем вновь провести выборы делегатов. В помощь им РОК в октябре 1911 года направила в столицу И. И. Шварца и немного позднее С. С. Спандаряна. При их участии в конце октября 1911 года после годичного перерыва был восстановлен городской партийный центр — ПК РСДРП. Уже на Пражской конференции петербургский делегат П. А. Залуцкий, рассказав о слабости связей между районными партийными организациями и отдельными группами в Петербурге, отметил затем, что этот коренной недостаток организационной партийной работы в столице был преодолен лишь благодаря энергичной помощи РОК. «Всю эту работу по связям и организации районов выполнила РОК,— говорил П. А. Залуцкий. — Она не только устроила выборы на конференцию, но направила работу образовавшегося ПК» [20]. В. И. Ленин особо отмечал эту заслугу членов РОК. «РОК прибыла в Петербург и создала ПК» [21],— писал В. И. Ленин на Пражской конференции в своих заметках по докладам с мест.

Вторичные выборы делегатов на общепартийную конференцию проводились в Петербурге с соблюдением строжайшей конспирации. В работе районных партийных конференций участвовали лишь особо доверенные

представители заводских ячеек, только 110 членов партии. «За этими 110 товарищами, активными членами организации, непосредственно участвовавшими в выборах делегатов, разумеется, стоит во много раз большее количество рабочих социал-демократов» [22],— указывалось в «Извещении» ЦК РСДРП с VI Всероссийской конференции.

В начале ноября 1911 года 15 делегатов районов собрались на общегородскую конференцию. Конференция проводилась на Васильевском острове, на Кожевенной линии, с соблюдением строжайших мер предосторожности. Вокруг дома были выставлены патрули. Итоги выборов держались втайне даже от самих делегатов общегородской конференции. Представителями партийной организации Петербурга избрали Е. П. Онуфриева, П. А. Залуцкого и Н. Г. Полетаева. Однако из-за усиленной полицейской слежки Н. Г. Полетаев не смог своевременно приехать в Прагу, а остальным петербургским делегатам удалось нелегально перейти границу лишь в конце декабря 1911 года.

VI Всероссийская (Пражская) партийная конференция проходила с 5 по 17 января 1912 года. Она рассмотрела важнейшие вопросы революционной борьбы пролетариата в условиях начавшегося подъема, разработала практические меры по укреплению ослабленных за годы реакции нелегальных партийных организаций, решительно отсекла от рабочей партии все выродившиеся дезорганизаторские течения и группы и покончила с формальным объединением большевиков с меньшевиками-ликвидаторами в рамках единой РСДРП.

Конференция уделила много внимания докладам с мест, посвятив им пять заседаний. Она заслушала информацию о партийной работе в 37 городах. В. И. Ленин придавал большое значение докладам с мест и вел черновые записи выступлений делегатов. Изучая по ним сообщения петербургских делегатов, можно выделить то, что особенно заинтересовало Владимира Ильича в жизни Петербургской партийной организации. Это, прежде всего, сведения о количестве членов партии в районах, о связях организации с рабочими, о распространении «Звезды», «Рабочей газеты», «Социал-демократа», о нелегальной технике, о тематике и количестве выпускаемых листовок. В. И. Ленин отмечал, что наиболее деятельная партийная организация существует на Васильевском острове. Василеостровские большевики сумели наладить дружную работу с местными меньшевиками-партийцами и обеспечили боевое единство действий рабочих своего района. В. И. Ленин тщательно записывал факты, касающиеся руководства легальной работой. В Невском районе, судя по ленинским записям, создалась группа из 22 человек, которая вошла в местное культурно-просветительное общество и выпустила на гектографе несколько листовок по вопросам экономической борьбы. Однако далее В. И. Ленин подчеркнул, что работали в Невском районе кустарнически, что в местном отделе союза металлистов «состав неопределенный, всего два социал-демократа. Революционеров-профессионалов в Невской районной организации нет» [23].

Записи В. И. Ленина дополняют те части выступлений Г. К. Орджоникидзе и С. С. Спандаряна, в которых рассказывается о положении дел в Петербургской партийной организации.

Характерно замечание С. С. Спандаряна о легальных обществах, особенно о профессиональных союзах Петербурга: «Союзы в Питере совсем не ликвидаторские... среди рабочих я ликвидаторов не нашел. Ликвидаторы не играют роли в рабочем движении... Все время вспыхивают забастовки. Обаяние партии огромное, но только нет работников. Совершенно почти. В этом зло» [24].

Интересно свидетельство Г. К. Орджоникидзе о том, что к концу 1911 года отзовистское влияние на рабочих-партийцев в Петербурге было уже почти полностью преодолено, некоторые рабочие, видимо, просто по инерции еще называли себя «впередовцами», а по существу проводили большевистскую линию. «Впередовцы в Петербурге, — говорил Г. К. Орджоникидзе, — вели антиликвидаторскую работу и вообще помогали» [25].

Записи В. И. Ленина и черновые наброски протоколов конференции дают возможность установить также основное направление выступлений петербургского делегата Е. П. Онуфриева (Степана), взявшего слово непосредственно после доклада В. И. Ленина по организационному вопросу. В своем докладе В. И. Ленин особо подчеркнул настоятельную необходимость создания во всех легальных рабочих организациях гибких, подвижных, небольших по составу партийных ячеек.

В этой связи он остановился на положительном опыте по руководству легальными рабочими обществами, накопленном партийными организациями Петербурга и Риги. В. И. Ленин отметил, что если бы повсеместно, во всех легальных организациях, имелись небольшие, но деятельные партийные группы, как в Петербурге и Риге, «если бы таких обществ с таким устройством было больше, то революция была бы непобедима» [26].

Все предложения, выдвинутые Владимиром Ильичем в докладе по организационному вопросу, горячо поддержал Е. П. Онуфриев. «Я хочу присоединиться к Ленину» [27] — так начал он свою речь на конференции. Он рассказал о значительных трудностях, которые встретили петербургские большевики при воссоздании ПК, предложил более тщательно законспирировать подрайонные и районные комитеты РСДРП, сузить их количественный состав и тем надежнее застраховать от провокаций охранки. Особенно подробно рассказал Е. П. Онуфриев о работе большевиков в культурно-просветительном обществе «Знание — свет», созданном за Невской заставой. В работе общества в 1911 году систематически участвовало около 500 рабочих.

Выступление Е. П. Онуфриева, полное революционного оптимизма, длилось более часа и было выслушано с неослабным вниманием.

Пробравшийся на конференцию провокатор Романов в своих донесениях в департамент полиции характеризовал петербургского делегата как зрелого революционера. «„Степан“, — доносил он, — отличается исключительным развитием и основательно знаком с приемами партийной работы как практически, так и теоретически, уравновешенный и спокойный, он весьма заинтересовал Ленина» [28].

Следует отметить и важную инициативу петербургского делегата в деле борьбы за единство партии. По его предложению группа из восьми делегатов конференции, или «группа Степана», обратилась в ЦК социал-демократии Латышского края, ЦК Бунда, Главному правлению Социал-демократии Польши и Литвы, социал-демократической фракции III Государственной думы, Кавказскому областному комитету, редакции троцкистской «Правды», группе «Вперед», Г. В. Плеханову и А. М. Горькому с письмами. В них рабочие делегаты аппелировали к разуму и чувству, к ответ-



Делегат Пражской конференции РСДРП *Е. П. Онуфриев.*

ственности руководителей перечисленных организаций и групп и приглашали их на конференцию [29].

Однако отовсюду пришли отказы. Г. В. Плеханов снова холодно заявил, что он не намерен участвовать во фракционных собраниях. Только А. М. Горький прислал «группе Степана» теплое письмо, одобряя планы укрепления партии и выражая полную готовность помочь своим писательским трудом и материальными средствами. «От всей души желаю Вам полного успеха в творческой работе, необходимой и как нельзя более своевременной», — писал в заключение А. М. Горький. Но и он отказался от непосредственного участия в работе конференции, вполне резонно мотивируя свое решение тем, что его приезд привлек бы ненужное внимание репортеров и шпиков, нарушил бы конспиративность и деловой характер работы конференции [30].

Категорический отказ лидеров антипартийных группировок принять участие в работе конференции окончательно убедил делегатов в правоте В. И. Ленина, немало способствовал дальнейшей изоляции раскольников революционного движения в России от рабочих масс, окончательно открыл глаза многим социал-демократическим рабочим, помог им освободиться от примиренческих иллюзий.

После завершения работы конференции по настоянию В. И. Ленина делегаты объехали местные организации и ознакомили их с решениями конференции. В. И. Ленин наметил для них четкую программу действий: «...везде провести резолюции точные, формальные, подробные, толковые, ясные: а) и о представительстве на конференцию и по существу, б) и о присоединении к ЦК, в) и против ликвидаторов — конкретно против местных и вообще...» [31].

В Петербурге именно в этом направлении действовали члены ЦК Г. К. Орджоникидзе и С. С. Спандарян

Запрос думских социал-демократов, беспомощность и бездеятельность Думы, наглость шефа полиции и жандармерии Макарова еще больше накалили атмосферу общественного возмущения. С 14 по 22 апреля в Петербурге бастовало около 400 предприятий с количеством стачечников свыше 140 тысяч, что составляло почти половину участников политических забастовок по всей стране.

Апрельское стачечное движение без какой-либо заметной паузы сменилось волной майских выступлений рабочих.

Первомайская забастовка-демонстрация охватила 210 тысяч рабочих Петербурга. Такого размаха первомайских политических стачек в Петербурге не было даже в годы первой русской революции. 1 мая 1912 года бастовало в два раза больше рабочих по сравнению с маевками 1906 и 1907 годов. Важно отметить, что по мере развития рабочего движения в апреле и мае оно все более и более утрачивало стихийный характер и входило в русло организованной политической борьбы.

Организатором и идейным руководителем движения стала большевистская партия. Движение застало врасплох меньшевиков-ликвидаторов. В апрельско-майские дни рабочие игнорировали их лозунги «Свобода коалиций», «Ответственное министерство». В обстановке необычного накала политических страстей куцые лозунги социал-реформистов казались неуместными и жалкими.

«Не свобода коалиций — наш лозунг, говорили рабочие, не «профессиональными союзами» только и не ими главным образом можно «закрепить организационно» наше движение. Наш лозунг — республика (см. петербургское воззвание рабочих), мы строим *нелегальную* партию, способную руководить революционным натиском масс на царскую монархию. Вот что говорили рабочие на митингах» [40], — писал В. И. Ленин.

Большевистская организация столицы сумела оперативно овладеть стихийно начавшимся движением, внести в него организованность и крепкую дисциплину, вооружить своими идеями и придать ему значительный размах.

В самом начале апрельских событий в Петербург приехали члены ЦК партии Г. К. Орджоникидзе и

И. В. Сталин, которые по заданию Владимира Ильича Ленина должны были воссоздать партийные органы в столице и наладить ежедневную рабочую газету. Но Г. К. Орджоникидзе 10 апреля сразу же на вокзале попал под наблюдение охранки. Ему так и не удалось избавиться от слежки, и 14 апреля он был арестован.

И. В. Сталин сумел сбить ищеек охранки со следа и включился в работу. В те дни на предприятиях города широко распространялась листовка ЦК РСДРП «Да здравствует Первое мая!», написанная И. В. Сталиным. Этот яркий обличительный документ против царизма, против буржуазно-помещичьего строя возвещал о близости новой революции. Однако охранке удалось все-таки напасть на след И. В. Сталина. 22 апреля он был арестован. Конечно, за короткий 12-дневный срок, когда филеры охотились за ним, И. В. Сталину не удалось воссоздать Петербургский комитет партии.

В ПК к апрелю 1912 года оставались всего три члена — А. А. Иванов, П. И. Игнатьев и И. В. Кудешев. Два последних были разоблачены как агенты охранки лишь весной 1917 года.

Путиловец Адриан Иванов вступил в партию еще в 1898 году. Он неоднократно встречался с В. И. Лениным и за свою нетерпимость к меньшевикам получил кличку «Твердокаменный». Трудно объяснить, почему этот энергичный большевик-ленинец, постоянно общаясь с двумя матерыми провокаторами, все же оставался на свободе. Видимо, охранка путем неусыпной слежки за ним надеялась выявить неизвестных ей деятелей петербургского большевистского подполья. В необычайно тяжелых условиях А. А. Иванов сумел совершить, казалось бы, невозможное. У него возникла идея воспользоваться созданными на некоторых предприятиях первомайскими стачечными комитетами, объединить их в районные стачечные комитеты и создать общегородской первомайский стачечный комитет. Такие стачечные комитеты стали создаваться по почину заводских партийных ячеек еще в начале апреля. В Нарвском районе стачечный комитет создали большевики-путиловцы В. Е. Мещерский, В. И. Савинов, в Василеостровском районе — рабочий Трубочного завода Н. Ермаков, на Выборгской стороне — старые революционеры: один из руководителей Обуховской обороны в 1901 году

Беспощадно высмеивая ликвидаторов, работники Нарвского райкома писали: «В те подлые годы лихолетья многие товарищи позорно бежали из организации... Проповедь уничтожения партии имела большой успех. И эти изменники были опаснее царского самодержавия. Под маской друзей они сеяли ложь и уныние, они отпевали революцию... Итак, товарищи, за работу! Прочь уныние и робость! Прочь с дороги все, что враждебно нашей матери — Российской социал-демократической рабочей партии!» [47].

О Невской районной партийной организации В. И. Ленин получал точную информацию, что называется, из первых рук — от Е. П. Онуфриева. В состав Невского райкома в то время входили: рабочий завода «Эклунд» В. М. Щербаков — член партии с 1906 года, гравер фабрики Паля М. И. Зайцев, руководитель партийной ячейки той же фабрики П. А. Тюшин — член партии с 1898 года, чертежник Невского судостроительного завода В. Ф. Малаховский — член партии с 1911 года, слесарь Александровского завода А. Е. Бадаев — член партии с 1904 года, и другие.

Летом 1912 года ЦК партии направил в Петербург Инессу Арманд, которая, по донесению охранки, «взялась организовать во всех районах Петербурга большевистские группы и комитеты при них, объединив все группы межрайонной комиссией» [48].

С помощью И. Арманд были воссозданы стабильные руководящие органы столичной организации РСДРП и налажен поток информации из Петербурга к В. И. Ленину. Письма эти Н. К. Крупская в одном из своих ответов в Петербург охарактеризовала как «довольно духоподъемные» [49].

Особенно большую работу И. Арманд проделала в Невском районе. По свидетельству В. Ф. Малаховского, Инесса Арманд «любила наш район и часто его посещала. Ее беседы, наставления и указания, главным образом чисто партийного характера, остались неизгладимым следом в моей душе и окончательно закрепили меня как твердокаменного большевика» [50].

Охранникам с помощью провокаторов удалось зафиксировать пять совещаний посланца ЦК РСДРП с представителями районов Петербурга: на Охтинском кладбище — 26 августа, в лесу близ Киновеевского монастыря — 29 августа, на Шлиссельбургском проспекте, 51, — 1 сентября, на Рижском проспекте, 60, — 5 сентября и на набережной реки Смоленки, 10, — 9 сентября [51]. Естественно, что этими данными список совещаний с активом Петербургской партийной организации, проведенных И. Арманд, далеко не исчерпывается. Об одном из совещаний, не зафиксированных охранкой, упоминает А. А. Митревич, член партии с 1897 года, активный правдист, подписывавший свои корреспонденции в «Правде» псевдонимом «Ст. путиловец». Собрание это, по свидетельству А. А. Митревича, проходило в конце августа на обширном Горячем поле за Московской заставой, в том месте, где в 1906—1907 годах часто собирался ПК РСДРП. Проходило собрание около 10 часов вечера «между кочками в темноте и холоде... Порядок дня: о думской фракции и забастовках рабочих и организационные. О привлечении в ПК представителей районов» [52].

Таким образом, И. Арманд неоднократно собирала совещания представителей районов, которые обставлялись весьма конспиративно. Воссозданы были наряду с существующими Невской и Нарвской Выборгская, Петербургская, Колпинская, Пороховская, 2-я Городская и Сестрорецкая районные партийные организации.

В конце августа И. Арманд из представителей райкомов удалось создать межрайонную общегородскую комиссию РСДРП, временно, до оформления ПК, объединившую всю нелегальную партийную работу. В распоряжении межрайонной комиссии оказались коллегия пропагандистов, деятельная техническая группа и нелегальная типография. С их помощью комиссия довела до сведения всех большевиков-подпольщиков очередные задачи партийного строительства.

Комиссия резко и самокритично оценила состояние нелегальной работы местной организации. В ее «Извещении», опубликованном в специальной листовке, указывалось, что социал-демократы всюду, даже в отдаленных уголках России, восстанавливают организации, спешат покончить с кустарничеством. «Очередь и за нами, организованными рабочими Петербурга, где до сих пор еще кустарничество царит безраздельно. Социал-демократическая работа ведется в каждом районе, но изолированно, без всякой связи с тем, что делается в остальных частях. Нередко в одном и том же районе работает несколько оторванных друг от друга группок».

В листовке говорилось, что этот организационный распад на́ руку ликвидаторам, а время не терпит и необходимо всем подпольщикам немедленно заняться воссозданием городского партийного центра под лозунгами Пражской конференции [53].

23 августа полиции удалось напасть на след И. Арманд. Слежка за ней продолжалась в общей сложности более трех недель. В ночь на 14 сентября она и девять работников, связанных с нелегальной типографией Нарвского партийного района, были арестованы. Однако арест И. Арманд мало что дал полиции. Арестованы были только работники подпольной типографии района. Связи ее с другими партийными районами остались нераскрытыми.

Арест И. Арманд уже не смог приостановить процесс консолидации сил петербургских большевиков. Не прерывалась уже и непосредственная связь ЦК РСДРП и лично В. И. Ленина с Петербургской организацией.

На смену И. Арманд в Петербург прибыл новый агент ЦК РСДРП А. А. Сольц. «Я попал в районы,— рассказывал впоследствии А. А. Сольц,— после Инессы Арманд и нашел уже распаханное поле...» [54] Вскоре собрались члены исполнительных комиссий райкомов и провели выборы руководящего партийного центра. В ПК вошли А. А. Сольц, Г. В. Разживин, Т. И. Попов, М. И. Зайцев, В. И. Савинов, В. Ф. Малаховский, представитель эстонских большевиков, проживающих в Петербурге, Г. И. Клаас и другие. Начиная с первых дней октября 1912 года уже без длительных перерывов ПК осуществлял руководство Петербургской партийной организацией. Он имел связи со всеми крупными заводскими ячейками. Полицейские наскоки не могли одним ударом прервать все нити, связывавшие этот подпольный центр со столь широким активом рабочих-большевиков. Наладилась и непосредственная связь ЦК РСДРП с Петербургской организацией. 12 сентября 1912 года в Петербург снова приехал И. В. Сталин, бежавший из нарымской ссылки. Он дважды, в октябре и ноябре 1912 года, по вызову В. И. Ленина выезжал в Краков. На заседании Исполнительной комиссии ПК И. В. Сталин, как представитель ЦК партии, решительно проводил в жизнь директивы В. И. Ленина по укреплению партийного аппарата, по дальнейшему совершенствованию политической и организационной работы



Члены ЦК РСДРП и доверенные ЦК: *И. Ф. Арманд, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин.*

большевистской организации Петербурга. Охранка тогда вынуждена была признать свое бессилие разрушить крепкую связь ПК с Центральным Комитетом и охарактеризовала ПК «как исполнительный орган директив Ленина» [55].

В конце декабря 1912 года в Петербург приехал Я. М. Свердлов, совершивший свой пятый побег из Нарымского края. Между В. И. Лениным и этим новым представителем Центрального Комитета в ПК завязалась оживленная переписка. «У нас,— сообщала из Кракова в самом начале 1913 года Н. К. Крупская,— связи с каждым днем растут. В Питере теперь весьма серьезная организация, созданная низами» [56]. Эта организация безраздельно руководила рабочим движением

в городе, планомерно расширяла его размах, укрепляла его организованность.

Осенью 1912 года рабочее движение в Петербурге поднялось на новую, еще более высокую ступень. В отличие от апрельско-майских событий октябрьско-ноябрьские стачки начались в связи с событиями, непосредственно не затрагивавшими интересы рабочих, — они проводились в защиту армии, в конечном счете крестьянских масс.

26 октября 1912 года в «Правде» и в других газетах появилось сообщение: военно-морской суд в Севастополе за подготовку восстания на Черноморском флоте приговорил 17 моряков к смертной казни и 107 — к каторжным работам на длительные сроки. Одновременно ПК РСДРП издал листовку с призывом к общегородской стачке-протесту.

Наивысшего подъема движение достигло 30 октября. Забастовки были однодневные или даже длились всего половину рабочего дня и носили мирный характер. С 29 октября по 5 ноября в стачках приняло участие около 115 тысяч петербургских рабочих.

Даже угодливо пресмыкающаяся перед правительством газета «Новое время» была вынуждена признать тактическую зрелость, внушительность и организованность рабочих стачек. «По чьей-то таинственной команде десятки тысяч рабочих, — писал нововременский публицист Меньшевиков, — решили выразить громкое сочувствие осужденным бунтарям... В рабочих кругах почтили севастопольских матросов однодневной забастовкой. Вся петербургская — колоссальная по размерам — полиция была поставлена на ноги, но тем не менее обряд революции был почти повсюду выполнен»[57]. Конечно, ничего «таинственного» не было в том, кто именно поднимал рабочих на стачки и кто их возглавлял. Об этом убедительно свидетельствуют не только сообщения большевистской «Правды» о ходе стачек, но и перечень тех лиц, которые в те дни были репрессированы полицией. 29—31 октября полиция арестовала организатора забастовки на заводе «Вулкан» большевика И. П. Жукова, членов Василеостровского райкома РСДРП Е. Н. Адамович и С. И. Кутузова, был арестован также один из старейших членов партии В. А. Шелгунов. На Выборгской стороне в полицейскую часть попали такие видные и энергичные большевики, как

М. И. Калинин, К. Н. Бедняков, Г. И. Бруно, А. А. Булышкин. Однако полиция действовала вслепую, ограничиваясь арестом известных ей по давним революционным выступлениям большевиков. Массовые аресты не затронули надежно законспирированный подпольный центр — ПК РСДРП. Он уцелел и продолжал руководить все разраставшейся политической стачкой.

Уже на третий день стачки к ней активно подключилось демократическое студенчество. В университете студенческие сходки были столь бурными, что власти перебросили часть коннополицейской стражи из Невского и Нарвского участков на Васильевский остров.

11 ноября 1912 года приговор севастопольского военно-морского суда был приведен в исполнение. 11 матросов были расстреляны. Пятерым смертную казнь заменили пожизненной каторгой. (Шестой матрос был помилован за признание вины и дачу показаний против своих товарищей.)

Ценой упорной борьбы рабочим и революционной учащейся молодежи удалось спасти только пять жизней. Но значение ноябрьских стачек этим не исчерпывалось. Они по сути дела стали второй крупнейшей наступательной операцией пролетариата против классовых врагов в 1912 году. «Осенние маневры революции»[58] — так вынуждена была оценить ноябрьские события в Петербурге кадетская газета «Речь». Особенно отрадным был тот факт, что рабочее движение снова стало взаимодействовать со всеми, правда, пока еще редкими выступлениями в армии и флоте, с борьбой демократической молодежи. Большевики занимали в движении доминирующее положение. Если в предшествующие годы, как отмечал В. И. Ленин, лозунги революционеров нередко *«отставали* от жизни»[59], то события 1912 года стали убедительным примером оперативного руководства движением, умения большевиков предусмотрительно ставить перед ним лозунги, точно отвечающие не только целям и задачам, но и средствам борьбы.

ЗА ПОДЛИННОЕ ЕДИНСТВО

Осенью 1912 года борьба большевиков против ликвидаторов за единство социал-демократических рабочих Петербурга вступила в новый, весьма ответственный



Члены Петербургского комитета в годы нового революционного подъема: *И. А. Акулов, Н. К. Антипов, А. Е. Бадаев, И. С. Белостоцкий, А. С. Бубнов, Т. В. Жигарев.*

1 мая 1913 года по всей России бастовало до 420 тысяч рабочих. Из этого числа на Петербург приходилось 250 тысяч забастовщиков. В Москве бастовало 50 тысяч человек. Петербург, как и в предыдущие выступления, выделялся среди остальных промышленных центров страны не только количеством бастовавших рабочих, но и более организованным характером выступлений.

Для улучшения организационной и идейно-политической работы ЦК направил в Петербург свои лучшие силы. Работой ПК руководили находившиеся в 1913 году в Петербурге члены ЦК РСДРП Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Ф. И. Голощекин и кандидаты в члены ЦК РСДРП М. И. Калинин и А. С. Бубнов. Четко



Члены Петербургского комитета в годы нового революционного подъема: *А. И. Иванова, А. С. Киселев, Т. К. Кондратьев, В. Ф. Малаховский, Н. И. Подвойский, А. В. Шотман.*

выполнялось и решение Краковского совещания о смелом выдвижении на руководящие партийные посты рабочих-передовиков. Именно благодаря этому удавалось быстро заменять арестованных членов ПК. Из установленных нами 36 членов ПК только один А. Е. Бадаев был «несменяемым» членом Исполнительной комиссии с осени 1912 года по 1914 год, так как пользовался депутатской неприкосновенностью. В состав ПК в 1913 году входили: И. А. Акулов, Н. К. Антипов, А. Е. Бадаев, К. Н. Бедняков, Г. И. Бруно, А. С. Бубнов, П. И. Бушуев, Ф. И. Голощекин, С. И. Дерябина, С. В. Ермаков, Д. С. Иванов, А. М. Ионов, Н. В. Заема, М. И. Зайцев, М. И. Калинин, Эм. И. Квиринг, А. С. Киселев,

Г. И. Класс, М. М. Лашевич, М. А. Лебедев, Н. И. Малахов, В. Ф. Малаховский, А. А. Митревич, Н. Н. Лебедев, Е. И. Неклюдов, И. П. Павлов, Ф. П. Петров, Н. И. Подвойский, И. Г. Правдин, Г. В. Разживин, В. М. Щербаков, Я. М. Свердлов, А. А. Сольц, Г. Ф. Федоров, И. И. Фокин, А. В. Шотман[76].

Из 36 человек, работавших в ПК в 1913 году, 24 были рабочими, в том числе 19 металлистами, один кожевником, один строителем, два деревообделочниками, один текстильщиком, а также два конторщиками и два чертежниками. Такое представительство позволяло руководящему органу петербургских большевиков полнее и глубже осуществлять руководство всеми отрядами петербургских рабочих.

20 из 24 рабочих — членов ПК имели партийный стаж свыше пяти лет. Костяк ПК составляли пролетарии, вступившие в партию в канун и в годы первой русской революции. Очевидно и то, что партийная организация смело выдвигала на руководящую работу молодежь (Н. К. Антипов, И. А. Акулов, П. И. Бушуев, Н. В. Заема, Эм. И. Квиринг, В. Ф. Малаховский, Г. В. Разживин). С юности воспитанные на ответственной партийной работе, многие из них впоследствии стали видными деятелями нашей партии. При общем солидном для того времени партийном стаже (средний партстаж — 8 лет) работники ПК были людьми сравнительно молодыми. Самому старшему А. А. Сольцу было 40 лет, самым младшим, Н. К. Антипову и В. Ф. Малаховскому, — по 19 лет. Средний возраст членов ПК составлял 28 лет. Опыт и закалка, обретенные в годы первой русской революции, у членов ПК гармонично сочетались с неуемной энергией молодости.

Из сведений об обязанностях членов ПК выясняется главное направление партийной работы. 11 членов ПК руководили стачечными комитетами, координацией их действий, проведением массовых политических стачек. Члены ПК из рабочей молодежи, как правило, получали опасные поручения, требующие смелости, энергии и ловкости. Они обеспечивали работу технического бюро ПК, организовывали подпольные типографии, распределяли листовки, подбирали надежные явки и паспорта для «нелегалов», были связными между ПК и крупными местными партийными организациями промышленных центров страны. Серьезное внимание уделялось руко-

водству легальными организациями, в том числе профсоюзной работой. Руководство нелегальным Центральным бюро профсоюзов взяли на себя такие опытные партийные работники, как А. С. Киселев и И. Г. Правдин. В 1914 году они оба, по предложению В. И. Ленина, были введены в состав Русского бюро ЦК.

В начале 1913 года ответственным организатором ПК, самым авторитетным его членом, прибывшим в Петербург «с целью более планомерной постановки партийной работы»[77], был Я. М. Свердлов. С февраля 1913 года, после ареста Я. М. Свердлова, фактическим руководителем ПК стал А. Е. Бадаев. Он участвовал в работе Краковского и Поронинского совещаний ЦК РСДРП, неоднократно встречался с В. И. Лениным и получал от него деловой инструктаж по вопросам организации партийной работы в Петербурге. Наделенный полномочиями доверенного лица ЦК, а с апреля 1914 года и члена ЦК РСДРП, А. Е. Бадаев после каждой крупной полицейской акции против ПК энергично формировал новый его состав. Отмечая высокую идейность рабочих — членов ПК, их нетерпимость к оппортунизму, Н. К. Крупская сообщала в одном из своих писем, что в Петербурге рабочими создана серьезная организация, налажены хорошие связи с ЦК, Москвой, рядом губерний. «А кроме того, — добавляла Н. К. Крупская, — все связи носят какой-то другой характер, чем раньше. Больше как-то чувствуешь, что имеешь дело с единомышленниками»[78].

В этом отношении ПК мог служить примером коллективного партийного органа, идейно цельного, отличающегося бескомпромиссностью и непримиримостью по отношению к оппортунистическим группам и направлениям. В мае 1913 года ПК выработал и опубликовал резолюцию об отношении к меньшевикам-ликвидаторам. «ПК заявляет, — говорилось в ней, — что с ликвидаторами не может быть никакого единства»[79]. ПК приветствовал в этом документе всех тех товарищей, которые остались верными принципу сохранения нелегальной партии и борьбе за неурезанные лозунги революции.

В связи с новыми возможностями, которые открывало перед партийной работой массовое наступательное рабочее движение, в 1913—1914 годах существенно изменилось организационное строение нелегальных партийных органов Петербурга. Партийные органы строи-

связь с Ревелем, а её представитель входил в состав ЦК Эстонского края.

Основу Петербургской партийной организации составляли нелегальные фабрично-заводские ячейки. Партийные комитеты на предприятиях были также узкими, законспирированными (3—5 человек). Председатель заводского партийного комитета отвечал за его деятельность в целом, секретарь (иногда казначей) собирал членские взносы, библиотекарь хранил и распространял среди членов ячейки революционную литературу. Партийные комитеты были тесно связаны с райкомами, а иногда непосредственно с ПК. «У ПК, — докладывал на Поронинском совещании А. Е. Бадаев, — связи на всех заводах. Все, что делалось в рабочих кварталах, на каждом заводе, на каждой фабрике и даже мастерской, ПК знал, обо всем был осведомлен» [89].

О количестве первичных партийных организаций (ячеек) достоверных и полных сведений не имеется. В те годы важнейшим объективным показателем влияния большевиков среди рабочих стало число рабочих групп, вносивших деньги на нужды большевистской «Правды». Весной 1912 года насчитывалось 412 групп петербургских рабочих, коллективно поддерживавших «Правду» [90]. Весной 1914 года таких групп в Петербурге было уже 1276 [91].

Конечно, такие понятия, как группа рабочих, поддерживающая материально большевистскую газету, и первичная партийная организация, не являются равнозначными. Очевидно, что первых было больше, чем вторых. Однако бесспорно, что между рабочей группой, активно поддерживающей газету большевиков, и партийной ячейкой существовала прямая, непосредственная взаимосвязь. Следовательно, можно утверждать, что число первичных партийных организаций на предприятиях Петербурга за два года нового революционного подъема выросло примерно втрое.

Что же касается общей численности Петербургской партийной организации, то о ней можно судить по результатам сбора подписей за создание самостоятельной большевистской фракции в Думе, который проводился среди рабочих с ноября 1913 года до лета 1914 года. Используя эту легальную возможность, партия, по существу, провела свою первую перепись. Эту кампанию В. И. Ленин ясно и недвусмысленно назвал открытым и

массовым опросом «всех членов партии по важнейшему вопросу партийной жизни». И далее В. И. Ленин отмечал, что партии удалось втянуть в обсуждение этого вопроса «*массу* рядовых членов партии» [92]. Естественно, что эта кампания дала большевикам возможность учесть свои силы прежде всего в Петербурге. Сам характер резолюций рабочих собраний настойчиво подчеркивает, что их подписывали не вообще сознательные рабочие, активные стачечники, читатели и почитатели «Правды», а «пролетарии, марксистски мыслящие и стоящие под знаменем неурезанных основных старых лозунгов». «Мы, группа организованных и сознательных рабочих...» — так начинаются резолюции собраний рабочих Охтинских пороховых заводов, вагоностроительного завода, завода летательных аппаратов общества «Гамаюн», мебельной фабрики Платонова, завода «Экваль» и других [93]. Здесь выделены два важнейших признака членства в партии — сознательность и принадлежность к организации. Путиловцы в своей резолюции говорят о необходимости усиления политической организации пролетариата, о том, что они стоят «за старые испытанные пути и методы, начертанные на рабочем знамени». Эзопов язык легальной печати совершенно ясен — речь идет о партийных организациях, а не об опросе рабочей массы вообще. Не случайно В. И. Ленин всю совокупность рабочих групп, выступавших за создание самостоятельной большевистской фракции в Думе, называл партией [94].

Весной 1914 года В. И. Ленин проделал трудоемкую работу по подведению итогов повсеместного опроса рядовых членов партии. Данные «Правды» позволили ему в статье «Отклик рабочих на образование РСДР фракции» дать итоговую цифру — 5003 подписи по С.-Петербургу, то есть 5 тысяч большевиков [95]. Эти свои подсчеты В. И. Ленин не считал окончательными, ибо сбор подписей продолжался и весной 1914 года. В ЦПА ИМЛ хранятся дальнейшие подсчеты В. И. Ленина, и в одном, более позднем, ленинском документе о числе подписей, собранных в Петербурге, приводится цифра 5900 [96]. Это позволяет считать, что к 1914 году в Петербурге сосредоточилось около 6 тысяч большевиков.

Опрос рядовых членов партии, который можно рассматривать как партийную перепись, позволяет

конкретно выявлять и численность ряда фабрично-заводских партийных организаций.

Вот некоторые данные о численности партийных организаций Петербурга в 1913—1914 годах[97]:

Путиловский завод	— 305	чел.
Охтинские пороховые заводы	— 175	»
«Новый Лесснер»	— 139	»
Вагоностроительный завод	— 86	»
Мебельная фабрика Платонова	— 70	»
Моторный завод «Экваль»	— 56	»
В. О. трамвайный парк	— 29	»
Мебельная фабрика Маурина	— 26	»
Мебельная фабрика Меера	— 20	»
Фабрика «Лаферм»	— 13	»
Фабрика Отто Кирхнера	— 13	»
Оптическая мастерская Урлауба	— 3	» и т. д.

Наибольшие партийные группы действовали, как явствует из списка, на металлообрабатывающих заводах. Но крепкие ячейки имелись и на табачных, на мебельных фабриках, в типографиях и даже в ремесленных мастерских. Это лишний раз свидетельствует о том, что влияние партийной организации в петербургском рабочем движении было всеохватывающим.

Суть партийного строительства периода 1912—1914 годов В. И. Ленин очень лаконично, но предельно точно выразил словами «время собирания сил»[98]. К началу 1914 года это собирание сил было фактически завершено и партийная организация воссоздана, но уже на новой основе.

Во-первых, в 1907 году в партийной организации сохранялось формальное единство большевиков и меньшевиков, причем последних в Петербургской организации в ту пору было 2200 человек. В 1913 году партийная организация сплачивала лишь большевиков.

Во-вторых, в лучшую сторону изменился состав организации. В 1907 году она на 90 процентов состояла из партийной молодежи, влившейся в организацию в 1905—1906 годах. В 1913 году она возмужала, а ее основной костяк состоял, как писала легальная рабочая печать того времени, «из ветеранов прежних времен», то есть бойцов 1905 года и годов реакции.

И в-третьих, укрепилось пролетарское ядро партии. Партийная организация в Петербурге состояла на девять десятых из передовых рабочих.

Таким был бурно нараставший, необратимый процесс возмужания и укрепления большевистской организации Петербурга в 1912—1913 годах. Вот почему многочисленная и зрелая пролетарская партийная организация Петербурга, связанная неразрывно с ЦК РСДРП, с В. И. Лениным, всеми своими корнями уходящая в рабочие массы, решала с успехом сложные задачи руководства рабочим движением.

ЛЕГАЛЬНЫЕ ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ

Укрепление партии выразилось не только в воссоздании постоянно действующих, строго законспирированных партийных органов на местах, строительстве первичных парторганизаций на предприятиях, но и в укреплении и значительном расширении своих легальных опорных пунктов. Претворяя в жизнь решения Пражской конференции РСДРП, местные партийные организации стремились использовать «все легальное для постепенной группировки всего живого вокруг нелегальной партии»[99]. Речь шла о том, чтобы подпольные партийные организации всемерно расширяли свою деятельность на легальном поприще и умело дирижировали внешне очень разнохарактерным легальным ансамблем: рабочей печатью и профсоюзами, думской фракцией РСДРП и культурно-просветительными обществами, больничными кассами и кооперативными организациями, воскресными школами и рабочими столовыми, рабочими драмкружками и рабочими библиотеками.

Легальные рабочие организации использовались большевиками для подготовки стачек, демонстраций, митингов, распространения подпольной литературы, устройства нелегальных собраний, тайных встреч партийных работников. Они же стали основным источником, откуда партия черпала средства для своего существования. Например, часть средств «железного фонда „Правды“», созданного из рабочих взносов, нередко отчислялась на нужды нелегальной работы. В августе 1913 года охранка отмечала, что часть суммы, собранной на фабриках в фонд «Правды», передается в рас-

16—40

Сравнивая их с первыми обличениями петербургских рабочих в 90-е годы, В. И. Ленин писал в 1912 году:

«Тогда — каких-нибудь пять-шесть фабричных обличений, тайком распространявшихся рабочими в нескольких десятках экземпляров.

Теперь — десятки тысяч ежедневной «Правды», дающей по нескольку фабричных обличений, относящихся к самым различным отраслям труда» [106].

Особое внимание газета уделяла стачкам. Ежедневно, как фронтовые сводки, «Правда» печатала отчеты о забастовках, помогала стачечникам преодолевать различные козни предпринимателей, воспитывала в их среде солидарность и наступательный революционный дух.

Петербургские большевики, опираясь на ежедневную массовую газету, старались максимально расширить легальную партийную издательскую деятельность. В январе 1913 года правдистам удалось создать в Петербурге легальное большевистское издательство «Прибой». Центральный Комитет партии осуществлял повседневное руководство издательством через своего представителя в «Прибое» М. А. Савельева. «Прибой» выпустил значительными тиражами ряд работ В. И. Ленина и различные популярные марксистские книги. В частности, был издан «Спутник рабочего на 1914 год» — справочник, предназначенный для партийного актива. Под видом справочного материала в календаре напечатали статью В. И. Ленина «Стачки в России». Календарь был раскуплен в Петербурге за один день, так что в начале 1914 года «Прибою» пришлось выпустить его второе издание, которое разошлось так же быстро.

Большевистский легальный журнал «Просвещение» издавался в Петербурге пятитысячным тиражом. Петербургская часть редколлегии журнала — А. И. Ульянова-Елизарова, М. С. Ольминский, М. А. Савельев (редактор журнала) — поддерживала тесную связь с ЦК РСДРП. В. И. Ленин тщательно продумывал план каждого номера, рекомендовал темы статей, часто сам выступал на страницах «Просвещения». В частности, в журнале были опубликованы такие выдающиеся произведения В. И. Ленина, как «Три источника, три составных части марксизма», «Критические заметки по национальному вопросу» и другие. Журнал по существу являлся

теоретическим печатным органом ЦК РСДРП и сыграл значительную роль в пропаганде марксистской теории, разоблачении оппортунизма, в идейном воспитании партийного актива.

В октябре 1913 года стал выходить журнал «Вопросы страхования», основанный большевистскими депутатами Думы. Для участия в журнале большевистские депутаты пригласили известных писателей — А. М. Горького, В. Я. Брюсова, Д. Бедного. Редактировали журнал видные петербургские большевики — А. Н. Винокуров (д-р Вив), Н. А. Скрыпник (Асник), П. И. Стучка, Н. И. Подвойский. В нем активно сотрудничали рабочие-большевики М. И. Калинин, А. С. Киселев, Н. М. Шверник, приказчики Д. В. Антошкин, М. А. Сейфер. Журнал пользовался огромной популярностью среди передовых пролетариев столицы. Его тираж доходил до 10 тысяч экземпляров.

Все выпускавшиеся большевиками в Петербурге легальные печатные издания («Звезда», «Правда», «Просвещение», «Работница», «Вопросы страхования», студенческий журнал «Утро жизни»), вплоть до узко профессиональных журналов большевистского направления, таких, как «Металлист», «Деревообделочник», «Жизнь пекарей», «Пролетарий иглы», «Текстильный рабочий» и другие, повышали классовое самосознание пролетариата, защищали его от разлагающего влияния оппортунизма, поднимали его на революционную борьбу.

Вторым легальным общероссийским органом партии являлась большевистская фракция в Думе.

Депутатская неприкосновенность в какой-то мере ограждала большевиков от угрозы обыска, ареста и, главное, позволяла относительно открыто общаться с широким слоем рабочих избирателей. Думская группа большевиков в то время была самой открытой ячейкой РСДРП. «Она могла,— писал В. И. Ленин,— говорить всех более «открыто». Она *одна* была легальна и могла говорить легально *об очень многом. Но не обо всем!*» [107].

В середине 1912 года истек срок полномочий III Государственной думы, и с осени началась избирательная кампания в IV Думу. Для большевиков она была сопряжена с неимоверными трудностями, так как действовать приходилось под непрерывным обстрелом

царской охранки. Накануне выборов уполномоченных, в августе — сентябре 1912 года, полиция провела большую «чистку» революционного подполья: сотни передовых рабочих подверглись арестам и высылке из столицы.

Меньшевики были в лучшем положении. Их лидеры Дан и Потресов легально проживали в Петербурге, свободно пропагандировали в буржуазной и ликвидаторской печати свои взгляды, не опасаясь репрессий полиции, вели на заводах и фабриках предвыборную агитацию. Ликвидаторы создали так называемый «Рабочий комитет», который возглавили бывший член ликвидаторской части ЦК, отнюдь не рабочий, П. А. Бронштейн и провокатор В. М. Абросимов. Параллельно возник «Интеллигентский избирательный комитет» во главе с зубным врачом М. Я. Лукомским. Чтобы координировать их действия, был создан еще и «Центральный избирательный комитет» в составе все тех же Абросимова, Бронштейна, Лукомского и нескольких ликвидаторов из рабочих [108]. Все три комитета повели шумную кампанию за избрание в выборщики по рабочей курии Петербургской губернии своих ставленников.

В свою очередь, во время выборов большевики имели сильное оружие, какого не было у них в предыдущую избирательную кампанию. Этим оружием стала «Правда». Она систематически выступала с разъяснениями по различным вопросам предвыборной кампании, настойчиво призывала голосовать за последовательных и стойких демократов, то есть большевиков. Благодаря легальной большевистской печати выборы в Петербурге стали образцом для всего российского пролетариата. «Борьба рабочих за депутатские места от Петербурга,— писал В. И. Ленин,— приобретает безусловно громадное и *всероссийское* значение во всей избирательной кампании в IV Думу» [109].

Для лучшего руководства выборами в Петербурге по указанию ЦК была создана Центральная избирательная комиссия, члены которой распределили свои силы по районам города. Организаторами выборов по районам стали Н. Н. Батурин, А. А. Юрьев, К. Н. Самойлова, Л. М. Михайлов, В. Ф. Малаховский. Непосредственное руководство избирательной кампанией в Петербурге летом 1912 года осуществляли уполномоченная ЦК РСДРП И. Ф. Арманд, а осенью, после ее ареста, И. В. Сталин.

Центральная избирательная комиссия провела в районах ряд нелегальных предвыборных собраний. Под видом прогулок группы рабочих отправлялись в окрестные леса. На «лесных» собраниях разгорались жаркие споры большевиков с эсерами, настаивавшими на бойкоте выборов, и с меньшевиками, которые, прикрываясь фальшивыми фразами об единстве, стремились протащить в уполномоченные своих кандидатов.

17 октября состоялся съезд уполномоченных рабочей курии. На съезде почти единогласно был принят написанный И. В. Сталиным и одобренный В. И. Лениным «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». И. В. Сталин основательно выправил проект наказа, составленный Центральной избирательной комиссией. Видимо, в проекте имели место уступки ликвидаторам, и И. В. Сталин решительно вытравил из него, как вспоминает путиловец В. И. Савинов, «ликвидаторский дух» [110]. В основу «Наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату» была положена резолюция Пражской конференции РСДРП «О выборах в IV Государственную думу». Непосредственное участие в составлении наказа приняли кроме И. В. Сталина члены ПК А. А. Сольц и М. М. Лашевич, а также рабочие-путиловцы, члены Нарвского райкома партии В. И. Савинов, А. Ф. Костюков, В. Я. Мещерский. Хотя наказ был написан применительно к легальным возможностям,— для оглашения на собраниях и опубликования в печати, в нем отчетливо были отражены основные революционные лозунги большевистской партии. В наказе подчеркивалась необходимость использования рабочим депутатом думской трибуны для политического воспитания и организации пролетариата, для подготовки трудящихся к новой революции.

На съезде уполномоченных ликвидаторы прикинулись сторонниками большевистского наказа. Тем самым им удалось обмануть бдительность уполномоченных и добиться избрания трех меньшевиков в шестерку выборщиков по рабочей курии. Между тем твердо выраженная воля уполномоченных, единодушно поддерживавших большевистский наказ, обязывала меньшевиков не выставлять своих кандидатур в депутаты на губернском

съезде выборщиков. Но в погоне за депутатским местом они не посчитались с волей рабочих.

Несмотря на все происки ликвидаторов, избирательная кампания закончилась в пользу большевиков. Депутатом в Думу по рабочей курии Петербургской губернии был избран А. Е. Бадаев. Победа в Петербурге окрылила рабочих и в других местах. В 1912 году впервые за весь думский период все шесть куриальных депутатов от рабочих — А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов и Р. В. Малиновский * — были большевики. Их избрали шесть ведущих промышленных губерний России, в которых насчитывалось свыше миллиона пролетариев. Семь депутатов-меньшевиков во главе с Чхеидзе были выбраны от непромышленных губерний, в которых рабочих насчитывалось всего 136 тысяч.

Сокрушительное поражение на выборах депутата от рабочей курии в Петербурге привело самих ликвидаторов в замешательство. Ликвидатор В. О. Цедербаум (Левицкий) в письме к П. Б. Аксельроду с горечью писал: «Одно ужасно темное пятно, которое трудно переварить,— это Петербургская рабочая курия. Когда узнали о нем здесь, готовы были скрежетать зубами от ярости и ногти грызть с досады» [111].

Большевистские депутаты — избранники рабочего класса России — высоко держали революционное знамя в черносотенно-буржуазной IV Думе. Думская «шестерка» служила крепким связующим звеном между Центральным Комитетом и ПК. Через А. Е. Бадаева ПК поддерживал тесный контакт с районными партийными организациями столицы и с заводскими ячейками. Как рабочий депутат, А. Е. Бадаев побывал на десятках заводов, беседовал с рабочими, глубоко вникал в их нужды, знал их мысли и надежды. Рабочие имели в его лице горячего защитника, поборника правды, борца за общее пролетарское дело. Большевистская «шестерка» и Петербургский комитет обычно поручали А. Е. Бадаеву с думской трибуны отстаивать революционные требования петербургского пролетариата. Для выступлений он брал один какой-либо конкретный факт —

* Член ЦК, депутат Думы Малиновский, впоследствии разоблаченный как провокатор царской охранки, в мае 1914 года самовольно сложил с себя депутатские полномочия и уехал за границу.



Полицейские выводят депутата-большевика Г. П. Петровского из зала заседаний IV Государственной думы 5 мая 1914 года.

гонение властей на профсоюз, ущемление прав заводских больничных касс, катастрофу на Охтинском пороховом заводе, массовые отравления работниц «Треугольника» — и с думской трибуны ярко обличал полицейский произвол и чудовищную эксплуатацию, царящую на петербургских предприятиях.

В ряде случаев пролетарии тех губерний, где не было рабочей курии, доверяли защиту своих нужд петербургскому депутату. Рабочие Витебской губернии сообщали А. Е. Бадаеву, что их представитель «не смог проникнуть в стены Таврического дворца через изгородь третьеиюньского режима», и просили взять на себя представительство их интересов. Рабочие уполномоченные Курской губернии писали А. Е. Бадаеву: «...поручаем Вам, избраннику петербургских рабочих, и другим членам социал-демократической фракции IV Думы защиту интересов наших избирателей и присоединяемся к наказу, данному вам петербургским пролетариатом» [112].

Внутри думской социал-демократической фракции шла непримиримая борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевистская «семерка», беззастенчиво пользуясь случайным преобладанием в один голос

в дальнейшей деятельности партии. И не случайно В. И. Ленин весьма настойчиво напоминал большевикам об этом опыте именно в один из наиболее ответственных моментов жизни партии, в июле 1917 года, в канун социалистической революции. «Действовать,— призывал тогда В. И. Ленин,— так, как в 1912—1914 гг., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.» [132].

НА ПУТИ К ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКЕ

Сложное положение, создавшееся в стране с лета 1913 года, свидетельствовало о вызревании глубокого революционного кризиса общенационального масштаба. Царское правительство в ту пору стало явно превращаться в объект игры дворцовой камарильи и «темных сил», на грани политического банкротства очутилась партия октябристов — главная контрреволюционная партия помещиков и капиталистов, внезапно полевевшие кадеты начали заигрывать с революционно-демократическим лагерем и конфликтовать с правительством, правыми и националистами. Либеральная буржуазия с помощью социальной демагогии мечтала «умиротворить революцию», а крепостники, уповая на силу репрессий, хотели ее удушить. Утратив надежду перевести страну на путь буржуазного развития, царизм сделал ставку на «русскую Вандею». С ее помощью он надеялся преодолеть растущую оппозицию буржуазии и подавить революцию. Эта Вандея, по словам В. И. Ленина, состояла из черносотенных помещиков, армии озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подлинных отбросов капиталистического общества. Российская Вандея, по ироническому замечанию В. И. Ленина, была столь же схожа с французской Вандеей, сколь сам Николай II походил на Наполеона [133]. И конечно, эта Вандея не смогла бы, как ей мечталось, «посадить на цепь» российскую революцию.

Со второй половины 1913 года революционная активность масс значительно возросла. Забастовки, митинги протеста, демонстрации и другие испытанные

средства пролетарской борьбы принимали с каждым днем все более организованный и боевой характер. Число стачечников в стране в 1913 году достигло двух миллионов, и ведущее место в стачечном движении прочно занимал Петербург. Петербургская губерния в 1913 году дала около половины всех стачечников страны.

Вместе с подъемом рабочего движения росла и крепла Петербургская большевистская организация, умело руководившая всеми формами борьбы рабочих столицы.

Даже охранка откровенно признавала собственную беспомощность. По ее признанию, в октябре 1913 года испытанный прием массовых арестов революционеров — так называемые «ликвидации» оказались бесполезными и даже вредными, «так как в данное время настроение таково, что ликвидация может только ускорить взрыв забастовочного движения» [134]. Массовые административные высылки из Петербурга с «57 пунктами», то есть с запрещением жить в 57 крупных городах и рабочих центрах, стали почти бесплодными. «Масса публики,— отмечала осенью 1913 года газета «Социал-демократ», — высланная из Питера, перекочевывает в другой район города и продолжает жить. Поражаешься приспособляемости самих массовиков» [135].

Полиция явно начала побаиваться таких акций, как закрытие профессиональных обществ, конфискация рабочих газет, ибо каждое ее репрессивное действие мгновенно вызывало массовый организованный отпор рабочих. В среде предпринимателей также царила полная растерянность. По иронической оценке В. И. Ленина, «господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди» [136]. Они долго не решались в ответ на стачки применять локауты, опасаясь, что рабочие сумеют выстоять в течение длительного срока. Когда же в марте и апреле 1914 года предприниматели решились прибегнуть к этому отчаянному средству, рабочие ответили массовыми политическими демонстрациями. Локауты длились всего несколько дней, а сами предприниматели потерпели от них громадные убытки.

Усердие петербургских промышленников оказалось чрезмерным, и даже министр торговли и промышленности С. И. Тимашев с раздражением заявил, что они

«подлили масла в огонь» разрастающегося стачечного движения [137].

Пытаясь объединить усилия властей и предпринимателей для борьбы с революционным движением, царское правительство решило в октябре 1913 года образовать «Межведомственное совещание по вопросу о забастовках рабочих». Совещание проходило под председательством министра торговли и промышленности. Характерно, что наибольшую озабоченность у участников совещания вызвало состояние рабочего движения именно в Петербурге. В его делах сохранилось несколько любопытных документов, ярко раскрывающих полную растерянность и бессилие «верхов». Один из документов, озаглавленный «О нежелательности дальнейшего роста промышленности в самом городе С.-Петербурге в связи с политическими манифестациями и стачками рабочих», особенно интересен. В нем с тревогой отмечалось, что общее число рабочих в Петербурге достигло одной шестой части всей русской армии. «При дальнейшем быстром росте промышленности в столице, — говорилось в документе, — число это в ближайшем будущем может дойти до совершенно угрожающих размеров» [138]. Авторы данной записки советовали запретить постройку в Петербурге новых заводов и фабрик, резко сократить правительственные заказы петербургским предприятиям, значительно повысить таможенные и железнодорожные тарифы и тем многократно взвинтить стоимость производства, не восстанавливать более предприятия, пришедшие в ветхость, не заменять изношенные машины новым оборудованием. С помощью таких мер мракобесы, засевшие в министерстве промышленности и торговли, намеревались «освободить столицу от элемента, угрожающего ее безопасности», то есть от петербургского пролетариата. В том же случае, если эти меры не удастся провести, авторы записки советовали правительству перенести столицу в другое место.

План этот был явно маниловским, и вряд ли возможно было его осуществить. Однако само появление подобной докладной и ее обсуждение на совещании убедительно свидетельствуют о полной неспособности «верхов» справиться с положением. Кстати, небезынтересно отметить, что спустя три года буржуазное Временное правительство попыталось осуществить на практике идеи, изложенные в данной записке, стремясь эвакуировать петроградские предприятия в глубь страны.

В тогдашнем политическом положении с достаточной определенностью выявилось, что под влиянием объективных факторов массы перешли к состоянию острого недовольства существующими порядками, нетерпимого к ним отношения. Явным стал провал попыток либеральной буржуазии с помощью ликвидаторов подорвать основы классового пролетарского сознания и распространить в среде рабочих России враждебную их коренным интересам реформистскую идеологию.

В этих условиях важно было всесторонне учесть боеспособность ведущих местных партийных организаций, степень их взаимодействия, их возможности обеспечить единовременное политическое выступление рабочих всех основных промышленных центров России. Такую проверку можно было осуществить лишь посредством Всероссийской политической стачки. Именно она слила бы воедино революционные настроения масс с политическими призывами партии, позволила бы преодолеть узкие места пролетарского и общедемократического движений.

Прежде всего таким узким местом была неравномерность стачечной борьбы в отдельных отраслях производства и в отдельных промышленных районах. С достаточной полнотой была выявлена степень реакции пролетариата на революционные выступления в армии и на флоте. Однако неясной оставалась обратная связь, а именно — сколь действенно армия сможет поддержать выступление пролетариата. И наконец, Всероссийская политическая стачка могла подтолкнуть, усилить крестьянское движение, которое все еще оставалось слабым.

Нельзя было медлить с подготовкой и проведением революционной Всероссийской политической стачки, ибо в ряде районов, особенно в Петербурге, бурно нараставшая стачечная активность рабочих, их рвущееся наружу нетерпение могли определить сознательную деятельность революционных сил. А это грозило не революцией, а бунтом, подогревало левоавантюристические настроения и могло привести к разгрому пролетарского авангарда.

Петербургским рабочим предстояло сыграть роль зачинателей Всероссийской политической стачки. В связи

ГЛАВА III

ЧЕРЕЗ ГОДЫ ВОЙНЫ К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВОЙНА: ПЕРВЫЕ ДНИ И НЕДЕЛИ

19 июля 1914 года в жизнь народов Российской империи ворвалось короткое и грозное, как выстрел, слово — война. 21 июля во всех крупных газетах вместо передовой был помещен манифест царя: «Божиею милостью Мы Николай вторый, самодержец всея России, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая объявляем всем нашим верным подданным...» [1] Царь объявил подданным о вступлении России в войну с Германией. Прямо от станков заводов и фабрик, с неубранных полей российских деревень к призывным пунктам потянулись колонны новобранцев и запасных. Военная машина заработала.

Война круто изменила ход общественного развития в России, внесла свои коррективы во все общественно-политические процессы. Она резко затормозила революционную борьбу рабочего класса, поднявшуюся к ее началу на уровень открытых баррикадных боев в столице и массовых выступлений в других промышленных центрах.

Одна из причин этого явления — психологическое воздействие обрушившейся на народ беды, потрясение, которое вызвало известное чувство растерянности и подавленности. Рабочие отчетливо представляли себе, какие ужасы и бедствия несет эта война им, пролетариям. «В этот день, — вспоминал рабочий-большевик Т. К. Кондратьев, — атмосфера на заводе резко переменилась в худшую сторону. Из живого, веселого настроение перешло в угрюмо-мрачное, давящее своею незримою тяжестью на плечи рабочих, приковывающее их к станку. Становится тяжело и грустно. На сердце какое-то предчувствие чего-то щемящего...» [2] Об этом же пишет в своих воспоминаниях видный деятель страхового движения большевик Р. Арский (А. Т. Радзишевский): «...война разбила все революционные настроения и ослабила его (революционное движение. — *Б. К.*) в огромной степени... Настроение создалось угрюмо сдержанное и подавленное» [3].

Положение усугублялось изменой лидеров международной социал-демократии. Передовые рабочие, знавшие о резолюциях Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов II Интернационала, которые прямо и недвусмысленно предупреждали господствующие классы о преступности войны и готовности международных социалистических сил ответить на попытки развязывания войны революцией, с волнением ждали соответствующих акций вождей европейской социал-демократии. Особенные надежды возлагались на немецкую социал-демократию, самую многочисленную и влиятельную в те времена. На Путиловском заводе рабочие буквально осаждали Георгия Михайловича Шкапина — заводского вожака большевиков — вопросами по этому поводу. Он и сам вместе со своими товарищами по партии ждал с минуты на минуту авторитетного заявления лидеров II Интернационала [4].

Рабочие не поверили первым телеграммам о позиции немецких социал-демократов, выступивших в поддержку своей национальной буржуазии, расценив это как попытку буржуазии и правительства России обмануть рабочих, сбить их с толку. Когда же в измене вождей II Интернационала, в том числе таких авторитетных, как К. Каутский, Э. Вандервельде, Г. В. Плеханов, сомневаться стало невозможно, менее сознательная часть рабочих заколебалась. Рабочие спрашивали у своих товарищей большевиков: «Верна ли ваша тактика, если уж «сам» Плеханов поддерживает войну?» Стали раздаваться голоса: «Не быть для России хуже, чем немцы для Германии» [5]. Путаница в головах у некоторых рабочих была настолько велика, что по инициативе меньшевиков отдельные их группы приходили на призывные пункты одновременно с красными и царскими знаменами [6]. Позже, в январе 1915 года, оценивая

8 Зак. № 809

обстановку первых дней войны, В. И. Ленин отмечал: «Все мы знаем, что вначале растерянность была немалая и что она усугублялась преследованиями царизма, поведением «европейцев», переполохом войны»[7].

Известную отрицательную роль в начальный период войны сыграла и «патриотическая» пропаганда. По широко известной оценке В. И. Ленина, «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма»[8]. И все-таки в первые дни войны игра царских властей и буржуазно-помещичьих партий на национальных чувствах и широко применявшаяся дезинформация сбили с толку определенное число рабочих.

Непосредственная подготовка к войне и начало самой войны дали царскому правительству новые возможности и средства для усиления репрессий против революционных выступлений рабочих и, в первую очередь, их организаторов — большевиков. Только за один июль 1914 года полиция арестовала до 1000 членов петербургской партийной организации[9]. Власти спешили использовать военную обстановку для подавления революционного движения. Министр внутренних дел издал специальный циркуляр, в котором разъяснял местным властям, что они не несут никакой ответственности за расправы с революционными рабочими и крестьянами[10].

26 июля 1914 года петербургский градоначальник отдал приказ о закрытии всех рабочих организаций на время военных действий. В помещениях профсоюзов, культурно-просветительных учреждений, в редакциях рабочих газет и журналов были произведены обыски и аресты. Арестованы были также почти все члены Рабочей группы Страхового совета и большинство членов больничных касс[11].

В августе массовые аресты революционных рабочих продолжались с неменьшим размахом. 26 августа 1914 года петроградское охранное отделение «осуществило ликвидацию» большой группы активных работников Петербургской большевистской организации. В этот день аресту подверглось 50 человек. 31 августа были произведены новые аресты. На этот раз в помещении больничной кассы Путиловского завода царские жандармы арестовали восемь партийных работников, среди которых был известный революционер большевик-путиловец Г. М. Шкапин[12]. Аресты большевиков группами и в одиночку происходили чуть ли не каждый день. Они обескровили Петербургскую партийную организацию и в значительной степени разрушили партийные связи.

«Наша партия, — писал В. И. Ленин, — Российская с.-д. рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано»[13].

При объяснении причин, изменивших развитие революционного процесса, нельзя пройти мимо значительных перемен в составе питерских рабочих. Социальная структура рабочего класса в связи с войной подверглась серьезному изменению. В войска было мобилизовано 17 процентов петроградских рабочих[14]. Царские власти собирались отправить на фронт значительно большее число рабочих, однако увеличение военных заказов заставило возвратить многих уже мобилизованных рабочих на заводы. Только на одном Путиловском заводе из 5000 мобилизованных 3500 были возвращены на рабочие места как специалисты[15].

Уход значительной части рабочих на фронт требовал, естественно, замены их новым пополнением. При этом речь шла не просто о замене рабочих, выбывших с предприятий в связи с мобилизацией. Быстро расширявшееся военное производство, переход большинства петроградских заводов и фабрик на выполнение военных заказов требовали привлечения новой рабочей силы. За годы войны (с 1 января 1914 года по 1 января 1917 года) количество рабочих в петроградской цензовой промышленности увеличилось на 150,2 тысячи (62 процента)[16]. Понятно, что социальный состав петроградского пролетариата не мог не претерпеть серьезных изменений.

Источники пополнения рабочего класса были довольно разнообразны. Одним из главных являлось, несомненно, разорявшееся крестьянство (50—75 процентов)[17]. Значительную долю нового пополнения давали женщины и подростки из пролетарских семей, вынужденные наниматься на предприятия в связи с уходом мужей и отцов на фронт. Росту доли женского труда и труда подростков способствовала отмена правительством в сентябре 1915 года ограничений, существовавших для женщин, малолетних и несовершеннолетних на

фабрично-заводских, горных и горнозаводских предприятиях[18]. В пояснительной записке старшего фабричного инспектора Петроградской губернии к сводному отчету министерства торговли и промышленности указывается, что в течение 1915 года число малолетних, работавших на петроградских предприятиях, увеличилось на 45 процентов, число подростков — на 30 процентов и число женщин — на 39,7 процента[19].

Одним из источников составляли беженцы и эвакуированные из Польши и Прибалтики. В декабре 1915 года в Петрограде было зарегистрировано 84,1 тысячи беженцев, в феврале 1916 года — 100,7 тысячи. Среди них насчитывалось не менее 40—50 тысяч польских и прибалтийских рабочих[20].

Компенсация ушедших на фронт рабочих производилась также за счет появления на заводах выходцев из других слоев населения. В годы войны, укрываясь от фронта, на оборонные предприятия поступило немало представителей мелкой и даже средней буржуазии. В новом пополнении рабочего класса они составляли около 7 процентов[21]. С точки зрения характеристики подобных «пополнений» интересна корреспонденция с Путиловского завода, опубликованная в журнале «Вопросы страхования» за подписью «Степан Хлебороб»: «Тут есть и лабазники, и управляющие, и содержатели ломового извоза, трактирщики и бывшие содержатели пивных, попадаются даже домовладельцы»[22]. Понятно, что приход на предприятия таких «рабочих» не мог не привнести в рабочую среду мелкобуржуазных взглядов и настроений, что не могло не отразиться отрицательным образом на пролетарской идеологии.

В начале войны рабочее движение, получившее мощный толчок в первой половине июля, по инерции еще продолжалось. После объявления мобилизации 19 июля в Петербурге 2700 рабочих на 21 предприятии объявили забастовку[23]. Накануне на ряде предприятий большевики провели собрания, призывая рабочих бороться против войны и политики правительства. Появились антивоенные листовки. Имели место и антивоенные демонстрации. Рабочие заводов Выборгской стороны с красными флагами вышли на Большой Сампсониевский проспект и с революционными песнями начали шествие. На пути демонстранты встретили 20-тысячную толпу, в которой находилось около 4 тысяч человек запасных, явившихся к призывному пункту. В это время из Лесного следовала группа запасных около 100 человек в сопровождении околоточного надзирателя и двух городовых. Демонстранты встретили запасных криками «Долой войну!». Затем, как сообщает охранка, окружив тесным кольцом, стали сопровождать группу с пением «Рабочей марсельезы», требуя от полицейских, чтобы они распустили запасных по домам[24].

Антивоенная демонстрация на Невском проспекте закончилась столкновением с казаками и полицией. Ядро этой антивоенной демонстрации составляли рабочие Невской заставы. На Знаменской площади антивоенная рабочая демонстрация столкнулась с «патриотической» манифестацией буржуазии. Обе манифестации—«патриотическая» с пением «Боже, царя храни» и антивоенная с пением «Марсельезы» — двинулись по Невскому проспекту. «Получилась причудливая картина, — вспоминает участник событий большевик Т. К. Кондратьев, — в одном конце поют «Боже, царя храни»... а в другом «Марсельезу». Около Садовой улицы на рабочую процессию напали казаки. В происшедшей схватке обе процессии перемешались, и дальнейшее их движение прекратилось»[25].

В эти дни на заводах проводились антивоенные митинги. Об одном из них рассказывает М. И. Калинин, работавший в то время токарем на заводе «Айваз»: «У нас на заводе в эти дни были огромные митинги и забастовки. Мне было поручено партией большевиков выступить на этом митинге в защиту пораженческой линии. Я выступил на митинге против войны с призывом к мобилизованным обратить оружие против буржуазии. Я не помню сейчас содержания своей первой противовоенной речи, но она была небольшая и заканчивалась призывом „Долой войну!"»[26].

Война, резко изменив обстановку, поставила множество новых вопросов, требовала выработки новой тактики, разработки новых линий революционной пропаганды, и в решении всех этих вопросов приходилось рассчитывать только на собственные силы. С началом войны были прерваны связи между подпольными работниками в России и заграничным центром. Уцелевшие от арестов активные партийные работники, в том числе и думская большевистская «пятерка», оказались в трудном положении. К тому же в распоряжении Петербург-

ской организации в начальный период войны оставалось крайне мало литературных сил. Беспрерывные полицейские набеги и «ликвидации» основательно ослабили фабрично-заводские организации, вынудили их действовать сугубо осторожно, уйти в подполье еще глубже.

И все же революционная работа петербургских большевиков продолжалась. На предприятиях сохранились небольшие разрозненные группы большевиков, искавшие связи друг с другом. Они были немногочисленны и объединяли самых передовых и самых стойких рабочих правдистского типа. Для них пока не все было ясно в новой обстановке, они еще не могли дать четких идейно-политических оценок новым общественным явлениям. Но у них был верный классовый подход, ленинская преданность революции. И это позволило им, в общем и целом правильно, ориентироваться в происходящих событиях, определить свои революционные задачи, в нужном направлении влиять на рабочих петроградских заводов и фабрик.

Положение различных большевистских групп в это время можно сравнить с положением отдельных частей и подразделений армии, попавших в окружение. Руководящих указаний «сверху» в это время не поступало. Приходилось самим принимать решения и самим их осуществлять. И если, несмотря на это, передовые рабочие в основном сумели удержаться на верных интернационалистских позициях, то это еще раз подтверждает неоценимое значение многолетней работы В. И. Ленина и его соратников по воспитанию российских рабочих в духе революционного интернационализма.

Одна из таких групп с первых дней войны образовалась из большевиков — слушателей вечерних курсов Лиговского народного дома во главе с опытным революционером-подпольщиком, членом большевистской партии с 1908 года, рабочим поэтом А. И. Машировым (Самобытником), входившим впоследствии в состав Петербургского комитета. Эта группа сложилась из рабочих разных предприятий, хорошо знавших друг друга по совместной учебе на курсах и общественно-политической работе в рабочих организациях. В обстановке временного распада партийных связей они, естественно, потянулись к привычному месту встреч в саду Народного дома. После длительных разговоров и дискуссий

решили оформиться в группу для ведения разъяснительной работы на предприятиях. Решили также силами группы выпустить ряд листовок и газету «Рабочий голос». Избрали руководящий орган — президиум в составе А. Маширова, М. Волкова и И. Козловского. Всего в группу входило 11 человек[27]. Листовки сначала писали от руки, потом размножали на гектографе. Распространяли их главным образом среди призывавшихся в армию, поскольку в Народном доме с началом войны был развернут призывной пункт.

Листовка от 22 июля за подписью «Группа партийных социал-демократов» призывала рабочих укреплять свои классовые организации, вести устную и печатную пропаганду в войсках против милитаризма за демократическую республику, установить тесную связь с рабочей партией[28]. 1 августа 1914 года среди петербургских рабочих была распространена листовка с призывом готовить силы для свержения самодержавия. «Не растрачивать силы в партизанских и частичных действиях, а спокойно и обдуманно укреплять их — вот долг каждого сознательного социал-демократа», — говорилось в ней[29]. Эта листовка была издана уже типографским способом и подписана: «Петербургский комитет Российской социал-демократической партии».

Большую помощь петербургским большевикам в деле налаживания партийных связей и организации партийной работы в первые дни войны оказали члены думской фракции большевиков, и в частности А. Е. Бадаев, которого война застала в Петербурге. В сложившихся условиях члены большевистской думской фракции, как отмечал А. Е. Бадаев во вступительной статье к сборнику о работе членов фракции, поставили перед собой задачу — восстановить разгромленный Петербургский комитет[30]. «Ввиду необходимости как можно лучше законспирировать деятельность Петербургского комитета, — вспоминает он в своей известной мемуарной работе, — новая Исполнительная комиссия ПК была сконструирована в более узком, чем раньше, составе»[31].

Воссозданный в августе 1914 года Петербургский комитет наладил более или менее регулярный выпуск нелегальных листовок, в составлении и литературном оформлении которых активное участие принимали профессиональные революционеры — член РСДРП с 1896 года К. С. Еремеев и проживавший вместе с ним

в Финляндии старейший деятель революционного движения в России М. С. Ольминский.

С июля по октябрь 1914 года в Петербурге было выпущено 9 наименований нелегальных листовок [32], а это означает, что в самый трудный период партийной работы петербургские большевики выпускали листовки в среднем через каждые 10 дней.

Листовки петербургских большевиков звали рабочих, крестьян и другие демократические слои населения к борьбе против войны и царизма. Сентябрьская листовка ПК призывала народные массы «свергнуть кровожадного Николая II, взять управление государством в свои руки» [33]. В листовке, выпущенной в октябре 1914 года, предлагалось использовать полученное оружие для борьбы со своими классовыми врагами [34]. Ноябрьская листовка была адресована студенчеству. Она призывала демократическую молодежь, направляемую в армию, повернуть оружие против своих угнетателей, а студентов, остающихся в тылу, идти в массы, организовывать их и готовиться к революции [35].

Первые антивоенные листовки, выпущенные Петербургским комитетом, районными организациями и отдельными большевистскими группами, сыграли важную роль в революционном и интернационалистическом воспитании рабочего класса. В. И. Ленин высоко ценил работу партийных организаций в этом направлении. «...Несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, социал-демократические рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом» [36], — писал он в сентябре 1914 года.

Большое значение для интернационалистического воспитания масс имела проведенная большевиками кампания в связи с «патриотическими» сборами средств в помощь семьям ушедших на войну, которые проводились тогда среди населения различными помещичье-буржуазными организациями. Большевики разъясняли массам, что буржуа и помещики стремятся использовать эти сборы как средство вовлечения рабочего класса в буржуазно-националистическое русло. Они рекомендовали рабочим никоим образом не давать своих средств буржуазно-помещичьим «обществам», создавать только свои рабочие организации для помощи семьям фронтовиков, безработных и политических заключенных. Рабочие так и поступали. ЦО «Социал-демократ» отмечал, что в Петербурге «движение «демократов» за сборы жертвам войны успеха не имеет... В среде рабочих шовинизма совершенно не чувствуется» [37].

Таким образом, несмотря на то, что начало войны круто изменило и многократно усложнило обстановку, несмотря на дикую травлю и преследование петербургских большевиков, они с честью оправдали в этот критический момент звание передового отряда российского пролетариата. С самых первых дней войны они старались поднять рабочих на борьбу против империалистической войны и ее организаторов — царского правительства и империалистической буржуазии. События первых дней войны показали также, что передовая часть петербургского пролетариата сохранила свою верность идеалам партии и вступила в войну под ее революционным знаменем.

ДУМСКАЯ „ПЯТЕРКА" БОЛЬШЕВИКОВ И ПЕТРОГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Важную роль в выступлениях петроградского пролетариата и в деятельности петроградских большевиков в первые месяцы войны сыграла большевистская фракция IV Государственной думы, единственного в это время общероссийского легального центра РСДРП.

Долгое время в нашей исторической литературе был распространен взгляд, согласно которому фракция в организационной системе большевистской партии — после ареста официально избранных и кооптированных членов Бюро ЦК — фактически выполняла обязанности Русского бюро Центрального Комитета [38]. Теперь утвердилась более правильная точка зрения на роль большевистской думской фракции как первого состава Бюро ЦК РСДРП(б) военного времени [39].

Вся деятельность думской «пятерки» большевиков проходила в неразрывной связи с петербургским пролетариатом, в тесном контакте с Петербургским и районными комитетами партии.

Ко времени войны члены думской большевистской фракции накопили немалый политический опыт. Годы участия в революционной борьбе, общение с В. И. Лениным и его соратниками подняли их на уровень поли-

Сразу же после совещания в деревне Нейвола началась подготовка Всероссийской конференции, которую первоначально предполагалось созвать в Финляндии. Выборами делегатов руководили члены большевистской фракции Думы в своих избирательных округах. Приглашены были и представители других партийных организаций, с которыми у Русского бюро ЦК была налажена связь. На конференцию ожидался приезд 20—23 делегатов [57]. Пробраться через густую сеть шпионов и агентов охранки удалось далеко не всем. Некоторые делегаты были арестованы до отъезда, некоторые в пути. А. Джапаридзе, например, был арестован уже в Петрограде на Финляндском вокзале. Провалы делегатов были делом рук провокаторов Романова (Пелагеи) из московской охранки и Шурканова (Лимонина) — из петроградской. Всего собралось 11 человек. Вместо конференции было решено провести совещание, и не в Финляндии, а непосредственно под Петроградом. Основная цель совещания — ознакомление местных партийных организаций с тактикой партии в условиях войны, намеченной ЦК РСДРП, и разработка на ее основе конкретной программы действий: воссоздание нелегальных организаций, выпуск нелегальной литературы, создание подпольных типографий, налаживание работы в армии и флоте, финансовые вопросы и другие.

Совещание началось 2 (15) ноября 1914 года в Озерках, в доме № 28 по Выборгскому шоссе. В его работе приняли участие Русское бюро ЦК РСДРП в полном составе, член Исполнительной комиссии Петербургского комитета Н. К. Антипов, путиловский большевик И. Я. Козлов, И. А. Воронин (Иваново-Вознесенск), В. Н. Яковлев (Харьков), Ф. В. Линде (Латышский край). В первый день все делегаты сделали доклады о положении на местах. Положение это было тяжелым, так как большинство большевистских организаций подверглось полицейскому разгрому. Весь второй день совещания (3 ноября) был посвящен обсуждению основного вопроса — об отношении к войне. Доклад по этому вопросу был сделан членом ЦК Л. Б. Каменевым. Тезисы В. И. Ленина обсуждались подробно, пункт за пунктом. Все семь ленинских тезисов были одобрены единогласно. На третий день (4 ноября), когда все вопросы были в основном обсуждены и подводились последние итоги совещания, в помещение ворвалась полиция. Все

участники совещания — не депутаты — были арестованы и немедленно подвергнуты обыску. Несмотря на энергичные протесты, обыску были подвергнуты также и депутаты Государственной думы. Отпущенные по домам рабочие депутаты были арестованы на своих квартирах на другой день (5 ноября) вечером.

Арест участников совещания, в том числе всего состава Русского бюро ЦК РСДРП, явился тяжелейшим ударом для большевистской партии.

Арестовав членов большевистской фракции, царские власти стали спешно создавать «дело», стремясь поскорее расправиться с ненавистными им рабочими депутатами. Но арест стойких и самых последовательных представителей пролетариата вызвал возмущение и протест в рабочем классе. Правительственное сообщение об аресте и привлечении к судебной ответственности членов большевистской фракции IV Государственной думы было опубликовано 9 ноября 1914 года. В этот же день в Невском районе (в селе Михаила Архангела по Заводской улице, дом № 5/7) на квартире работницы фабрики Максвеля состоялось собрание представителей большевистских организаций района для обсуждения вопроса о способах протеста в связи с арестом думской фракции большевиков. Все 17 участников совещания были арестованы.

Полиция арестовала и большевиков Нарвского района, собравшихся в доме № 7 по Заводской улице (кв. 4), для обсуждения аналогичного вопроса.

11 ноября Петербургский комитет выпустил специальную листовку с призывом к однодневным забастовкам протеста. Расправа над рабочими депутатами показала, говорилось в листовке, что «царское правительство сделало последний шаг: дальше идти некуда! Фиговый листок российской конституции еще раз сорван и на этот раз окончательно». Арест рабочих депутатов был вызовом царских сатрапов всему рабочему классу. «В тюрьму посажен весь рабочий класс: шайка грабителей и эксплуататоров, шайка погромщиков и провокаторов осмелилась судить как преступника весь трехмиллионный рабочий класс России». В листовке выражалась уверенность, что «железные тиски военного положения не удержат пролетариат от гневного крика протеста» [58].

Процесс над большевистской фракцией IV Государственной думы показал, что большевики в России, и в частности петроградские большевики — как передовой их отряд, не запятнали чести ленинской партии в сложных условиях военной обстановки.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ПЕТРОГРАДА

Война не сняла и не могла снять ни одной социально-классовой проблемы. Она лишь на первых порах внесла определенный разлад в ход революционного процесса, а затем, по мере затягивания, все более и более создавала предпосылки для его углубления и ускорения. Объективный ход событий неизбежно вел к превращению войны империалистической в войну гражданскую. Но это превращение не могло осуществиться само собой, только лишь на основе созревания объективных факторов. Сами объективные предпосылки не могут сложиться без воздействия субъективных факторов, то есть усилий политических партий, групп, течений, в том числе и отдельных личностей, политических деятелей разного уровня.

Все буржуазно-помещичьи партии — от черносотенцев до кадетов включительно — представляли собой безусловно силу контрреволюционную. Лагерь мелкобуржуазной демократии — меньшевики, эсеры с родственными им народническими группами (трудовики, энесы), анархисты и другие — почти поголовно, за исключением отдельных лиц или очень маленьких групп, занял оборонческие позиции. Естественно, ни о каком превращении данной войны в гражданскую эти партии не помышляли, откладывая все вопросы освободительного движения до победы над Германией.

Объективно положение в России сложилось таким образом, что возглавить дело превращения империалистической войны в гражданскую могла только партия большевиков. Дело это требовало прежде всего хорошо налаженной нелегальной работы. С началом войны значение нелегальной деятельности неизмеримо возросло. «Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату, — писал В. И. Ленин, — ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации» [71].

Внимательно следя за деятельностью партийных работников в России, В. И. Ленин настойчиво рекомендовал усилить конспиративность, не подвергать напрасно опасности партийные кадры, чтобы сохранить оставшихся на свободе партийных работников, не обессилить партию до момента решительных боев. «...Борьба с царизмом требует сейчас сугубой осторожности, — писал он, — особенно в смысле сохранения резервов» [72].

Как уже отмечалось, Петербургский комитет РСДРП был окончательно восстановлен лишь в августе 1914 года. В первый состав Петербургского комитета военного времени (1914 г. — начало 1915 г.) входили: Н. Ф. Агаджанова, А. В. Афанасенко, А. Е. Бадаев, С. С. Данилов, Г. В. Жигарев, Ф. Л. Захаров, А. М. Ионов, Б. И. Иванов, Т. К. Кондратьев, Н. П. Комаров, Н. Н. Крестинский, С. С. Лобов, И. М. Москвин, А. И. Маширов, И. И. Фокин, Г. М. Шкапин, К. И. Шутко [73]. Несколько позже, в декабре 1914 года, в состав ПК вошел приехавший в Петербург В. В. Куйбышев.

Только три члена комитета были профессиональными революционерами: В. В. Куйбышев, имевший военное образование, член РСДРП с 1904 года, Н. Н. Крестинский, юрист по образованию, член партии с 1903 года, и К. И. Шутко — профессионал-революционер из рабочих. В ПК входил также И. М. Москвин — студент, член РСДРП с 1911 года. Все остальные — рабочие, представители тех самых рабочих-правдистов, которые существовали не за счет партийной кассы, а на свой рабочий заработок. За их плечами был стаж партийной работы от двух до шести лет, а большинство из них уже были членами парторганов (ПК или райкомов) еще в годы нового революционного подъема. Такие люди, как А. Е. Бадаев, Т. К. Кондратьев, Ф. Л. Захаров (Захар Невский), Н. П. Комаров, С. С. Лобов, И. И. Фокин, Г. М. Шкапин, обладали достаточным политическим кругозором, опытом и навыками конспирации.

Преобладание рабочих в составе партийных органов оставалось самой характерной чертой большевистского подполья военного времени.

Первый состав ПК, как и все последующие, не был и не мог быть стабильным даже в течение самого короткого времени. Постоянное обновление состава было типичным тогда не только для Петербургского комитета, но и для районных комитетов и заводских партийных

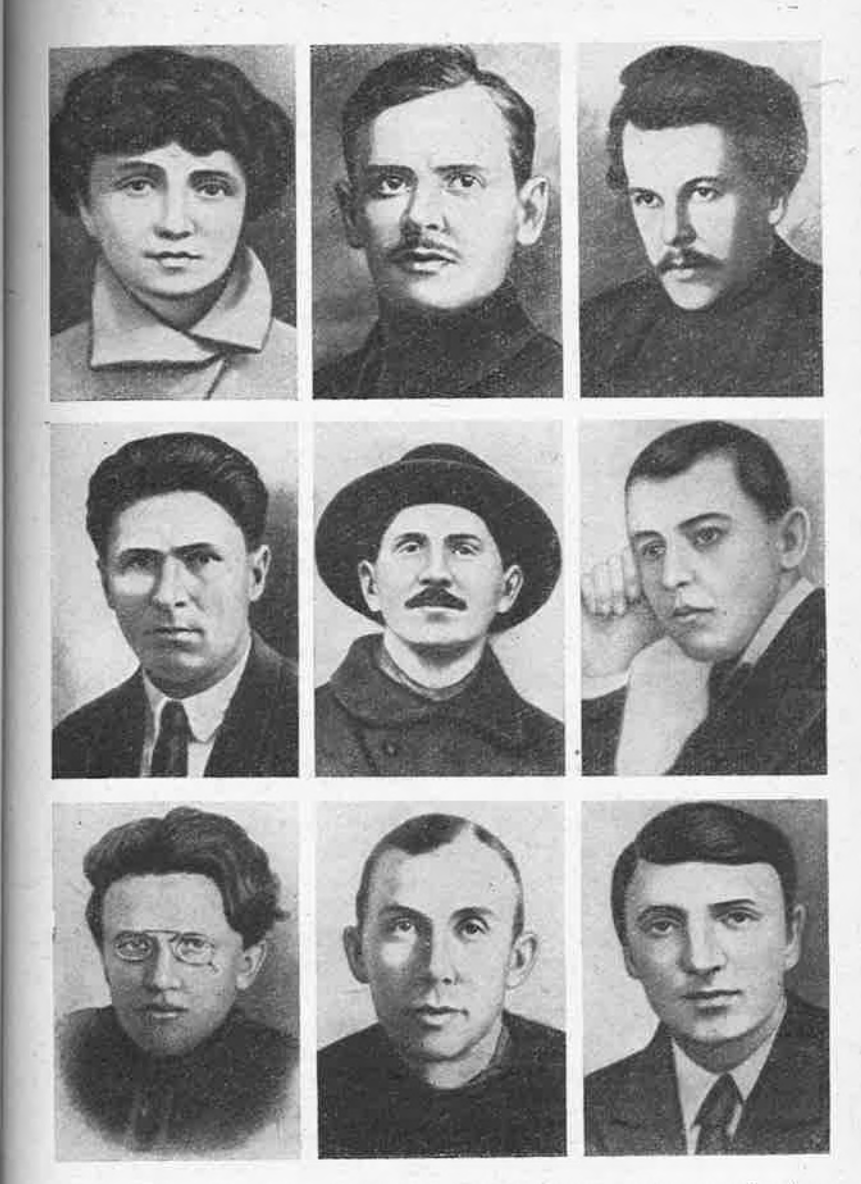
организаций. Основной причиной этого были, конечно, непрерывные «ликвидации», проводимые охранкой.

Один из активных работников большевистского подполья на Выборгской стороне И. Гаврилов писал в своих воспоминаниях: «Очень редко бывало, когда тот или другой член комитета, так сказать, засиживался на своем посту. Царское правительство проводило настоящую «демократию» и частенько нас «переизбирало», посылая в Сибирь на отдых» [74]. А. Шляпников, хорошо знавший обстановку в Петрограде, отмечает, что «для Петербурга установилась средняя норма продолжительности нелегальной деятельности работника, равная трем месяцам» [75].

Частая смена членов комитетов вызывалась не только арестами непосредственно, но и угрозой ареста, усилением слежки за тем или иным работником. В таких случаях активным работникам подполья приходилось временно перебираться с одного завода на другой, менять районы, а нередко и переезжать в другой город.

Например, известный участник петроградского большевистского подполья того времени В. В. Могильников-Таежник в своей автобиографии отмечает, что за время войны он шесть раз менял место работы: «Эриксон», «Новый Парвиайнен», опять «Эриксон», «Новый Лесснер», завод Пузырева, Арматурный. Каждый раз нанимался под новой фамилией (Федор Ненашев, Михайлов, Егор Чичеров и др.) [76]. А это значит, что каждый раз он должен был получить в подпольной организации соответствующий паспорт.

В состав ПК или райкомов далеко не всегда включались самые опытные, видные деятели партии. Они хорошо были известны полиции, за ними пристально наблюдали полицейские агенты. При формировании партийных органов приходилось с этим считаться. Например, на Обуховском заводе работал видный деятель партии Е. П. Онуфриев — участник Пражской конференции, живший в Праге с В. И. Лениным. Его всячески оберегали товарищи, не включая в состав заводского парткома. А. С. Гундоров, один из активистов заводского большевистского подполья в те годы, вспоминает: «В этих условиях мы не могли рисковать такими старыми большевиками, как Евгений Онуфриев, и не втягивали их в непосредственную практическую работу подпольной организации. Их работа конспирировалась



Группа членов Петербургского комитета периода первой мировой войны: *Н. Ф. Агаджанова, А. А. Андреев, В. Н. Залежский, И. Ф. Маврин, А. И. Маширов, С. Г. Рошаль, Н. Г. Толмачев, К. И. Шутко, И. Д. Чугурин.*

еще более, чем наша, и мы только советовались с ними по наиболее сложным вопросам»[77].

Известно, что в годы войны в Петрограде работал М. И. Калинин, один из виднейших и опытных партийных работников. Но именно потому, что за его плечами было уже несколько арестов и отсидок и он был хорошо известен полиции, к активной работе в составе ПК он не привлекался[78].

Петербургский комитет включал в себя: 1) Исполнительную комиссию в составе трех-четырех человек, занимавшуюся оперативной текущей работой; 2) Пропагандистскую коллегию; 3) Бюро помощи репрессированным (Пролетарский Красный Крест). Последнее включало в себя: а) комиссию по оказанию помощи репрессированным (хранение адресов для бежавших из тюрем и ссылок, их устройство на работу, прописка по месту жительства и т. д.); б) культкомиссию (устройство спектаклей, концертов, лекций и пр. для сбора средств); в) паспортное бюро (изготовление разного рода документов).

Петербургский комитет снова воссоздал подпольную печатную технику. Организацию этого дела поручили Тарасу Кондратьеву. Активную работу развернула пропагандистская коллегия, которую с декабря 1914 года до момента ареста в июле 1915 года возглавлял В. В. Куйбышев.

ПК энергично занялся восстановлением опустошенных арестами районных комитетов партии и налаживанием связей между заводскими коллективами. Воссоздание организационной партийной сети было процессом двусторонним; Петербургский комитет прокладывал линии связи сверху вниз через районы к отдельным предприятиям, а большевики предприятий упорно искали связи друг с другом, с районными комитетами и с Петербургским комитетом.

Первыми оформились и установили связи с Петербургским комитетом районные комитеты 1-го Городского и Выборгского районов. 1-й Городской не был промышленным районом. Там не было крупных предприятий, кроме небольшого литейно-механического завода «Сан-Галли» и фабрики Р. Кольбе (производство золото-серебряных и бронзовых изделий), но в нем находился крупный железнодорожный узел и много мелких мастерских, хлебопекарен, крупных магазинов. В результате активной деятельности группы А. И. Маширова, организовавшейся в первые дни войны на базе вечерних курсов лиговского Народного дома, здесь вскоре оформилось восемь партийных групп: металлистов, деревообделочников, печатников, строителей, железнодорожников, портных, булочников и группа золото-серебряного производства.

Эти восемь групп, объединявшие членов партии по профессионально-производственному принципу ввиду мелкого полукустарного характера предприятий[79], и стали основой районной организации. В Исполнительную комиссию районного комитета были избраны А. И. Маширов (он же представитель района в ПК), М. Волков и И. И. Козловский.

Выборгский район в отличие от 1-го Городского являлся наиболее промышленным районом Петрограда и представлял собой настоящую цитадель в «красном поясе» столицы. В районе работало 97,7 тысячи рабочих (25,2 процента петроградского пролетариата)[80]. Здесь, естественно, и членов партии было больше, чем в других районах.

Процесс воссоздания районной организации в Выборгском районе, как и в других промышленных районах столицы, шел на основе консолидации партийных сил на заводах и фабриках. Каждый сформировавшийся партийный фабрично-заводской коллектив выделял своего представителя в райком, а последний избирал представителя в ПК.

На крупных предприятиях была тогда, как правило, одна ведущая мастерская, в которой подбиралась группа крепких большевиков. Она и становилась фокусом собирания партийных сил на всем предприятии. На Металлическом заводе такой мастерской была модельная. В ней работали чертежник И. И. Фокин (член ПК), модельщики Е. С. Белоусов и В. П. Виноградов, которые представляли Металлический завод в райкоме партии[81]. В партийную ячейку Металлического завода вошли также М. Арсеничев, Н. Арсеничев, А. Барабанов, М. Винотовский, П. Макаров, Я. Эпштейн и другие. Первое общее собрание ячейки, по свидетельству В. П. Виноградова, состоялось в 20-х числах апреля 1915 года на полянке за Любашинским проспектом[82].

На заводе «Эриксон» костяк парторганизации составили И. Ф. Антюхин, И. И. Жуков, А. М. Ионов,

В. Н. Каюров. А. М. Ионов в партии состоял с 1910 года и был хорошо известен рабочим Выборгской стороны, как убежденный и умелый большевистский агитатор. Несколько позже в эриксоновскую организацию вступили опытные подпольщики И. Ф. Маврин и В. В. Могильников-Таежник. Крепкие партийные группы уже в первый период войны сложились также на заводах «Новый Лесснер» и «Старый Лесснер», «Айваз», «Феникс», Арматурном, «Новый Парвиайнен» и «Старый Парвиайнен».

На заводе «Старый Парвиайнен», по сообщению А. П. Ефимова, партийное бюро оформилось к концу 1915 года (братья В. и М. Васильевы, А. Ефимов, К. Кривоносов, А. Митковец). Организационное собрание проходило вблизи Лахты в лесу. «После доклада И. И. Моисеева (представитель ПК. — *Б. К.*), содоклада его оппонента Шунякова, который предложил присоединиться к «межрайонцам», и оживленных прений единогласно постановили: к «межрайонцам» не присоединяться... а связаться с Выборгским районным комитетом» [83]. Примерно так происходило дело и на других заводах Выборгской стороны. Делегированные от заводских коллективов представители составили Выборгский районный комитет первого военного «призыва». В него входили: Е. Белоусов и В. Виноградов (Металлический завод), Ф. Комаров и Н. Свешников («Новый Лесснер»), И. Антюхин, А. Ионов, И. Маврин («Эриксон»), А. Алексеев («Феникс»), А. Бабушкин и И. Козлов («Нобель»), В. Могильников-Таежник (Арматурный завод), М. Кистенев («Русский Рено»), А. Ефимов («Старый Парвиайнен»).

Ядром организации Нарвско-Петергофского района являлась партийная организация Путиловского завода. После июльско-августовских арестов 1914 года связи между группами большевиков на заводе и в районе распались, но вскоре начали восстанавливаться. Сама жизнь превращала вчерашних рядовых членов партии в организаторов-активистов. На совещании в больничной кассе завода [84] Ф. Лемешеву, молодому рабочему, только что вступившему в партию, поручили создать инициативную группу и подготовить собрание. Собрание назначили на огородах близ Путиловского завода. Собралось 12 человек. Обсудили один вопрос — об оживлении партийной работы на заводе. Через три недели провели второе собрание, более широкое. Собрались представители всех основных мастерских и отделов: А. Миничев (модельная), Сучков и Бурцев (вагонный отдел), В. Алексеев (пушечная), Ф. Лемешев (депо), Л. Тарасова (больничная касса) и другие.

Путиловцам долго не удавалось установить связь с Петербургским комитетом. Этим попытались воспользоваться межрайонцы. В ноябре 1914 года видный путиловский большевик Т. В. Барановский, член партии с 1905 года, был приглашен К. К. Юреневым на собрание членов межрайонной организации. Создалась еще одна инициативная группа, состоявшая из старых, опытных большевиков (Т. В. Барановский, К. А. Николаев, И. И. Моисеев), которая решила попытаться установить связь с ПК через межрайонцев. При этом межрайонцам было поставлено условие, что ни одной принципиальной позиции сдано не будет [85]. В феврале 1915 года связь с Петербургским комитетом удалось восстановить. Встречи с межрайонцами были прекращены. Обе инициативные группы путиловских большевиков объединились. В это же время был сформирован и состав Нарвско-Петергофского районного комитета. В состав райкома вошел И. И. Моисеев — энергичный, принципиальный большевик, получивший за свою непримиримость к недостаткам и горячность натуры кличку Ершистый. Кроме него в состав районного комитета избрали: К. А. Николаева, Ст. Корнеева, А. Яковлева и А. А. Андреева — молодого тогда члена большевистской организации, ставшего впоследствии крупным партийным деятелем. После того как И. И. Моисеев по соображениям конспирации перебрался в Выборгский район, его место в ПК от Нарвско-Петергофского района занял А. А. Андреев.

Основу парторганизации Невской заставы составляли большевики Обуховского завода, где существовала сплоченная партийная группа, в которую входили опытный большевик-подпольщик Е. П. Онуфриев, а также Т. Чижов, И. Преображенский, Дмитрий и Алексей Бахваловы, П. Телятников, В. Егоров, А. Антипов (член Невского районного комитета). В состав районной организации входили также большевики Невского судостроительного завода, фабрики Паля и карточной фабрики. Секретарем райкома работал профессиональный революционер Ф. Л. Захаров (Захар Невский).

попытка провести в пригородном поселке Саблино конференцию 1-го Городского района, на которую прибыло 30 делегатов. Правда, съехавшиеся делегаты были арестованы полицией, конференция сорвалась. Но сам факт этот свидетельствует о возросшем организационном уровне деятельности петроградских большевиков. В парторганизациях собирались партийные взносы. Отдельные члены партии, работавшие в разных цехах заводов, сдавали деньги секретарю заводской ячейки. В цехах, где было несколько членов партии, взносы собирал уполномоченный цеховой группы и также сдавал заводскому организатору, тот в свою очередь сдавал деньги в райком, получал взамен расписку, скрепленную круглой печатью. Расписка показывалась на собрании членам партии и сжигалась. Райкомы собранные взносы передавали в ПК.

Массово-политическая работа большевиков среди рабочих проводилась непрерывно. Беседы, споры с оборонцами велись постоянно, прямо в цехах, на лестницах, в курилках. Проводились, хотя и не очень часто, нелегальные собрания, как правило, в пригородных лесах, с применением целого арсенала приемов и способов конспирации. Вот как, например, проводили большевики Выборгского района одно из таких собраний. По одному через несколько «маяков» приглашенные собрались в условленном месте — в лесу в районе Сосновки. Приехавший в назначенное время представитель ПК не открыл собрание, а из большого привезенного с собой пакета рассыпал на поляне окурки, шелуху от семечек и другой мусор. Затем он увел собравшихся в другое, более глухое место — за полкилометра от первого. Сделано это было весьма кстати. Прибывшая в лес полиция, окружив поляну, никого на ней не застала. Обнаружив оставленный мусор, полицейский наряд решил, что собрание кончилось, и ушел восвояси. Конспиративный прием сработал.

19 июля 1915 года в Ораниенбауме состоялась общегородская партийная конференция. На конференции обсуждались вопросы: 1) отношение к войне; 2) об экономических стачках; 3) положение на местах.

Конференция сыграла заметную роль в жизни большевистской организации Петрограда. «Эта конференция, — писал ее участник М. Е. Ефремов, — вполне определила наше отношение к войне и много способствовала нашему организационному укреплению. С момента... конференции начинается расцвет нашей организации и рабочего движения, вылившегося, в конце концов, в Февральской революции» [89].

На конференцию было избрано 50—70 делегатов при норме представительства — по одному от 10 членов партии. Однако это не значит, что Петербургская организация в это время насчитывала 500—700 членов партии. На деле большевиков было гораздо больше, так как не все заводские организации в условиях полицейского террора смогли выслать на конференцию своих делегатов. О количественном состоянии Петроградской организации осенью 1915 года имеются более точные сведения, опубликованные в органе ЦК партии «Социал-демократ» — 1200 членов большевистской организации во главе с ПК. По тем же сведениям можно четко представить и соотношение сил между большевиками и меньшевиками, ибо в Петрограде насчитывалось тогда 200 сторонников ОК и 60—80 «объединенцев» [90].

В связи с частыми провалами партийных работников и целых партийных организаций, приводившими к нарушению партийных рядов, в конце 1915 года в каждом районе были созданы организаторские коллегии, которые решали следующие задачи: 1) расширение и укрепление организаций на местах; 2) восстановление организаций, временно прекративших или потерявших связи с районами; 3) организация новых групп; 4) обеспечение литературой партийных организаций.

Непрерывные аресты то и дело пробивали в партийных рядах крупные бреши [91]. Но они быстро заполнялись усилиями местных большевиков и заграничного центра партии. Тенденция к уменьшению организации была преодолена. Осенью 1915 года состав Петербургского комитета пополнился новыми работниками, в том числе опытными профессионалами-революционерами, бежавшими или освободившимися из тюрем и ссылок. В состав ПК вступили: Г. И. Бокий, В. Н. Залежский, Кирилл Орлов (И. Ф. Егоров), В. В. Шмидт, С. Г. Рошаль.

Серьезное значение для усиления партийной деятельности осенью 1915 года имело воссоздание Русского бюро ЦК в Петрограде. В. И. Ленин проявлял неустанную заботу о восстановлении русской части ЦК и использовал для этого все имевшиеся в его распоря-



Группа активных деятелей большевистского подполья в годы первой мировой войны: *Т. В. Барановский, К. Н. Блохин, И. И. Газа, Е. Н. Егорова (Э. Лиепинь), А. П. Ефимов, И. П. Жуков.*

жении средства. Главную надежду он возлагал на передовой слой рабочих-правдистов. «Ясно, — писал он, — что передовой слой правдистов-рабочих, эта опора нашей партии, уцелел, несмотря на страшные опустошения в его рядах. Было бы крайне важно, чтобы сплотились в 2—3 центрах руководящие группы (*архиконспиративно*), связались с нами, восстановили бюро ЦК (уже есть в Питере, кажись) и самый ЦК в России; связались с нами прочно (*если надо*, следует привезти для этого 1—2 человек в Швецию); мы посылали бы листки и листовки и т. д. Самое важное — прочные, постоянные сношения» [92].



Группа активных деятелей большевистского подполья в годы первой мировой войны: *Н. П. Комаров, Ф. А. Лемешев, Н. Ф. Свешников, А. К. Скороходов, М. И. Тылочкин, В. П. Шуняков.*

Второй состав Русского бюро ЦК военного периода начал формироваться в Петрограде с сентября 1915 года. В него вошли: от Петербургского комитета — В. Н. Залежский (Владимир) и И. И. Фокин (Петр), от рабочей группы Страхового совета — член Организационного комитета ЦК Г. И. Осипов. Несколько позже в состав БЦК были включены К. С. Еремеев и А. Е. Дунаев. По возвращении из-за рубежа в октябре 1915 года в Бюро вошел А. Г. Шляпников — как представитель ЦК РСДРП. К работе БЦК был подключен К. М. Шведчиков, на которого возложили обязанности транспортировки литературы, а также казначея БЦК. Активное

участие в работе принимали также Ю. Х. Лутовинов, А. И. Елизарова и М. И. Ульянова.

Второй состав БЦК просуществовал до февраля 1916 года. За это время удалось в значительной мере воссоздать общепартийные связи в стране. Члены БЦК объехали ряд местных партийных организаций. В декабре 1915 года А. Г. Шляпников провел совещание с московскими большевиками — П. Г. Смидовичем, И. И. Скворцовым-Степановым, Н. А. Милютиным, В. П. Ногиным, М. С. Ольминским. Он же провел собрания партийных работников Нижнего Новгорода и Сормова. Налаживалась регулярная доставка нелегальной литературы из-за границы и передача ее местным организациям. За время своей деятельности Бюро ЦК разработало и разослало в организации ряд важных документов. В частности, резолюция о военно-промышленных комитетах давала четкую оценку этих буржуазных организаций и намечала тактику большевиков по отношению к ним; «Ответ Г. В. Плеханову» в связи с его призывом к пролетариату России защищать свою Родину содержал убедительное разоблачение софизмов Плеханова насчет подчинения интересов классовой борьбы задачам обороны. «Мы не хотим ни немецкого грабежа и насилий, ни англо-франко-русского» — вот главная идея документа, противопоставленная плехановским сетованиям о немецкой угрозе. Несомненный интерес представляло воззвание Бюро ЦК, принятое в январе 1916 года. Излагая ленинскую оценку характера войны, этот документ подчеркивал, что если политический режим в стране оставить без изменения, то замена империалистической войны империалистическим миром обречет трудящихся на долгие годы угнетения [93].

В феврале 1916 года деятельность Бюро в силу разных причин стала затухать. 2 апреля 1916 года А. И. Елизарова информировала В. И. Ленина: «От Бюро осталось почти только название» [94]. Летом 1916 года была арестована и А. И. Елизарова. Создалась угроза полного прекращения деятельности центрального партийного аппарата в России.

В создавшихся условиях роль руководящего центра партийной работы временно взял на себя Петербургский комитет большевиков. В конце 1915 года ПК был связан с Москвой, Екатеринославом, Харьковом, Киевом, Иваново-Вознесенском, Нижним Новгородом, Самарой, Саратовом, Царицином, Пермью, Екатеринбургом, Ревелем, Нарвой, Тверью, Тулой, Кавказом [95].

Большевики, работавшие в партийных организациях в годы первой мировой войны, с честью выполняли свою авангардную роль по отношению к массе рабочих и высокие обязанности члена партии. Несмотря на все трудности, они неустанно повышали свой идейно-теоретический уровень. На Путиловском заводе существовало четыре-пять пропагандистских кружков, в каждом из которых занималось до десяти человек. На заводе снова была создана партийная библиотека, насчитывавшая около 400 экземпляров книг, в том числе и нелегальных. Литературой снабжал путиловцев Петербургский комитет. На заводе «Айваз» двумя кружками руководил М. И. Калинин. Такие кружки были и на многих других фабриках и заводах. В корреспонденции из Петрограда в «Социал-демократ» отмечалось: «Большая тяга в кружки, не хватает руководителей». В Выборгском районе регулярно работал кружок Сормовского землячества: Д. А. Павлов, В. Н. Каюров, И. М. Гордиенко, Н. Ф. Свешников, И. Д. Чугурин и другие — всего до 25 человек. Собирались раз в неделю на квартире у Сергеевой на Загородном проспекте. Руководил кружком председатель землячества А. К. Скороходов.

По сообщению А. Г. Шляпникова, «кружковая работа во время войны и в Питере и в Москве велась довольно хорошо. Желающих заниматься социалистическими науками было всюду больше того, что могла обслужить организация. Обычно из всех желающих выбирались такие товарищи, которые по окончании кружковых занятий уже могли вести работу самостоятельно» [96].

В агитационной работе большевики использовали открытые собрания и митинги на предприятиях. В целях конспирации на них, как правило, выступали люди, приглашенные с других предприятий. Подбором ораторов по заводам и фабрикам занималась пропагандистская коллегия Петербургского комитета.

Возможности устной пропаганды и агитации в условиях войны были, естественно, ограничены. Из-за непрерывной слежки филеров охранки и доносов ее провокаторов проводить занятия с рабочими было очень сложно.

в столице накануне войны классовая борьба имела наибольший размах, и репрессии, связанные с началом войны, оказались здесь наиболее жестокими.

Не только вторая половина 1914 года, но и первая половина 1915 года показывает слабую степень участия петроградских рабочих в забастовочном движении. С января по июль 1915 года (включительно) в Петрограде прошло 30 политических стачек (3874 участника) и 27 экономических (4535 участников) [132]. Как правило, в забастовках принимали участие не целые заводы, а лишь отдельные цехи или небольшие предприятия.

При объяснении причин этого явления нельзя не учитывать раскол рабочего класса. В первый год войны все группы меньшевиков: Организационный комитет (ОК),фракция Чхеидзе (думская фракция меньшевиков), Центральная инициативная группа (ЦИГ), занимавшая левый фланг меньшевизма, почти все эсеры, включая и их левое крыло (В. Чернов, Натансон), прочно стояли на позициях оборончества. Их «патриотизм» пока еще не обнаруживал никаких признаков увядания. Все представители мелкобуржуазной демократии единодушно выступали против стачек, за сохранение классового мира. Единственной партией, которая выступала за стачки и организовывала их, ломая сопротивление социал-оборонцев, была партия большевиков.

Переломным в развитии забастовочного движения стал июль 1915 года. Питерский пролетариат вновь встал в авангарде классовой борьбы пролетариата. С 4 по 13 июля 1915 года бастовали рабочие «Нового Лесснера», «Эриксона», Обуховского завода, Невского судостроительного завода, фабрики Паля, Сампсониевской мануфактуры, Российской бумагопрядильной мануфактуры, акционерного общества «Дюфлон», проволочно-гвоздильного завода, «Старого Лесснера», завода Лебедева и ниточной мануфактуры «Невка».

Власти попытались прибегнуть к уговорам и «патриотической» демагогии. В цехах заводов расклеили телеграмму генерала Фролова с приказом военнообязанным немедленно приступить к работе, а остальным рабочим «последовать их примеру». «Однако распоряжение это никаких последствий не имело» [133], — вынуждено было констатировать охранное отделение. Убедившись в том, что демагогия не действует, власти обратились к испытанным средствам. Начались массовые репрессии.

Сообщая об июльских стачках в Петрограде в 1915 году, «Социал-демократ» отмечал: «Экономические стачки в Питере, главным образом среди металлистов. Применение итальянской стачки. Бастует около 15 тысяч, 400 арестовано, 300 выпущено назад, 100 остальных приговорено к разным срокам наказания, а кроме того, 30 послано на передовые позиции» [134].

Продолжение стачечного движения, последовавшее через полтора месяца, было еще внушительнее. В августе—сентябре 1915 года пролетариат столицы продемонстрировал высокий уровень классовой сознательности, выступив в поддержку рабочих Костромы и Иваново-Вознесенска. Инициатива исходила от Петербургского комитета, который на своем заседании совместно с представителями заводских ячеек решил провести 17 августа массовую политическую стачку протеста.

События начались на заводе «Айваз». Заводские большевики провели по цехам летучие собрания и митинги. ПК прислал на завод четырех своих представителей. После разъяснительной работы, проведенной ими, началась однодневная забастовка. Ее участники выразили протест правительству в связи с расстрелом рабочих в Костроме. 1400 айвазовцев с утра прекратили работу [135]. Вслед за ними забастовали новый и старый заводы «Лесснер» (4800 рабочих), машиностроительный завод «Феникс» (1080 рабочих), Трубочный и Полюстровский («Промет») заводы (1159 рабочих), Путиловская верфь (1888 рабочих), машиностроительный завод Семенова (500 рабочих) и ряд других предприятий. Протестуя против расстрелов, рабочие выдвигали ряд политических требований: возвратить из ссылки думскую большевистскую «пятерку», полицейских отправить на фронт, разрешить свободу печати, установить всеобщее избирательное право и другие. По явно преуменьшенным данным, за три дня (17—19 августа) в политической стачке протеста приняло участие свыше 18 тысяч рабочих шестнадцати предприятий. Всего же в августе 1915 года в Петрограде было проведено 24 политические стачки (23 178 участников) и 16 экономических стачек (15 879 участников) [136].

Большевики, используя прошлый опыт руководства стачечными боями, предложили создать общегородской

После октябрьских выступлений рабочего класса, когда призрак народной революции встал перед буржуазией во весь рост, лидеры «прогрессивного блока» заговорили более решительно. «Мы дошли до предела», — говорил правый депутат В. В. Шульгин в Государственной думе. «Мы, господа, работать с этим правительством больше не будем», — вторил ему кадет П. Н. Милюков. Усиливался напор рабочего класса на царизм, усиливалась и оппозиционность буржуазии.

Лозунг «правительства доверия» теперь стал казаться буржуазии недостаточным. Однако весь буржуазный лагерь далек был от понимания действительного положения вещей и реального соотношения классовых сил. Среди разных партий и групп этого лагеря шли споры — не будет ли лозунг ответственного министерства слишком радикальным. Конференция партии кадетов осенью 1916 года приняла половинчатое решение — требовать «правительства из лиц, опирающихся в своей деятельности на Государственную думу и проводящих ее программу». Кадеты так и не поняли, что не они и не их политическая казуистика решают судьбу страны. Все зависело от массового рабочего движения, для которого думские лозунги со всеми оттенками, казавшимися кадетам столь важными, ровным счетом ничего не значили. У рабочих был один лозунг — «Долой царизм!».

Последние два месяца 1916 года в рабочем движении Петрограда были относительно спокойными. В ноябре 6 политических и 12 экономических забастовок — не многим более 40 тысяч участников, в декабре — одна политическая и 7 экономических (около 10 тысяч участников) [241]. Но это было затишье перед грозой. После бурных октябрьских событий рабочий класс должен был отдохнуть и набраться сил для новой борьбы. Напряженность ощущалась повсюду, во всех сферах общественной жизни.

К этому исторически переломному моменту единственная в стране партия революции — партия большевиков — стала значительно сильнее по сравнению с тем, чем она была в начальный период войны. В ноябре 1916 года в Петрограде был сформирован новый, третий по счету (за время войны) состав Русского бюро ЦК РСДРП, в который вошли опытные, искушенные в политической борьбе профессионалы-революционеры П. А. Залуцкий, В. М. Молотов и А. Г. Шляпников. Активное



Сердобольская улица, дом № 35. Здесь находилась квартира Д. А. Павлова (№ 4) и помещалось Русское бюро ЦК РСДРП перед Февральской революцией.

участие в работе Бюро приняли Е. Д. Стасова, В. А. Тихомиров, А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Л. Б. Красин, Н. Г. Полетаев, Д. А. Павлов. Квартира Павловых на Сердобольской улице (д. 35, кв. 4) стала штабом Бюро ЦК. Здесь назначались встречи и заседания членов Бюро, хранились печать и небольшой архив [242].

Намного выросла и укрепилась Петроградская организация большевиков. С лета 1915-го до начала 1917 года, то есть за полтора года, число членов организации увеличилось с 500—700 человек до 3000 *, количество райкомов — с 10 до 12, ячеек — с 55 до 115 [243].

---

* Во втором томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1966, с. 653) указывается, что к началу 1917 года Петроградская организация большевиков насчитывала около 2000 членов. В позднейших публикациях (см.: Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 133) на основании подсчетов, произведенных И. П. Лейберовым, приводятся более полные данные — около 3000. Эти данные использованы и в настоящей книге. (*Примечание автора*).

Бесперебойно действовал и Петербургский комитет. Несмотря на аресты видных членов ПК — В. Н. Залежского, С. Я. Багдатьева, И. Ф. Егорова (К. Орлова), С. Г. Рошаля, оставшиеся и вновь кооптированные члены успешно решали сложные задачи партийной работы. В состав Петербургского комитета в это время входили: Н. Ф. Агаджанова, А. А. Андреев, С. И. Афанасьев, Н. К. Антипов, Т. В. Барановский, К. Н. Блохин, А. Н. Винокуров, М. И. Калинин (до ареста), Н. С. Комаров, Т. К. Кондратьев, П. Т. Коряков, А. П. Костина (Аня), Ф. А. Лемешев, И. М. Москвин (Приятель), А. К. Скороходов, Н. Г. Толмачев, И. Д. Чугурин, К. И. Шутко, Е. К. Эйзеншмидт и другие. От национальной группы латышей в состав ПК входили П. М. Кимен и Э. Я. Петерсон. От национальной группы эстонцев — С. Фришман, от группы литовцев — П. А. Раводнитис. Все это были надежные, опытные и мужественные руководители.

Связи Петербургского комитета с районами стали более прочными и постоянными. Районные комитеты, несмотря на частые аресты, также действовали бесперебойно: организационные коллегии ПК и райкомов оперативно заменяли выбывших членов новыми — из резерва. Ведущим районом в партийной работе оставалась Выборгская сторона, где насчитывалось 500—600 членов партии. На «Новом Лесснере» было 80 большевиков, на «Старом Лесснере» — 30, «Розенкранце» — 80, «Старом Парвиайнене» — 45, Русско-Балтийском заводе — 30. Выборгскую районную партийную организацию возглавлял член РСДРП с 1902 года, в прошлом сормовский рабочий, ученик ленинской школы в Лонжюмо Иван Дмитриевич Чугурин. В состав Выборгского райкома входили: Н. Ф. Агаджанова (Клавдия Дубровская), П. А. Алексеев, И. Ф. Антюхин, И. Г. Гаврилов, А. П. Ефимов, И. И. Жуков, В. Н. Каюров, Н. И. Кокко, Э. Лиепинь (Женя Егорова), С. С. Лобов, Ф. Н. Нарчук, М. О. Плетнев, Н. Ф. Свешников.

Нарвско-Петергофский район насчитывал 300 большевиков, в том числе организация Путиловского завода — 150 человек, Путиловской верфи — 15, «Треугольника» — 30 и т. д. В райком входили рабочие, ставшие по сути дела профессионалами-подпольщиками: В. П. Алексеев, С. И. Афанасьев, Т. В. Барановский, И. Я. Генслер, Ф. А. Лемешев, Л. М. Тарасова. Василеостровский район объединял около 300 членов партии. В райкоме работали: Г. Н. Адамович, М. С. Иванов-Михайлов, Г. Я. Лиздинь, С. И. Петриковский, В. К. Слуцкая, Э. Э. Эссен. В Петроградском районе было 80—100 членов партии. В райкоме работали такие видные большевики, как М. А. Авилова, К. Н. Блохин, Г. Р. Карманов, П. Ф. Лаврентьев, И. И. Лепсе, А. К. Скороходов, М. И. Титов, М. И. Тылочкин, Ф. Я. Угаров, И. И. Худяков. 40—50 большевиков насчитывал Невский район. В районный комитет входили: Ф. Л. Захаров (Захар Невский) — секретарь райкома, бывший сотрудник «Правды», А. А. Антонов — организатор партячейки Обуховского завода, а также Т. Г. Глазков, А. С. Гундоров, Е. П. Онуфриев. 60—70 членов большевистской партии входили во 2-й Городской район, где основными базами были Франко-Русский завод — 18 человек, Адмиралтейский — 10—12, Высшие курсы Лесгафта — 10 человек. В райком входили рабочие В. Г. Гусев, П. В. Замятин, И. Я. Крутов, Ф. И. Самсонович и курсистки А. Н. Тихомирова и Р. О. Хабас.

Продолжала активно действовать партийная организация 1-го Городского района в составе 40—50 членов партии.

К концу 1916 года успешную работу развернули большевики пригородных районов. В Сестрорецком районе основной базой большевиков был Сестрорецкий оружейный завод. В Сестрорецкой организации насчитывалось 30—40 членов. В районный комитет входили В. П. Иванов, член партии с 1905 года, организатор района, а также А. А. Андреев, А. Д. Андреев, А. А. Емельянов, А. А. Палкин, П. А. Семенов. Колпинскую районную организацию (30 человек) возглавляли М. П. Баклайкин и Т. Н. Конов. Действовали также Шлиссельбургская и Кронштадтская партийные организации. В Объединенном комитете социал-демократической фракции высших учебных заведений руководящую работу вели: В. М. Бакланов, Н. Н. Евреинов, Е. Н. Жданович, Н. И. Иконников, Н. Т. Кононова, Б. Н. Лажина, Н. И. Смирнов, Н. Г. Толмачев.

Под руководством ПК действовали три национальные партийные группы, находившиеся также на правах районных организаций: латышская — 140 членов, 11 кружков (руководящая группа — Я. Берзинь, П. И. Стучка, М. Цислава, Е. Эйзеншмидт), литовская — 66 членов,

9 кружков (В. Пожела, Т. Люткявичус, П. А. Равдонитис) и эстонская — 75—80 большевиков (С. Фришман). В ноябре 1916 года в рамках польского культурно-просветительного общества «Промень» («Луч») оформилась польская группа в количестве 30 человек (З. Фаберкевич и А. Т. Радзишевский). Среди финского населения работали Н. И. Кокко, И. А. Рахья, Э. А. Рахья, А. П. Тайми.

Такова была структура столичной организации большевиков перед решающими событиями Февраля 1917 года. В подавляющем большинстве люди, составлявшие районные и городскую группы актива большевистской организации, были рабочими крупных промышленных предприятий Петрограда. Среди них имелось немало большевиков с более чем десятилетним партийным стажем, активных участников первой русской революции. Но и партийная молодежь, вступившая в ряды большевиков накануне и в ходе войны, успела к этому времени вырасти в зрелых работников, способных решать революционные задачи в сложных условиях военного времени.

Конечно, для такого города, как Петроград, с населением 2,5 миллиона и рабочим классом почти 400 тысяч, — 3000 большевиков арифметически число не столь уж великое. Но в политике нельзя руководствоваться чисто арифметическим подходом. За каждым большевиком стояли десятки и сотни рабочих, беззаветно поддерживавших партию. «Самой сильной нелегальной организацией в Питере, — справедливо пишет А. Шляпников, — был Петербургский комитет нашей партии, объединявший до 3000 членов, а сочувствующими своей активной политике мог считать большинство рабочих Питера» [244].

Большевики были не просто членами организации, но политическими вожаками. Они умели дать правильные лозунги, организовать массы и идти впереди масс, не смущаясь от неудач, не боясь арестов, тюрем и ссылок. Сила большевиков состояла в том, что они были неотъемлемой частью рабочей массы, стояли рядом за такими же станками, как и их товарищи — беспартийные рабочие, жили одной с ними жизнью. Ленинские идеи большевизма они распространяли не только посредством листовок, нелегальных газет и брошюр, не только на собраниях и митингах, но в повседневном общении с рабочими у станка, на заводском дворе, дома — в свободное от работы время.

Главными противниками большевиков в рабочем движении являлись меньшевики-оборонцы, организации которых в Петрограде насчитывали 500—700 членов. Опорными пунктами меньшевизма в Петрограде в 1916 году стали рабочие группы Центрального и Петроградского областного военно-промышленных комитетов. «Самой сильной после наших организаций, объединявшихся Петроградским комитетом, — свидетельствует А. Г. Шляпников, — являлась, несомненно, организация меньшевиков-оборонцев» [245]. Вторая мелкобуржуазная партия, исповедовавшая оборончество, — партия эсеров — не представляла собой сколько-нибудь существенной силы. «Собственно говоря, — пишет один из ее лидеров в России, — о партии, как о целом, невозможно тогда было и говорить. Она была разгромлена, имелось всего с десяток жалких организаций, не существовало в России и Центрального комитета» [246].

Революционная обстановка, сложившаяся к осени 1916 года, вынудила даже социал-шовинистов приспосабливаться к настроениям рабочих. Оставаясь на «патриотических» позициях, меньшевики создавали на заводах полулегальные «группы содействия» военно-промышленным комитетам под видом помощи «рабочим группам» этих комитетов на идейной базе «правительства спасения», то есть в общем русле буржуазно-оппозиционных установок. Новый министр внутренних дел А. Д. Протопопов не понял выгоды для правящих кругов от подобной деятельности ликвидаторов. Российская администрация действовала, как всегда, прямолинейно и бестолково. А. Д. Протопопов написал командующему военным округом генералу Хабалову о том, что надо, дескать, поставить комитетчиков на свое место, а то, что это за «правительство спасения».

Однако буржуазные заправилы военно-промышленных комитетов взяли под защиту «рабочих представителей» в ВПК. В ноябре 1916 года состоялось Всероссийское совещание представителей «рабочих групп» в Петрограде, принявшее ряд резолюций, в которых было заявлено, что «рабочий класс не отказывается от своих политических лозунгов», что «спасение страны от окончательной разрухи можно ожидать только от объединения всех живых сил страны с широким участием демо-

12 Зак. № 809

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 420.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 3.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 70.
[4] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. М., 1963, с. 83—84.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1907 г., д. 206, л. 275.
[6] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1907 г., д. 5, ч. 51, т. 2, л. 38.
[7] Очерки истории СССР. 1907 — март 1917. М., 1954, с. 71.
[8] Партия большевиков в период реакции (1907—1910 гг.). Документы и материалы. М., 1961, с. 347.
[9] Там же, с. 307.
[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.
[11] История рабочих Ленинграда, т. I. Л., 1972, с. 343.
[12] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1909 г., д. 61, ч. 2, лл. 2, 35, 36.
[13] «Пролетарий», 1908, № 36, 3 (16) октября; История рабочих Ленинграда, т. I, с. 349.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 213.
[15] Там же, с. 243.
[16] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 227.
[17] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 45.
[18] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 306.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 46.
[20] См. там же, с. 373.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 320.
[22] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. I. Л., 1962, с. 239.
[23] Там же, с. 240—241. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель—май 1907 г. Протоколы. М., 1963, стр. 235.
[24] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1908 г., д. 61, ч. 9, л. 49.
[25] «Социал-демократ», 1909, № 6, 4 (17) июня.
[26] «Пролетарская революция», 1928, № 9, с. 171—172.
[27] Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1957, с. 148.
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 133.
[29] Буйко А. М. Путь рабочего. Л., 1964, с. 106—107.
[30] «Пролетарская революция», 1928, № 9, с. 170, 189.

[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 354.
[32] «Пролетарий», 1907, № 16, 2 мая; Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. I, с. 226.
[33] «Пролетарий», 1907, № 16, 2 мая.
[34] «Красная летопись», 1923, № 9, с. 190.
[35] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2. М., 1971, с. 339, 340, 355.
[36] «Красная летопись», 1923, № 9, с. 79.
[37] «Пролетарий», 1908, № 36, 3 октября.
[38] «Вперед», 1908, № 20, 19 января; «Пролетарий», 1908, № 21, 13 февраля.
[39] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1907 г., д. 7929, л. 37.
[40] Буйко А. М. Путь рабочего, с. 74.
[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 372.
[42] «Пролетарий», 1908, № 33, 23 июля.
[43] Там же.
[44] «Социал-демократ», 1909, № 7-8, 8 (21) августа.
[45] «Социал-демократ», 1909, № 5, 23 апреля (6 мая).
[46] «Социал-демократ», 1909, № 2, 28 января (10 февраля).
[47] «Пролетарий», 1908, № 25, 12 (25) марта.
[48] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1909 г., д. 61, ч. 5, А, лл. 67—68.
[49] «Пролетарская революция», 1928, № 9 (80), с. 165.
[50] «Социал-демократ», 1909, № 6, 4 (17) июня.
[51] Листовки петербургских большевиков, т. II. Л., 1939, с. 45.
[52] «Пролетарская революция», 1928, № 9, с. 181, 185.
[53] Там же, с. 180.
[54] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лл. 1—2.
[55] «Красная летопись», 1931, № 5-6, с. 171—172, 175.
[56] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1968, с. 319—320, 324.
[57] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 335; Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 323.
[58] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 323.
[59] «Пролетарская революция», 1923, № 4, с. 152.
[60] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 323.
[61] «Красный архив», 1934, № 1, с. 210.
[62] Там же, с. 209—210.
[63] Там же, с. 207—209.
[64] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 352, 356.
[65] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, св. 27, д. 1027, л. 22.
[66] «Красная летопись», 1923, № 4, с. 153.
[67] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 349.
[68] «Любящий тебя Ульянов». М., 1970, с. 174.
[69] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 120—121, 130.
[70] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 370—372; Дашков Ю. По ленинским местам. М., 1971, с. 112—131.
[71] Лейберов И. П. Ленин и издательство «Зерно» в Петербурге.— «История СССР», 1970, № 2, с. 153—163.
[72] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 9.
[73] Социал-демократическое движение в России. Материалы, т. I. М.—Л., 1928, с. 14—15.
[74] Буйко А. Путь рабочего, с. 89.
[75] «Пролетарий», 1908, № 33, 23 июля.
[76] «Пролетарий», 1908, № 36, 3 октября.
[77] «Социал-демократ», 1909, № 2, 28 января.

[78] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, М., 1953, с. 188—189.
[79] «Пролетарий», 1908, № 36, 3 октября; № 38, 1 ноября; 1909, № 42, 12 февраля.
[80] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 146.
[81] «Социал-демократ», 1909, № 7-8, 8 (21) августа.
[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 148.
[83] Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 46.
[84] «Пролетарий», 1909, № 47-48, 5 сентября.
[85] «Красная летопись», 1931, № 5-6, с. 169—170.
[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 31.
[87] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 260.
[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 343.
[89] «Наша заря», 1910, № 2, с. 61.
[90] Социал-демократическое движение в России, т. 1, с. 195.
[91] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 210.
[92] «Пролетарий», 1909, № 44, 4 (17) апреля.
[93] Буйко А. Путь рабочего, с. 81.
[94] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 394.
[95] Там же, с. 397.
[96] «Пролетарий», 1909, № 44, 4 (17) апреля.
[97] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1909 г., д. 61, ч. 5А, л. 67.
[98] «Социал-демократ», 1909, № 6, 4 июня.
[99] Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М., 1934, с. 38, 119.
[100] «Пролетарий», 1909, № 49, 3 (16) октября.
[101] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 117.
[102] Там же, с. 118.
[103] Там же, с. 121.
[104] Цит. по: П. В. Барчугов. В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.). Пермь, 1970, с. 543—544.
[105] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 121.
[106] Там же, с. 146.
[107] «Пролетарская революция», 1928, № 9, с. 183.
[108] «Социал-демократ», 1909, № 9, 31 октября.
[109] «Пролетарская революция», 1928, № 9, с. 181.
[110] Там же.
[111] «Красная летопись», 1931, № 5-6, с. 186.
[112] «Красная летопись», 1923, № 9, с. 101—102.
[113] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 383.
[114] «Пролетарий», 1908, № 21, 13 (26) февраля; «Социал-демократ», 1909, № 2, 28 января (10 февраля).
[115] Отчет РСДРП 8 Международному социалистическому конгрессу в Копенгагене (28 августа — 3 сентября 1910 г.). М.—Л., 1923, с. 98. По официальным данным, в забастовке участвовало 60,3 тысячи человек. См.: История рабочих Ленинграда, т. I, с. 362.
[116] «Социал-демократ», 1908, № 1, 1 февраля.
[117] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 394.
[118] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 217.
[119] Там же, с. 294.
[120] «Пролетарий», 1907, № 20, 19 ноября.
[121] «Социал-демократ», 1909, № 6, 4 июня.
[122] «Социал-демократ», 1908, № 8, 21 августа.
[123] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 361, лл. 12 об., 13, 18.

[124] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лл. 78—80.
[125] «Пролетарий», 1907, № 20, 19 ноября.
[126] «Социал-демократ», 1909, № 7-8, 8 (21) августа.
[127] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, л. 50.
[128] «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, с. 179.
[129] В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.), с. 409.
[130] «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, с. 177—178.
[131] В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.), с. 542.
[132] «Пролетарий», 1908, № 38, 1 ноября.
[133] «Социал-демократ», 1910, № 15-16, 30 сентября.
[134] Подсчитано по: Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 3—50.
[135] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. I, с. 274.
[136] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1908 г., д. 244, лл. 82, 86.
[137] «Пролетарий», 1908, № 38, 1 ноября.
[138] «Красная летопись», 1923, № 9, с. 88—89.
[139] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1910 г., д. 309, л. 204.
[140] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1907 г., д. 207, лл. 128—129.
[141] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 114—115.
[142] Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 7—9.
[143] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1908 г., д. 244, лл. 37—46, 50—54.
[144] Владимирова Вера. Из недавнего прошлого. М.—Л., 1924, с. 60.
[145] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1908 г., д. 61, ч. 5А, лл. 90—91.
[146] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1907 г., д. 207, лл. 135—139, 150.
[147] «Пролетарий», 1908, № 36, 30 октября; № 38, 1 ноября.
[148] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 218.
[149] Там же.
[150] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, лл. 25—26; ЛПА, ф. 4000, д. 177-8, л. 277. Очерк истории этой организации, составленный по воспоминаниям Н. Яковлева, М. Левиной, Т. Неслуховской, А. Привальского, М. Барсукова, хранится в ЛПА.
[151] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 81.
[152] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1907 г., д. 207, лл. 167—168, 171; «Вперед», 1907, № 16, 8 октября.
[153] «Пролетарий», 1907, № 8, 29 октября.
[154] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 69.
[155] «Социал-демократ», 1909, № 9, 31 октября (13 ноября).
[156] «Пролетарий», 1908, № 40, 1 (14) декабря.
[157] «Пролетарий», 1908, № 39, 13 (26) ноября; «Вперед», 1908, № 20, 19 января; ЦГАОР СССР, ф. 111, 1908 г., д. 244, л. 7.
[158] Славные большевички. М., 1958, с. 187.
[159] «Социал-демократ», 1910, № 14, 22 июня (5 июля).
[160] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1909 г., д. 263, лл. 121—122.
[161] «Пролетарий», 1908, № 21, 26 января (13 февраля).
[162] ЦГАОР СССР, ф. 111, 1909 г., д. 263, лл. 121—122.
[163] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 5, ч. 57, л. 48.
[164] «Пролетарий», 1908, № 25, 12 (25) марта.
[165] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1909 г., д. 61, ч. 9, л. 26.
[166] ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 1у, д. 36194, лл. 18—24.
[167] Цит. по: Шахназарова К. В. Большевистская газета «Пролетарий». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, с. 181.

168 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1910 г., д. 61, ч. 9, лл. 1—2; д. 5, ч. 57, лл. 23, 24, 49.

169 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 197.

170 «Социал-демократ», 1909, № 2, 28 января (10 февраля).

171 ЦГАОР СССР, ф. 111, 1910 г., д. 309, л. 110.

172 «Пролетарий», 1909, № 46, 11 (24) июля.

173 «Социал-демократ», 1909, № 5, 23 апреля (6 мая).

ГЛАВА II

1 «Красный архив», 1939, № 1 (92), с. 76.

2 ЦГАОР СССР, ф. СП ОО, 1910 г., д. 310, л. 65.

3 «Красный архив», 1939, № 1 (92), с. 76.

4 «Звезда», 1911, 30 апреля.

5 «Вестник Европы», 1911, № 1, с. 419.

6 «Русское богатство», 1911, № 1, с. 104.

7 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 75.

8 «Голос Москвы», 1911, 22 августа.

9 Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. I. Л., 1962, с. 303.

10 «Рабочая газета», 1910, № 2, 31 декабря.

11 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, с. 366.

12 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 319.

13 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е. М., 1953, с. 282.

14 «Социал-демократ», 1911, № 24, 31 октября.

15 Очерки истории Ленинградской партийной организации КПСС, ч. I, с. 309.

16 «Социал-демократ», 1911, № 23, 1 сентября.

17 Там же.

18 Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1. М., 1921, с. 24.

19 КПСС в резолюциях..., ч. 1, с. 252.

20 ЦПА ИМЛ, ф. 37, оп. 14, д. 1050, л. 41.

21 «Пролетарская революция», 1941, № 1, с. 148.

22 Всероссийская конференция РСДРП. Париж, 1912, с. 1.

23 «Пролетарская революция», 1941, № 1, с. 147.

24 ЦПА ИМЛ, ф. 37, оп. 1, д. 1050, лл. 138—139.

25 Там же, л. 137.

26 Там же, л. 153.

27 Там же, л. 154.

28 Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. бывшего Московского охранного отделения. Сборник. М., 1918, с. 87.

29 «Борьба пролетариата», 1941, № 3, с. 153—154.

30 «Вестник Московского университета», 1962, № 3, с. 15.

31 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 54.

32 «Рабочая газета», 1912, № 8, 17 марта.

33 Там же.

34 «Красный архив», 1939, № 6 (97), с. 115.

35 «Исторический архив», 1957, № 1, с. 8.

36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 349.

37 «Новое время», 1912, 8 февраля.

38 Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912, с. 21.

39 Государственная дума, 3 созыв. Стенографические отчеты. Сессия V, ч. 3. СПб., 1912, стб. 3332.

40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 354.

41 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1912 г., д. 5, ч. 57, л. 250.

42 ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 824, л. 82 об.

43 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1912 г., д. 5, ч. 57, лит. Б, л. 96.

44 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 347.

45 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1912 г., д. 5, ч. 57, лит. Б, л. 150.

46 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 84.

47 Листовки петербургских большевиков, т. II. Л., 1939, с. 65—66.

48 ЦГИА, ф. 1696, оп. 1, д. 263, лл. 48—50 об.

49 «Исторический архив», 1957, № 1, с. 9.

50 ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 840, л. 2.

51 ЦГИА, ф. 1696, оп. 1, д. 263, лл. 48—50 об.

52 «Пролетарская революция», 1922, № 4, с. 224.

53 Библиотека ИМЛ, листовка № 38344.

54 Славные большевички. М., 1958, с. 80.

55 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1913 г., д. 5, ч. 57, л. 73.

56 «Пролетарская революция», 1925, № 8 (43), с. 125.

57 «Новое время», 1912, 3 ноября.

58 «Речь», 1912, № 303.

59 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 12.

60 ЦПА ИМЛ, ф. ДП, оп. 25, д. 34603, л. 1.

61 Там же.

62 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 250.

63 Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 217.

64 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 311.

65 ЦПА ИМЛ, ф. ДП, оп. 11, д. 23862, л. 1.

66 «Красная летопись», 1924, № 9, с. 56.

67 ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 1, д. 4397, л. 1.

68 «Социал-демократ», 1913, № 31, 15 июня, ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1913 г., д. 5, св. 57, л. 20.

69 «Пролетарская революция», 1925, № 8 (43), с. 124.

70 КПСС в резолюциях..., ч. 1, с. 288.

71 «Социал-демократ», 1913, № 31, 15 июня.

72 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 298.

73 Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 335.

74 ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1913 г., д. 5, ч. 57, л. 39.

75 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 297.

76 Список членов ПК РСДРП выявлен путем сплошного изучения фонда Всесоюзного общества старых большевиков (ЦПА ИМЛ, ф. 124), отдельных личных дел членов партии, хранящихся в ЛПА, а также материалов департамента полиции и СПб охранного отделения.

77 ЦГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 854, л. 10.

78 «Пролетарская революция», 1925, № 8 (43), с. 125.

79 «Социал-демократ», 1913, № 31, 15 июля.

80 История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2. М., 1967, с. 385.

81 Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 330.

[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 55.
[83] «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3, с. 175.
[84] Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1959, № 259, с. 36.
[85] ЛПА, личное дело А. И. Киршенека.
[86] «Пролетарская революция», 1928, № 7, с. 206.
[87] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 75, л. 5 об.
[88] «Исторический архив», 1957, № 1, с. 25.
[89] «Социал-демократ», 1913, № 32, 15 декабря.
[90] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 432.
[91] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 423.
[92] Там же, с. 409.
[93] Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 306.
[94] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 410.
[95] См.: там же, стр. 408.
[96] ЦПА ИМЛ, ф. 448, оп. 1, д. 40965, л. 1.
[97] Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. 1, с. 306—308.
[98] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 257.
[99] КПСС в резолюциях..., ч. 1, с. 290.
[100] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 307.
[101] «Пропагандист», 1939, № 16, с. 11.
[102] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 427.
[103] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 79—80.
[104] «Исторический архив», 1959, № 4, с. 42.
[105] «Пролетарская правда», 1914, № 7, 9 января.
[106] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 73.
[107] Там же, с. 183.
[108] ЛПА, ф. 4000, оп. 7, св. 801, д. 436, лл. 45—47.
[109] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 377.
[110] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1692, л. 1.
[111] Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966, с. 221.
[112] Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. М., 1954, с. 153.
[113] «Исторический архив», 1959, № 4, с. 42.
[114] Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе, с. 55.
[115] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 165.
[116] «Вопросы страхования», 1924, № 3-4, с. 7.
[117] ЦГАОР, ф. ДП, оп. 242, 1913 г., д. 341, л. 1.
[118] Булкин Ф. А. На заре профдвижения. История петербургского союза металлистов. 1906—1914 гг. М.—Л., 1924, с. 249.
[119] «История СССР», 1967, № 4, с. 68.
[120] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 376.
[121] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 101.
[122] «Деревообделочник», 1914, № 1, с. 1.
[123] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 308.
[124] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 376.
[125] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 101.
[126] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, св. 57, лит. Б, л. 89. (В донесении осведомителя охранки братья Эр. и Эм. И. Квиринги названы «братья Квирины».)
[127] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, св. 57, ч. 1, лл. 284—287.
[128] Александров П. П. За Нарвской заставой. Л., 1963, с. 90.
[129] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 312, л. 8 об.

[130] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2122, лл. 16—17.
[131] «Наша заря», 1914, № 6, с. 45.
[132] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 5.
[133] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 57.
[134] ЦГАОР СССР, ф. СП ОО, 1913 г., оп. 5, д. 454, л. 132.
[135] «Социал-демократ», 1913, № 32.
[136] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 296.
[137] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.—Л., 1961, с. 98.
[138] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 127, л. 2.
[139] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 562, л. 32.
[140] ЦГАОР СССР, ф. СП ОО, 1913 г., оп. 5, д. 454, л. 23.
[141] КПСС в резолюциях..., ч. 1, с. 308.
[142] Цит. по: Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 367.
[143] «Социал-демократ», 1913, № 32, 15 декабря.
[144] «Исторический архив», 1957, № 1, с. 18.
[145] Листовки петербургских большевиков, т. I, с. 90.
[146] «Исторический архив», 1957, № 1, с. 18.
[147] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 371.
[148] Там же.
[149] «Трудовая правда», 1914, № 32, 4 июля.
[150] Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 107.
[151] «Трудовая правда», 1914, № 33, 5 июля.
[152] Там же.
[153] Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 108.
[154] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1968, с. 239.
[155] «Пролетарская революция», 1924, № 7, с. 48.
[156] Листовки петербургских большевиков, т. II, с. 109—110.
[157] Библиотека ИМЛ, листовка № 38433.
[158] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 66.
[159] «Пролетарская революция», 1924, № 8-9, с. 314—318.
[160] Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI. М.—Пг., 1923, с. 79.

ГЛАВА III

[1] «День», 1914, № 194, 21 июля.
[2] «Красная летопись», 1923, № 5, с. 229.
[3] Арский Р. В Петрограде во время войны. — «Красная летопись», 1923, № 7, с. 75—76.
[4] Мительман М., Глебов Б., Ульянский А. История Путиловского завода 1801—1917. М., 1961, с. 474.
[5] Шляпников А. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1916 гг., ч. 1. М.—Пг., 1923, с. 22.
[6] Арский Р. В Петрограде во время войны. — «Красная летопись», 1923, № 7, с. 76.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 111.
[8] Там же, с. 331.
[9] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1. Лениздат, 1962, с. 38.

[10] ЦГАОР СССР, ф. ДП. 4-е д-во, 1914 г., д. 141, л. 9.

[11] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Лениздат, 1958, с. 251—252, 621—622.

[12] Там же, с. 250.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 19.

[14] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2. М., 1966, с. 536.

[15] Мительман М., Глебов Б., Ульянский А. История Путиловского завода, с. 473. Всего в Петрограде к выполнению военных заказов было привлечено 207,5 тысячи (78 процентов) рабочих на 403 казенных и частных предприятиях (см.: История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972, с. 463).

[16] История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972, с. 465.

[17] Там же, с. 467.

[18] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 275.

[19] Там же, с. 276.

[20] История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 467.

[21] Там же.

[22] «Вопросы страхования», 1916, № 11, с. 14.

[23] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 486.

[24] Петроградский пролетариат и большевистская организация. 1914 — февраль 1917. Л., 1939, с. 25—26.

[25] «Красная летопись», 1923, № 5, с. 230.

[26] Сергеев Б. В. М. И. Калинин. Жизненный путь большевика-революционера. М., 1934, с. 70.

[27] Кондратьев Т. Воспоминания о подпольной работе Петербургской организации РСДРП(б) в период 1914—1917 гг. — «Красная летопись», 1923, № 8, с. 23.

[28] Листовки петербургских большевиков 1902—1917, т. 2. М., 1939, с. 115.

[29] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 246.

[30] Большевистская фракция IV Государственной думы. Сборник материалов и документов. Л., 1938, с. 15.

[31] Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. М., 1954, с. 349.

[32] Дажина И. М. О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 116.

[33] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 120.

[34] Там же, с. 124.

[35] См. там же, с. 124.

[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 19.

[37] «Социал-демократ», 1914, № 35, 12 декабря.

[38] Так именно определяется статус большевистской думской фракции даже в специальной работе, посвященной анализу деятельности Русского бюро ЦК РСДРП (см.: Москалев М. Я. Бюро Центрального Комитета РСДРП в России. М., 1964, с. 236).

[39] Впервые вопрос о том, что члены думской большевистской фракции продолжали в это время работать как члены Русского бюро ЦК, поставлен в «Очерках Ленинградской организации КПСС» (см. ч. 1, с. 384). Во втором томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» сказано, что фракция выполняла роль Русского бюро ЦК, без каких-либо оговорок (см. с. 487). Более определенно и вполне аргументированно ставит и решает этот вопрос

И. М. Дажина, которая в специальном исследовании рассматривает большевистскую фракцию IV Государственной думы как первый состав Русского бюро ЦК РСДРП военного времени. Аргументируется это тем, что А. Е. Бадаев и Г. И. Петровский были членами ЦК РСДРП, а Н. Р. Шагов, М. К. Муранов и Ф. Н. Самойлов — официальными доверенными лицами ЦК. Кроме них в состав БЦК того периода входил представитель ЦК, находившегося за границей, Л. Б. Каменев (см.: Дажина И. М. Русское бюро ЦК РСДРП в годы первой мировой войны.— В сб.: Первая мировая война. Л., 1968).

[40] Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе, с. 343—344.

[41] Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, с. 217.

[42] Большевистская фракция IV Государственной думы. Сборник материалов и документов. Л., 1938, с. 508.

[43] Там же.

[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 15.

[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 333.

[46] Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе, с. 370—371.

[47] Э. Вандервельде в это время был уже министром бельгийского правительства.

[48] В обсуждении приняли участие: М. С. Ольминский, А. Н. Винокуров, К. Н. Самойлова, А. Г. Шляпников, бывшие члены ЦК Д. С. Постоловский, И. П. Гольденберг и другие. Подробнее о совещаниях см.: Лаврин В. А. Большевистская партия в начале первой мировой войны. М., 1972, с. 46.

[49] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 8.

[50] Лаврин В. А. Большевистская партия в начале первой мировой войны, с. 48—49.

[51] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 3. Политиздат, 1972, с. 287.

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 11, 12.

[53] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 12—15.

[54] Лаврин В. А. Большевистская партия в начале первой мировой войны, с. 95.

[55] «Социал-демократ», 1914, № 33, 1 ноября.

[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 16.

[57] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 499.

[58] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг., т. 2, с. 124—125.

[59] Большевистская фракция IV Государственной думы, с. 532.

[60] Там же, с. 516.

[61] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 289—292.

[62] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 135.

[63] ЦГАОР СССР, ф. ДП., 9-е д-во, 1914 г., д. 341, л. 13.

[64] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 906, лл. 15—17.

[65] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 62.

[66] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 334.

[67] При аресте у рабочих депутатов были отобраны ленинские тезисы о войне (рукопись), «Социал-демократ» № 33, Программа и Устав Российской социал-демократической рабочей партии, два

листа бумаги, на которых рукой Муранова было записано 90 адресов разных лиц на заводах и фабриках в Харькове и Харьковской губернии, и другие материалы.

[68] «Право», 1915, № 8, с. 552.

[69] Там же, с. 643.

[70] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 262.

[71] Там же, с. 22.

[72] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 47.

[73] Персональный состав Петербургского и районных комитетов здесь и в дальнейшем устанавливался по воспоминаниям активных участников подпольной работы того периода, опубликованных и хранящихся в ЛПА (А. А. Андреева, А. А. Бабицина, А. С. Гундорова, В. П. Виноградова, Ф. А. Лемешева, Н. Ф. Свешникова и др.). Использованы были также с этой целью сборники: В огне революционных боев. М., 1967 и 1971; Герои Октября, в 2-х томах. Лениздат, 1967. Все эти источники использовались на основе метода перепроверки и сопоставления.

[74] Гаврилов И. На Выборгской стороне в 1914—1917 гг. — «Красная летопись», 1927, № 2, с. 47.

[75] Шляпников А. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1916 гг., ч. 1, с. 109.

[76] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1268, л. 16.

[77] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1186, л. 7.

[78] Андреев А. А. Ленинским курсом. — «Звезда», 1964, № 8, с. 8.

[79] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1176, л. 1.

[80] Данные взяты из разработки И. П. Лейберовым порайонного распределения рабочих Петрограда в докторской диссертации (Петроградские большевики и пролетариат в Февральской революции 1917 г., Библиотека ЛГУ, т. 1, с. 19).

[81] Заводские партийные организаторы и представители в райкомах и ПК менялись как только становились известными полиции и за ними устанавливалась слежка.

[82] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1178, л. 11; Виноградов В. П. Организация большевиков на Петербургском Металлическом заводе в 1915 г.— «Красная летопись», 1926, № 3, с. 18.

[83] Ефимов А. Из истории партийного коллектива на Петроградском заводе «Старый Парвиайнен». — «Красная летопись», 1926, № 3, с. 41.

[84] В больничной кассе Путиловского завода значительная часть штатных работников являлись большевиками — М. Кащевская, Л. Тарасова. Для усиления партийной работы ПК направил в больничную кассу завода также А. А. Андреева, Н. И. Подвойского, С. Г. Рошаля.

[85] «Красная летопись», 1934, № 2, с. 58—59.

[86] Орлов К. Жизнь рабочего революционера. Л., 1925, с. 24.

[87] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1227, лл. 1—2.

[88] «Социал-демократ», 1915, № 41, 1 мая.

[89] «Красная летопись», 1922, № 2-3, с. 48.

[90] «Социал-демократ», 1915, № 47, 13 октября.

[91] Провалы были делом рук целой сети провокаторов, засылаемых охранкой в партийные организации. Так, например, членом ПК состоял опытный провокатор Мирон Черномазов, работавший в ряде больничных касс. В заводских и районных организациях действовали провокаторы: Шурканов («Айваз»), Кирилин (Путиловский завод), Я. Засицкий (Обуховский завод), Михайлов (Ваня Печатник), Мульгин, Ян Озоль и другие.

[92] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 133.

[93] Полностью документы см. в публикации М. И. Дажиной «Документы Бюро ЦК в России» («Вопросы истории КПСС», 1968, № 8, с. 93—100).

[94] «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, с. 191.

[95] «Социал-демократ», 1915, № 49, 21 декабря.

[96] Шляпников А. Канун семнадцатого года, с. 120.

[97] Там же, с. 115.

[98] Подсчет произведен по материалам книги «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 3. М., 1972.

[99] Андреев А. А. Ленинским курсом. «Звезда», 1964, № 8, с. 139. В публикации И. М. Дажиной о нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны указывается, что непосредственно Петербургским комитетом было выпущено не менее 60 наименований листовок («Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 119).

[100] «Красная летопись», 1924, № 1, с. 120.

[101] Большевики в годы империалистической войны. Сборник документов и материалов. М.—Л., 1939, с. 201—202.

[102] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 14.

[103] «Пролетарский голос», 1915, № 1, 22 февраля.

[104] Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 140. В число больничных касс здесь не включена касса Путиловского завода и Северной судостроительной верфи с охватом 31 500 рабочих (см.: Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 426).

[105] Бибиков Ю., Малышкин В., Шалаева Е. Профсоюзы Петрограда до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957, с. 92.

[106] Романов Ф. А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции. М., 1949, с. 112.

[107] Цифровые данные получены путем обобщения таблиц, приведенных в работе П. Дороватского и В. Злотина «Профессиональное движение в годы первой мировой войны» (Л., 1927, с. 53—54) и в докторской диссертации И. П. Лейберова «Петроградские большевики и пролетариат в Февральской революции» (ЛГУ, 1971, т. 1, с. 440—441).

[108] Более подробно о деятельности профсоюзов см. названную книгу Ф. А. Романова, работу П. Дороватского и В. Злотина «Профессиональное движение в годы империалистической войны» (Л., 1927), «Рабочее движение в годы войны» (М.—Л., 1929).

[109] ЦГАОР СССР, ф. 1029, 1915 г., д. 168, л. 2.

[110] Куйбышева Е. Валериан Владимирович Куйбышев. М., 1938, с. 37.

[111] Там же, с. 39.

[112] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1227, л. 3.

[113] Там же, л. 2.

[114] ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 9, д. 167, ч. 57, л. 8.

[115] «Вопросы страхования», 1915, № 11, с. 7.

[116] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 300.

[117] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 246.

[118] «Вопросы страхования», 1915, № 1, с. 1.
[119] «Вопросы страхования», 1915, № 3, с. 3—4.
[120] «Вопросы страхования», 1915, № 2, с. 32.
[121] «Вопросы страхования», 1915, № 7, с. 2.
[122] «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, с. 195.
[123] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. ЦСУ. Отдел военной статистики, 1925, с. 5—6.
[124] ЦГВИА, ф. 2000, оп. 4, 1915 г., д. 1187, л. 1.
[125] Завьялов С. История Ижорского завода. Л., 1934, с. 355—356.
[126] «Социал-демократ», 1915, № 43.
[127] «Бюллетень Всероссийского бюро труда», 1916, № 2.
[128] Погребинский А. Л. Сельское хозяйство России в войну 1914—1918 гг. «Исторические записки АН СССР», 1950, № 3, с. 45.
[129] ЦГАОР СССР, ф. ДП., 4 д-во, 1915 г., д. 61, л. 17.
[130] Крылова Н. И. К вопросу о статистике стачек петроградских рабочих в годы первой мировой войны. — В кн.: Из истории империализма в России. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959.
[131] Там же, с. 425.
[132] Там же.
[133] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 314.
[134] «Социал-демократ», 1915, № 47, 30 сентября.
[135] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 325.
[136] История рабочего класса Ленинграда, вып. II. ЛГУ, 1963, с. 177.
[137] История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 485.
[138] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 6-е д-во, 1915 г., д. 235, лл. 84—87.
[139] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 337.
[140] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 6-е д-во, 1915 г., д. 235, л. 98.
[141] Абросимов впоследствии был разоблачен как провокатор.
[142] «Социал-демократ», 1915, № 47, 13 октября.
[143] ЦГВИА, ф. 369, 1915 г., д. 2, лл. 30—40.
[144] Там же, л. 38.
[145] Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию. Пг., 1916, с. 7.
[146] «Вопросы страхования», 1915, № 7, с. 1.
[147] Борисов С. П. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. М., 1948, с. 31.
[148] «Рабочее утро», 1915, 19 сентября.
[149] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 245.
[150] Участник пленума Т. К. Кондратьев пишет в своих воспоминаниях: «Помню, эти два предложения несколько раз ставились на голосование, но ни то, ни другое предложение не получило абсолютного большинства. Наконец, к самому утру приняли второе предложение» («Красная летопись», 1923, № 7, с. 37).
[151] «Исторический архив», 1961, № 5, с. 87—88.
[152] «Вопросы истории КПСС», 1962, № 8, с. 93.
[153] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 309.
[154] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 160.
[155] Шляпников А. Канун семнадцатого года, с. 115.
[156] Рабочее движение в 1912—1917 гг., с. 353.
[157] «Социал-демократ», 1915, № 49, 21 декабря.
[158] Купер С. Большевики завода «Эриксон» в борьбе с социал-шовинистами. — «Красная летопись», 1934, № 4, с. 81—82.

[159] «Социал-демократ», 1916, № 50, 18 февраля.
[160] См. «Докладную записку ЦВПК» (ЦГИА, ф. 1276, оп. 11, 1915—1916 гг., д. 348, лл. 205—212).
[161] Цит. по: Сейранян Б. С. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. Ереван, 1961, с. 64.
[162] Там же.
[163] «Социал-демократ», 1915, № 48, 20 ноября.
[164] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. 1, с. 412.
[165] «Социал-демократ», 1915, № 48, 20 ноября.
[166] Заявление 84 наборщиков было издано отдельной листовкой (Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 176).
[167] Цит. по: Сейранян Б. С. Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов, с. 80.
[168] ЦГВИА, ф. 13251, оп. 1, д. 185, лл. 6—7.
[169] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 190.
[170] «Страхование рабочих», 1916, № 1-2, с. 21.
[171] «Вопросы страхования», 1916, № 11, с. 1.
[172] Подсчеты произведены по таблицам, приведенным в статьях: Крылова И. И. К вопросу о статистике стачек петроградских рабочих в годы первой мировой войны. — В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959; Лейберов И. П. Стачечная борьба петроградского пролетариата в период первой мировой войны. — В кн.: История рабочего класса Ленинграда, вып. II. ЛГУ, 1963.
[173] «Социал-демократ». Сборник ЦО РСДРП, 1916, № 2, с. 73.
[174] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, 1915 г., д. 1059, лл. 102—103.
[175] ЦГАОР СССР, ф. ДП, ОО, 1916 г., д. 5, л. 27.
[176] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 401.
[177] «Социал-демократ», 1916, № 53, 18 апреля.
[178] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 182.
[179] Там же, с. 183—184.
[180] Круглова А. Незабываемое. Л., 1963, с. 76—77.
[181] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., с. 199.
[182] «Социал-демократ», 1916, № 53, 13 апреля.
[183] ЦГАОР СССР, ф. ДП., 4-е д-во, 1916 г., д. 8, ч. 61, лит. А, л. 1.
[184] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг., т. 2, с. 196.
[185] ЦГАОР СССР, ф. ДП., 6-е д-во, 1916 г., д. 235.
[186] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 95 об.
[187] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг., т. 2, с. 202.
[188] ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 44, л. 51.
[189] Библиотека ИМЛ, фонд архивного хранения «Обзор деятельности Российской социал-демократической партии за время войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.», составленный департаментом полиции, с. 90.
[190] «Пролетарский голос», 1916, № 3, 1 мая.
[191] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 219—220.
[192] «Красный архив», 1926, т. 17, с. 10. Перепечатано в сборнике «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.», с. 483.
[193] Шляпников А. Канун семнадцатого года, с. 82.
[194] Там же.

195 ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, 1917 г., д. 117, л. 123.
196 Иванов А. Волнение в 1916 г. в 181 зап[асном] пех[отном] полку (из воспоминаний участника). — «Красная летопись», 1924, № 1, с. 171—172.
197 «Красная летопись», 1924, № 2, с. 211.
198 «Пролетарский голос», 1916, № 4, 18 декабря.
199 Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 227.
200 Там же, с. 231.
201 Россия в мировой войне 1914—1918 гг. ЦСУ, отдел военной статистики, 1925, с. 4.
202 Царская армия в период первой мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932, с. 75.
203 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 350.
204 Кочаков Б. М. Петроградский гарнизон накануне Февральской буржуазно-демократической революции. — Труды Высш. пед. ин-та им. М. И. Калинина, т. 3, 1948, с. 171.
205 Там же, с. 174.
206 ЦГВИА, ф. 11, оп. 1, д. 9092, л. 1.
207 ЦГВИА, ф. 44, оп. 1, д. 9092, л. 1.
208 ЦГВИА, ф. 56, д. 79, 1915 г., д. 6, л. 16.
209 ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, 1915 г., д. 6126, л. 42.
210 Капшуков С. Г. Борьба большевистской партии за армию. М., 1957, с. 52.
211 Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М.—Л., 1938, с. 35.
212 Шелюбский А. Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте. — «Вопросы истории», 1947, № 2, с. 72.
213 В боях за власть Советов. Сборник воспоминаний и документов, 1937, с. 11.
214 ЦГВИА, ф. 544, оп. 2, д. 129, л. 4.
215 Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 141.
216 Там же, с. 167.
217 Ахун М. И., Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. Л., 1929, с. 50.
218 Там же, с. 58.
219 Там же, с. 65.
220 Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. М.—Л., 1948, с. 498.
221 Там же, с. 500.
222 Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969, с. 112.
223 В исследованиях последнего времени было установлено, что руководящий большевистский орган на Балтийском флоте, широко известный как Главный судовой коллектив, первоначально именовался Центральной группой связей (см.: Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969, с. 144).
224 Там же, с. 146.
225 Революционное движение в армии и на флоте 1914 — февраль 1917 г. М., 1966, с. 339—340.
226 Из Обвинительного заключения по делу военной организации большевиков во флоте. — «Красная летопись», 1934, № 4, с. 100.
227 См. об этом предыдущий раздел настоящей главы.

228 Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы, с. 138.
229 Там же, с. 133.
230 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8—9.
231 Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1948, с. 649.
232 Там же, с. 640.
233 Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.—Л., ч. 1, 1957, с. 20—21.
234 Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II, с. 647.
235 Маевский И. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, с. 356.
236 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 15.
237 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 69—70.
238 Буржуазия накануне Февральской революции. Сборник. Центроархив, М., 1927, с. 50.
239 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.
240 История гражданской войны, т. 1. М., 1936, с. 72.
241 История рабочего класса Петрограда. ЛГУ, 1963, с. 83.
242 Воспоминания М. Г. Павловой. ЛПА, ф. 4000, оп. 4, д. 1241, л. 112.
243 Петроградские большевики в трех революциях, с. 133.
244 Шляпников А. Канун семнадцатого года, ч. 1, с. 216.
245 Там же, с. 217.
246 Святицкий Н. Воспоминания. — «Каторга и ссылка», 1931, № 2, с. 23.
247 Шляпников А. Канун семнадцатого года, ч. 2, с. 11, 12.
248 Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг., т. 2, с. 233—235.
249 Канун революции. Пг., 1918, с. 5—7.
250 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 346.
251 «Красная летопись», 1931, № 3, с. 35.
252 Лемешев Ф. На Путиловском заводе во время войны. — «Красная летопись», 1927, № 2, с. 36.
253 Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 142.
254 История рабочего класса Петрограда. Л., 1963, с. 183.
255 ЦГАОР СССР, ф. ДП., д. 347, л. 254.
256 Разъяснения ЦВПК по поводу правительственного сообщения 30 января 1917 г. об аресте «Рабочей группы», с. 2.
257 Стенографический отчет Гос. думы IV созыва, 5 сессия, заседание 21. Пг., 1916, с. 152.
258 Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 2, с. 241.
259 10 февраля была пятница масленой недели, работу заканчивали с полдня.
260 Завьялов С. История Ижорского завода. Л., 1939, с. 392.
261 «Былое», 1918, № 1, с. 160—161.
262 См.: Милюков П. И. История второй русской революции. Киев, 1919; Shapiro L. The communist party of the Soviet Union. N.Y., 1966; Pares B. The fall of the Russian Monarhy. L., 1939; Katkov C. Russia, 1917. The february revolution. L., 1967.
263 Иоффе Т. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской историографии. М., 1970, с. 26.

[264] Кроме названной выше работы Т. З. Иоффе см. также: Игрицкий И. И., Иоффе Т. З. В. И. Ленин, 1917. Новейшая буржуазная историография. — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 2; Косых Г. Т. Февральская революция 1917 г. в освещении английской буржуазной историографии. — «Вестник ЛГУ», 1967, № 8, вып. 2; Стратегия и тактика большевистской партии в борьбе за диктатуру пролетариата. М., 1972.

[265] Знаменский О. Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции. — В кн.: Свержение самодержавия. Сборник статей. М., 1970.

[266] Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. М., 1967, с. 94 и 135.

[267] Ефимов А. Из истории партийного коллектива на заводе «Старый Парвиайнен». — «Красная летопись», 1926, № 3.

[268] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 29.

[269] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 413.

[270] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 150.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аграфена Яковлевна Великанова,
Борис Павлович Кондратьев,
Георгий Александрович Почебут

НА ПУТИ КО ВТОРОМУ ШТУРМУ

Редакторы Д. И. Жеребкина, Н. А. Ватагин
Художник Е. П. Гаврилов
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор А. В. Семенова
Корректоры В. Д. Чаленко и Т. В. Мельникова

Сдано в набор 26/VII 1974 г. Подписано к печати 2/XII 1974 г. М-56107. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 18,9+вкл. Уч.-изд. л. 20,32. Тираж 3500 экз. Заказ № 809. Цена 79 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС «ЛЕНИЗДАТ»

В 1974 году вышли из печати:

Критика буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. Сборник статей.

Тихвин, год 1941-й.

Воспоминания участников боев на тихвинском и волховском направлениях в октябре — декабре 1941 года.

Дети города-героя. Сборник.

В книге рассказывается о маленьких ленинградцах, активных помощниках взрослых в дни героической обороны Ленинграда.

Тысячи искр. Сборник.

Книга посвящена 50-летию ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры».